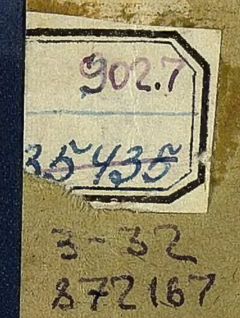
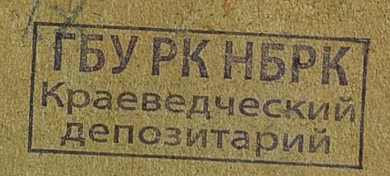

ЗАПИСКИ
Общества Изучения Коми Края

Выпуск 4.

Bulletins de la Société Scientifique d'Etude de la Region de Komi

Издание Об-ва изучения Коми края
город Сыктывкар—1930 год

ЗАПИСКИ

Общества Изучения Коми Края

Выпуск 4.

Bulletins de la Société Scientifique
d'Etude de la Region de Komi

Издание Об-ва изучения Коми края
город Сыктывкар—1930 год

**Отпечатано в типографии
Коми Издательства
в г. Сыктывкаре.**

Коми облит № 68. Город Сыктывкар. Тираж 760 экз

Юр. Л. Славянский.

Графика и физиология звуков современного зырянского языка.

(Глава из будущей научной коми грамматики).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Постановка вопроса. Определение графики, физиологии звуков и фонетики; их взаимоотношение. Важное значение физиологии звуков для диалектологии, истории языка и научной грамматики. Физиология звуков речи, как первое звено в цепи наук о языке. Три основных цели моей статьи. Вопрос об источниках.

Вопрос о взаимоотношении графики и физиологии звуков современного зырянского языка—один из наименее разработанных в лингвистической литературе. В старых трудах его почти совсем обходили, а если и затрагивали, то лишь мимоходом и разрешали его или догматически, или произвольно, или неточно и ненаучно. Каких-либо новых, современных трудов или хоть статей, специально освещающих этот вопрос, я не нашел, сколько ни искал. Между тем, кажется, давно назрела пора остановиться попристальнее и на этом вопросе. Особенно сильный толчек к постановке его дало, мне думается, „подновление" зырянского шрифта быв. лектором Коми Института Народного Образования, В. А. Молодцовым, и введение его в качестве обязательного в школах (с 1919 г.).

Основным стимулом, который движет содержанием физиологии звуков, как научной дисциплины, является вопрос о степени соответствия языка произносительного, живого, разговорного языку письменному, буквенному. Здесь физиология звуков неизбежно сталкивается с графикой, под которой обычно разумеют определенную, раз принятую систему и принцип обозначения на письме отдельных звуков речи. Графика же занимается и разрешением вопроса о степени звуковой точности, звукового соответствия той или иной буквы, как отдельного и чисто-условного письменного знака звука. (Как видим, графика—несколько не то, что орфография. Исторически графика, разумеется, предшествовала орфографии: сначала графика, а потом уж орфография).

Если каких-нибудь 50—60 лет тому назад физиология звуков речи, как специальная отрасль языкознания, совсем не существовала, то теперь, после открывших новую эпоху в науке трудов Э. Сиверса, Ф. Техмера, Фридр.-Зигм. Меркеля, А. М. Белля, Г. Свита, И. Сторма, Вильг. Фитора, О. Есперсена, А. Эллиса, И.-Авг. Лунделля, Ф. В. Пиппинга, Ф. де-Соссюра, Винтелера, Г. Б. Румпельта, Э. В. Брюкке, А. Шлейхера..., после исследований, наблюдений и опытов П. Русселo, Розапелли, А. И. Томсона, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, Н. В. Крушевского, Н. С. Усова, Л. В. Щербы, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Б. Киттер-

мана и др., — теперь она сделала очень много для изучения образования, свойств и особенностей звуков человеческой речи, а также для разрешения вопроса о наиболее рациональной и выдержанной (с научной и логической стороны) классификации звуков и их переходов. Она установила такие принципы и такие точки зрения, которые являются подчас „обязательными" для всех человеческих языков.

Физиологию звуков речи не следует смешивать с фонетикой (фонологией, антропофоникой), занимающейся изучением звуковых явлений в языке в том их виде, в каком они нам уже акустически даны (т.-е. так сказать, в готовом виде); ее интересуют такие звуковые факты[1]), как например, чередование (или „переход") звуков, ассимиляция, диссимиляция, приглушение звонких согласных звуков, метатезис (перестановка), гаплология, стяжение, замена, отпадение, утрата, сокращение и выпадение звуков и т. п. — и под все эти звуковые факты языка фонетика подводит определенные принципы и законы. Короче говоря, фонетика должна быть определена, как наука о законах, принципах и причинах уже готовых, акустически сложившихся звуковых фактов — звуковых явлений и изменений. (Само собой разумеется, фонетику, как, впрочем, и физиологию звуков интересуют эти факты безотносительно к значениям изучаемых слов. Морфологический состав слов—их корень, суффиксы, окончания и проч. —фонетику и физиологию звуков также мало интересует[2]).

Предмет физиологии звуков — несколько иной, отличный от предмета фонетики. Физиология речевых звуков занимается вопросом о том, какими органами и как производятся звуки той или другой языковой речи в данное время. С помощью общей анатомии человека физиология речевых звуков подробно изучает функции, положение и действия органов речи и на основе этого изучения классифицирует звуки речи по тому или иному принципу. Сведения, добытые физиологией звуков, позволяют ей поставить вопрос о тех условиях, в каких рождаются вообще различные звуковые разновидности и переходы. Короче говоря, физиология языка занимается вопросом о происхождении, условиях и способах образования или изглашения многообразных звуков речи, как результата тех или иных действий речевых органов и голоса.

Легко видеть, что без физиологии звуков языка не может быть научного знания его. „Только посредством физиологических наблюдений филолог вполне узнаёт язык; пока он упускает их из виду, он знает о языке только то, что слышится ухом и пишется рукою"... (Проф. Э. Брюкке[3]). Действительно,—без изучения физиологии звуков языка

---

[1]) Именно факты—в подлинном и первичном смысле этого слова (языковый факт— что-то уже совершившееся, действительно происшедшее и установленное в языке, в его звуковом составе).

[2]) Мы несогласны с профес. В. А. Богородицким, утверждающим, что „различие между фонетикой и физиологией заключается в том, что фонетика при рассмотрении звуковых явлений обращает главное внимание на грамматические категории, в которых встречается, то или другое явление (например, в корне, окончании и пр.), — между тем как физиология звуков занимается исследованием самого образования звуков речи, независимо от грамматических категорий"... („Лекции по общему языковедению". 2-е издание Каз. 1915 г. стр. 119).

[3]) Цитирую по капитальному труду акад. Я. К. Грота, „Филологические разыскания", т. 2; 3 изд. Академии Наук 1885 года; стр. 7. — Курсив мой. Юр. Сл.

останутся навсегда и совершенно непонятными те процессы постепенных звуковых изменений в языке, которые с течением времени способны изменить весь звуковой облик языка, всю его звуковую систему, его — коль хотите — звуковую физиономию, являющуюся всегда представительницей той или иной национальной стихии. Привычная артикуляция (лат. articulatio, „сочленение", способ образования) звуков речи, усвояемая каждым из нас с детства путем подражания окружающим, образует систему прочных укладов органов речи (главным образом, языка, губ, нёба и зубов), которую мы называем национальною, и по которой мы отличаем одну нацию от другой, одного представителя к.-л. диалекта от другого представителя иного диалекта. Вот почему без преувеличения и на строго-научных данных можно сказать, что „язык есть вернейший представитель и устойчивейший хранитель национальности" (Проф. В. Ф. Будде[1]).

Без физиологии звуков какого бы то ни было языка невозможно научное или хоть сколько-нибудь серьезное изучение его наречий, говоров и подговоров (его диалектология); а без диалектологии невозможна и история языка, т. к. основным процессом в жизни каждого языка был, является и останется процесс распределения его на наречия, говоры и подговоры (включительно до говора отдельного индивидуума); это же распадение в звуковом отношении обусловливается возникновением новых звуковых вариаций и слуховых (т. е. воспринимаемых на слух) различий. Но первоисточником этих вариаций, в конечном счете, должно признать именно физиологические явления, те или другие изменения в привычных и прочных укладах органов речи, перемещения места их артикуляций и новый физиологический характер их работы. Таким образом, наблюдаемые в истории каждого языка взаимодействия звуков и изменения их на протяжении веков и при переходе из одного языка в другой могут быть надлежаще разъяснены только физиологическим путем, только посредством данных физиологии речевых звуков. — Без истории языка невозможна, разумеется, и его научная грамматика, долженствующая связно и последовательно говорить о законах и принципах образования, изменения и соединения или состава звуков (фонетика), слогов, слов (морфология) и предложений (синтаксис).

Так в единой, неразрывной цепи соединяются важнейшие отрасли науки о языке, и первым, основным звеном в этой цепи является именно физиология речевых звуков. (Я уж не буду говорить здесь о важном значении физиологии звуков речи в деле изучения иностранных языков, обучения грамоте, обучения глухонемых, исправления различных недостатков произношения отдельных звуков: сюсюканья, зюзюканья, шепелявости, картавости и др., а также в декламации, пении, драматическом и ораторском искусстве и т. п.).

Правда, звук изолированный, выхваченный из связной речи и произнесенный отдельно (а с таким звуком речевая физиология имеет дело преимущественно), — несколько иной и наслух, и по своей артикуляционной природе, и к такому, так сказать, теоретически — отвлеченному звуку „настоящей", „действительно живой" звук разговорного языка лишь приближается, но с ним не отождествляется; правда, что „то немногое, что можно сказать об искусственно обособленном отдельном звуке, нисколько не исчер-

[1]) „Русский язык". 3 изд. Казань 1916 г.; стр. 86. — Срв. стр. 141.

пывает сущности его в живом языке" (проф. Э. Сиверс),[1]) и что „так называемое определение отдельного звука — в конце концов не более, как отвлеченный вывод из тех изменяющихся форм, в которых так называемый отдельный звук может появляться в предложений" (он же)[1]); наконец, правда и то, что отдельные единичные звуки в живой, разговорной речи слышатся довольно редко (например, в русском языке: **„а"** при отклике на зов и при выспрашивании; **„о**, какой хитрый..." **„у** страшилище морское!..", **„жжж"** или **„ззз"** при передаче жужжания; **„ссс"** при передаче свиста, а также при призыве к тишине; **„шшш"** тоже призыв к тишине, а также передача шипения змеи, паровоза, самовара и т. д.), — но при всем том, во-первых, неоспоримо, что речь состоит все-таки из отдельных звуков, к которым и относится, как целое и сложное к своим элементам; во-вторых, отдельные звуки каждого языка произносятся не с к.-л. произвольно придуманной артикуляцией, а только с той, к какой говорящий привык к своей родной, с детства усвоенной речи,—так что произношение отдельных звуков вполне гармонирует с их произношением в живой, разговорной речи; в-третьих, физиолог звуков подмечает и изучает не только те основные" звуки, для которых есть буквы в азбуке, но и различные звуковые переходы и нюансы, обусвовленные либо положением гласных относительно места и ударения, либо так называемым удвоением согласного, либо влиянием одного звука на другой; а все это весьма приближает изучаемые звуки к тем, что слышатся в живой, разговорной речи (большую помощь физиологу в этом деле оказывает так называемая **н а у ч н о - ф о н е т и ч е с к а я т р а н с к р и п ц и я**, ставящая своею целью точно записать звуки и звукосочетания со всеми их оттенками, слышимыми в живой устной речи[2]); наконец, в четвертых, физиология звуков, как и всякая другая научная дисциплина, по методологическим и чисто-практическим соображениям и причинам восходит от наиболее простых, первичных элементов речи (а таковыми являются именно отдельные речевые звуки) к звуковым сочетаниям и слогам; эти последние составляют неотделимую часть слов, слова же — фраз. — Все это, вместе взятое, и не дает основания умалять значение физиологии звуков речи, как именно первого звена в цепи наук о языке.

По отношению к **з ы р я н с к о м у** языку дело изучения физиологии звуков и их графического обозначения обстояло и обстоит неважно: ощутительный пробел слишком заметен, чтобы не броситься в глаза... Своей статьей я и хотел бы восполнить этот пробел. Удалась ли мне моя попытка, судить не берусь. Я только заботился, в о - п е р в ы х, о том, чтобы исход-

---

[1]) Сн. у Я. К. Грота, Указ. соч., т. 2, стр. 91; срв. проф. Е. Будде, op. cit., стр. 122, 123 и 139.

[2]) Уже из самого определения целей и задач такой туанскрипции видно, что она должна быть чем-то идеальным, абсолютно совершенным... и нужно сознаться, что пока наука этого идеала еще не достигла. О важнейших типах и системах такой транскрипции (Уилкинса, Дебросса, Белля и Свита. Техмера, Есперсена, Бодуэна де-Куртенэ и других) см., напр., в „Лекциях"... проф. В. А. Богородицкого, стр. 315—9.— Образцы применения такой транскрипции см., напр., у проф. Д. Н. Ушакова, „Краткое введение в науку о языке", 4 изд. М. 1919 г. Стр. 45; и проф. Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушакова, „Хрестоматия по великорусской диалектологии". М. 1910 г. (приложение), у проф. Богородицкого В. А., „Очерки по языковедению и русскому языку". 3 изд. Каз. 1910 г.; стр. 192 и слл., а также гл. IX; у В. И. Чернышева, „Законы и правила русского произношения". 2 издание 1908 г.; у проф. В. К. Сережникова, „Техника речи". 2 изд. М. 1926 г.; стр. 106—8; у проф. Ол. Брока, „Очерк физиологии славянской речи". 1910 г. (приложение) и др. трудах по лингвистике.

ным и возвратным пунктом в моих выводах, сближениях, характеристиках и классификациях звуков была живая, разговорная, литературная зырянская речь; во-вторых, о том, чтобы быть возможно более близким к современным определениям, характеристикам и выводам науки о языке; в третьих, наконец, о том, чтобы самое изложение мое не было слишком сухим (а этого не так легко достигнуть в вопросах филологических) и ради этого, с одной стороны, старался пользоваться возможно более популярным языком (почему мне и не удалось избежать повторений), а с другой стороны, обильно пересыпал свою статью примерами.

Главным источником для меня в моей работе послужили мои собственные вслушивания и наблюдения над разговорной литературной зырянской речью гор. Сыктывкара и прилегающих к нему слобод—Кодзвиля и Кируля. Для справок я прибегал к помощи „Краткого коми — русского словаря" Н. А. Шахова (Устьсысольск 1924 г.), „Краткого самоучителя зырянского языка" М. А. Молодцовой (под ред. В. А. Молодцова. Устьсысольск. 1925 г.), „Некоторых принципов зырянского правописания" В. А. Молодцова (Устьсысольск. 1926 г.) и отдельных статей и рецензий (проф. А. Н. Грена, В. А. Молодцова, А. С. Сидорова, В. И. Лыткина и других) — в журнале „Комј му" (1924—27 г. г.) и в газете „Іугыd туј" (главным образом за 1923—1925 г. г.).

I ГЛАВА.

Состав современного зырянского алфавита. Его краткая история. Отношение входящих в него букв к латинскому и русскому шрифту. Буквы, введенные вновь, и их звуковое значение. Передача зырянами звукового значения букв я, ю, е, ё. Вопрос об употреблении ими русских букв ф, х и ц.

Классификация и общая физиологическая характеристика основных звуков коми речи (с точки зрения состава; по способу образования; с точки зрения слуховой и временной). Критические замечания об обычной, школьной классификации речевых звуков.

Частная классификация коми звуков (с точки зрения голосового тона; с точки зрения положения мягкого нёба; с точки зрения участия губ; с точки зрения положения передней части языка. Звуки только „твердые“ и только „мягкие“. Вопрос о мнимой „мягкости“ гласных. Вопрос о так называемых „полугласных“ звуках). Классификация гласных коми звуков с точки зрения места их образования и способа их образования. Гласные лабиализованные и не-лабиализованные. Широкие, средние и узкие гласные звуки.

Как известно, современный зырянский алфавит представляется в таком виде: Аа, Бб, Вв, Гг, Ԁԁ, Ԃԃ, Ее, Жж, Җҗ, Зз, Ԅԅ, Ԇԇ, Ii, Jj, Кк, Лл, Ԉԉ, Мм, Нн, Ԋԋ, Оо, Ӧӧ, Пп, Рр, Сс, Ԍԍ, Тт, Ԏԏ, Уу, Чч, Шш, Щщ, Ыы.

Этим шрифтом печатается вся зырянская литература с 1920 г.; с ним же имеют дело учащиеся в школах вот уже 10 лет. Принцип и система обозначения звуков в азбуке принадлежат известному угро-финнологу, акад. А. М. Шегрену (1794—1855 г.)[1]; но в теперешнем своем виде зырянский алфавит вышел из-под пера В. А. Молодцова (отсюда и частое называние этого алфавита „Молодцовским“).

В алфавите 33 буквы; 20 из них заимствованы из русской азбуки (а, б, в, г, ж, з, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, щ, ы); 4 буквы заимствованы из общеевропейского шрифта (так наз. „латинки“)—это d, e, i, j (русские д, э, и, й); 3 буквы введены вновь: җ и ԇ—для обозначения аффрикат (сложных, слитных согласных) дж и д‘ж‘ (‘ обозначаю, как это общепринято в лингвистических трудах, „мягкость“ согласного звука) и буква ӧ — для обозначения особого звука, который по „Самоучителю“ М. А. Молодцовой, произносится „пассивными (?! Юр. С.) губами и языком“ и „близок к русскому ы“ (стр. 5), а по Н. А. Шахову, „при произнесении ӧ рот уже, чем при произнесении русского э“... (Предисловие к „Краткому коми-русскому словарю“, стр. III). Таким образом, М. А. Молодцова ориентируется на русский звук ы—гласный среднего ряда (см. ниже), а Н. А. Шахов—на звук э, гласный переднего ряда.

По нашим наблюдениям оказалось, что относительно более точным в определении физиологической природы звука, обозначаемого буквой ӧ, является Н. А. Шахов; мы сказали бы еще точнее: в слоге послеударенном ӧ звучит близко к русскому послеудар. э: jукӧd (часть, отдел, отломок), jукмӧс (колодец), улӧс (стул), iзтӧг (спички), олӧм (жизнь), урӧк (задание, урок), урӧd (урод), ԉiбӧ (либо), Пеdӧр (Федор) и т. д.; а находясь в начальном слоге слова под ударением (положение, наиболее выгодное для

[1]) Он, впрочем, как и Кастрен М. А. (1813 — 1862), и Ферд. Ив. Видеманн (1805—1887), и нек. др. фиинологи, пользовался латинским шрифтом.

определения подлинной звуковой физиономии гласного), ŏ напоминает немецкое ö и oe (böse, schön, öffen, Löwe, Goethe...) или французское eu и oeu (peu, heureux, boeuf, soeur, monsieur...), отличаясь от них, впрочем, несколько более широким раствором рта: ŏкмыс (девять), ŏкмысdас (девяносто), ŏш (бык) ŏшiњ (окно), ŏdва (едва) ŏбŏd (обед), ŏчкi (очки)...

В этом последнем случае зыряне произносят звук ŏ, приготовив язык для e (рус. э), а губы—для ŏ: полученный звук будет губным, и про него никоим образом нельзя сказать, что он произносится „пассивными" губами и языком. Сближение ŏ с русским **ы** мы находим неудачным и неточным потому, что это **ы** у нас, русских, звучит различно: в слоге ударяемом и перед следующим „твердым" согласным—как **ы** (так сказать, в своем чистом, подлинном виде): был, быт, рыба; в слоге ударяемом перед следующим „мягким" согласным—несколько иначе: быть, быль, рыть, зычный; в слоге послеударенном — еще иначе: битвы, красный, зеленый, белый; в слоге пред-предударенном — еще иначе: быстрота, выливать, вымогать, выдавать и т. д., и т. д. Спрашивается: к какому же русскому **ы** близок зырянский звук, обозначаемый буквой ŏ?

Наконец, 6 остальных букв зырянской азбуки служат для обозначения так наз. „мягких" (палатализованных, „смягченных") согласных звуков: ď (рус. **д'** или **дь**), ȝ (рус. шепелеватое **з'** или **зь**), љ (рус. **л'** или **ль**), њ (рус. **н'** или **нь**), ɕ (рус. шепелеватое **с'** или **сь**), и ꚋ (рус. **т'** или **ть**). Способ обозначения „мягкости" этих согласных заимствован (хотя и несколько изменен) В. А. Молодцовым у известного преобразователя сербской азбуки Вука Стефановича Караджича (1787—1864)[1]).

Для передачи звукового значения русских букв **я, ю, е**, ё; которые в начале слова и слога, а также после разделительных знаков ъ (') и **ь** читаются, как „двузвуки", „йотированные звуки" **йа** (ја), **йу** (ју), **йэ** (јэ), **йо** (јо) — например в словах: якорь, моя, семья; юг, юркий, бью; ель, поедешь, свинье; ёрш, житьё, моё,—а после согласного (кроме всегда „твердых" **ж, ш** и **ц**) обозначают соответственно звки **а, у, э, о,** + непременную „мягкость" этого согласного (дядя = д' à д' â, люблю = л'убл'у, люк = л'ук, дело = д'**эло**, тёща = т'**оща**),—в зырянской письменной речи в начале слов и слогов, а также после букв **б, в, м, п, р, г, к, ж** и **ш** (после 4 последних крайне редко) употребляются сочетания: ја, ју, јe,[2]) јo; после же букв ď, ȝ, љ, њ, ɕ, ꚋ на месте русских **я, ю, е**, ё пишутся всегда (в точном согласии с произношением) **а, у, е, о.** Примеры: јакŏр (якорь), јащцiк— (ящик), јешщŏ (еще), јушка (вьюшка), јун (вьюн), јамшiк (ямщик), мјаɕњiк (мясник), пермјак (пермяк), Вјатка (Вятка), знамја (знамя), објављењње (об'явление), ујезd (уезд), Јевропа (Европа), бјуст (бюст), жјурi (жюри), бiуро (бюро), Кјакта (Кяхта), запјатаја (запятая), зарјаďiтны (зарядить), брошјура (брошюра)... **Но**: ďаď (дядя), ȝаꚋ (зять), њељма (нельма), ɕењꚋабр (сентябрь), маɕљењiча (масленица), наďеја (надежда), револутсiја (революция), ељектрiчество (электричество), кољљектiвнеј (коллективный), раȝмер, (а не раȝмјер, как мы ожидали бы), ɕꚋењка Раȝiн (Стенька Разин), ȝемљеустројство, мерiн (а не мјерiн), паꚋент (патент)...

---

[1]) У Г. С. Лыткина, а также у И. Вихманна, Н. П. Попова (введшего такое обозначение по совету академ. Шогрена) и нек. др. „мягкость" согласных звуков обозначается черточкой ' или ' над соответствующими буквами: **з, с, п, л, д, т, ч,** (или z, n, s,...).

[2]) Относительно јe (рус. е) это соблюдается далеко не всегда (примеры см. ниже), т. к. зырянское **е** выступает, то в роли русского **э**, то в роли русского же **е**.

Русских букв **ф**, **х** и **ц** в зырянской азбуке нет (обычно они заменяются соответственно буквами **п**, **к** и **тс**: пабріка, кітрej, опітсер...),—однако, две первые из них постоянно попадаются в современных официальных зырянских документах, в зырянских объявлениях, в зырянских газетах „Jугыd Тyj" и „Комі Ѳiят" — органах ОК ВКП (б) и ОИК в зырянском журнале „Ордым" и т. д. (Эти буквы употребляет и сам „подновитель" шрифта, В. А. Молодцов—например, в своей книге „Некоторые принципы зырянского правописания". стр. 8, 30, 32, 33 и другие). Вот некоторые из записанных нами слов: педтехнікум (а не педтекнікум), парікмахер, хрестомтіја, хімija, Франтсija (а не Прантсija), тсыфра (а не тсыпра), фонd (а не понd), фашіст (а не пашіст), фізіка (а не пізіка), профессija и професcор, (а не пропессija и не пропессор), профсојуз (а не пропсојуз), електріфікатсija (а не електріпікатсija), суффікс (а не суппикс), федератсija (а не педератсija), параграф (а не параграп), фотографija (а не потограпija), орфографija (а не орпограпija), фізкультура (а не пізкультура), фінанс (а не пінанс), фронт (а не пронт), флот (а не плот), ріфма (а не ріпма), телеграф (хотя встречается и „телеграп"), телефон (встречается и „телепон"), фальшівеj (встречается и „пальшівеj"), конферентсija (встречается и „конперентсija) и т. д.

Примеры на замену русск. „ц" буквами **тс**: мілітсija (милиция), демонстратсija (демонстрация), организатсija (организация), квітантсija (квитанция), сотсіалізм, сотсіалізатсija, стантсija, оператсija, консультатсija, редактсija, інформатсija, сектсija, кантселapija, коопeратсija, авіатсija, прінтсіп (принцип), агітатсija, інструктсija, гвардеjетс (гвардеец), тсентр (центр), натсija, дістсіпліна (дисциплина), літсемер (лицемер) и т. д. (Все эти слова—иностранные).

Легко видеть, что с употреблением русских букв **ф** и **х** в зырянском письме,—букв не имеющихся в зырянском алфавите,—вышла тоже „маленькая" неразбериха, с которой надо покончить каким-то одним **или**: или везде, без всяких исключений употреблять в зырянском письме вместо **ф** и **х** буквы **п** и **к** (как это и делал, например, Г. С. Лыткин), или же ввести буквы **ф** и **х** в зырянский алфавит. Если держаться произношения то придется остановиться на первом решении, т. как звуки **ф** и **х** чужды зырянскому говорильному аппарату, исконно-зырянской звуковой системе. А ведь основным (но не единственным!) принципом зырянского правописания является безусловно фонетический, звуковой, и держится он здесь довольно прочно (во всяком случае, прочнее, чем, например, в русском правописании),—в особенности, в исконно-зырянских словах: слова б о л ь ш е ю ч а с т ь ю произносятся так, как пишутся: читаются все буквы; каждая буква обозначает „прикрепленный" к ней звук (простой или слитный). Но в словах, заимствованных из других языков [1]),—в частности, из русского языка—подчас сказывается влияние источника, и фонетический принцип в зырянском правописании выступает уже не столь отчетливо (об этом см. ниже).

А) Обратимся к класификации и общей ф и з и о л о г и ч е с к о й х а р а к т е р и с т и к е основных звуков зырянской речи.

(Не надо, конечно,думать что приводимые нами классификации звуков исчерпывают в с ё разнообразие этих последних, как они слышатся в живой зырянской речи: не было, нет и не может быть такой общей системы

---

[1]) А таких слов в современном разговорном и газетном зырянском языке довольно много: по нашему скромному и приблизительному подсчету—20%.

классификации, которая позволила бы охватить и уложить в нее решительное все возможные речевые звуки, и никто из физиологов не в состоянии обозреть всех возможных видоизменений отдельных форм артикуляций. Ст. б., отмечаемые нами в классификациях звуки надо рассматривать только, как основные типы, к которым можно свести все разнообразие живых речевых звуков, и установление которых может помочь нам при определении природы, характера и свойств многообразных звуков, слышащихся в живой зырянской речи — включительно до звуковых обобенностей речи отдельных индивидуумов.—Срв. Грота, op. citat., т. II, стр. 99; Д. Н. Ушакова, op. cit., стр. 19 и 27).

1. С точки зрения состава все звуки, обозначаемые буквами зырянской азбуки, могут быть поделены на 2 категории: 1) звуки простые, основные, однородные, неразложимые (для их имеются 29 букв: а, б, в, г, d, ꚁ, е, ж, з, ԅ, і, j, к, л, љ, м, н, њ, о, ӧ, п, р, с, ԍ, т, ԏ, у, ш, ы), и 2) звуки составные, сложные, слитные, аффрикативные (они обозначаются 4 буквами: җ, ԇ, ч и щ). О звуковом значении букв җ и ԇ уже сказано (их артикуляция подробно будет описана потом); буква **ч** в зырянском языке, как и в литературном русском обозначает всегда „мягкий" компонент согласных звуков **т' + ш'** (= т'**ш**), быстро и без паузы произносимых друг за другом: переход от одного звука к другому столь быстр, что оба звука, вместе произнесенные, составляют один, слитный звук. Если попробовать тянуть звук, обозначаемый буквами **ч**, җ и ԇ, то мы заметим, что звуки **ч**, җ и ԇ (как таковые) слышатся только в самом начале, но затем тотчас же обращаются соответственно в **ш'**, **ж** и шепелявое **з'**. — Буква **щ** в зырянской графике обозначает слитный, всегда „твердый" компонент звуков **тш** (в современном русском литературном языке эта буква, как известно, обозначает долгий „смягченный" согласный **ш**, т.-е. **ш'**—где—знак долготы—, или **шьшь**, **ш'ш'**; но интересно, что еще в XVIII веке эта буква, по свидетельству М. В. Ломоносова и горемыки В. К. Тредьяковского, в русском языке обозначала „твердую" аффрикату **шч**, или, что все то же, **штш**).

2. По способу образования (или по роду преграды) звуки зырянской речи делятся на 3 общих класса (как и в русском, и во всех западно-европейских языках): 1) класс так называемых гласных звуков, характерная физиологическая (еще точнее,—артикуляционная) особенность которых заключается в том, что при их изглашении имеет место свободный, беспрепятственный, широкий (то более, то несколько менее) проход звучащей струи воздуха (направляемой из легких через гортань в голосовые связки и далее в резонирующую ртовую полость [1])—без затвора органов речи в полости рта и без заметного шума. (Точнее говоря,—при изглашении гласных голос, голосовой тон заглушает, имеет безусловное преобладание над слабым, совершенно незначительным и по тому ускользающим от слуха шумом, производимым в полости рта колебаниями воздуха вследствие движения речевых органов. Из одного голоса звуки речи состоять

---

[1]) Мы намеренно не говорим здесь об устройстве речевого или говорильного (голосового) аппарата (в его состав входят: легкие, гортань с горизонтально расположенными поперек ее 2 эластичными и упругими голосовыми связками, мягкое нёбо, полость зева, полость рта, полость носа, твердое нёбо, нижняя челюсть, язык, зубы и губы), т.к. сведения об этом интересующиеся могут найти в любом общем курсе анатомии и физиологии человека (проф. В. В. Завьялова, Е. А. Аркина, Словцова и др.).

не могут, а состоят они или из одного шума — так. назыв. глухие шумные согласные,—или же из голоса и шума — все гласные, все сонорные и все звонкие шумные согласные: в гласных и сонорных звуках преобладает голос над шумом, в звонких шумных согласных—шум над голосом). Гласные звуки в зырянской графике обозначаются 7-ми буквами: а, е, i, о, ӧ, у, ы. 2) Класс сонорных (полноголосных, глосовых, голосных, звучных; лат. sonor—звук, голос) согласных, артикуляционная особенность которых—в том, что при их произнесении имеет место—несмотря на затвор, образуемый органами речи в полости рта — свободный (как и при гласных) проход звучащей струи воздуха через ртовую или носовую полость. Они обозначаются 6 буквами: р, л, љ, м, н, њ. Звуки р, л, љ часто называются плавными, звуки м, н, њ — носовыми. Название звуков р, л и љ плавными (лат. liquidae) — образное, не научное (с точки зрения речевой физиологии), но относительно удобное по своей краткости и определенности. Термин „носовые“ звуки (лат. nasales)—менее удачен, т. к. звуки эти образуются вовсе не в носу, а только при их изглашении полость носа служит проводником и резонатором для звучащего тока воздуха. 3) Класс шумных согласных: при их произнесении нет свободного, беспрепятственного прохода выдыхаемой воздушной струе, и он образуется двумя „обходными“ путями,—или взрывом („шумом“, разнятием, лопанием), сомкнутых органов речи (губ, языка, зубов, нёба), что наблюдается при изглашении простых звуков, обозначаемых 8 буквами: б, п, d, ԁ, т, ԏ, г, к, а также звуков слитных ж, ԅ, ч, щ (это—так назыв. взрывные[1]), или смычные, или затворные звуки),—или же образованием узкой щели между сблизившимися, но не сомкнувшимися органами речи; через эту щель (теснину) и проходит („продувается“) сдавленная струя воздуха, не давая, разумеется, взрыва, но образуя характерное трение („шум“, шипение, свист, шорох); отсюда и общие названия этих звуков—фрикативные (термин проф. Румпельта—60 г. г. XIX ст.; лат. fricare „тереть“), придувные (излюбленный термин проф. В. А. Богородицкого, случайно оброненный еще акад. Я. К. Гротом), спиранты (лат. spirantes—собственно „дыхательные)“, тесниные (нем. Engelaute), щелинные (щелевые), проточные (проток для воздука), проторные (от „тру“, „тереть“) или просто трущиеся. Для обозначения этих звуков служат 8 букв: в, ж, з, ԅ, j, с, ԍ, ш. (Заметим здесь же, что при изглашении взрывных звуков смыкание верхней и нижней челюсти более энергично, чем при произнесении звуков фрикативных).

3) С точки зрения слуховой (акустической) и временной взрывные; или смычные согласные звуки являются мгновенными (лат. momentande), фрикативные, а также „носовые“ сонорные и все гласные звуки—длительными (лат. continude s. durativae). „Мгновенные звуки“, по удачному сравнению изв. немецкого лингвиста А. Шлейхера (1821—1868), „отличаются от длительных, как точка от линии“...[2]) Не надо думать (вслед за Э. Сиверсом, впавшим здесь в ошибку), что в живой речи, в обычном произношении так называемые длительные звуки длиннее или протяжнее мгновенных: длительными (не долгими!) эти звуки называются только потому, что они

[1]) Не „взрывчатые“! (неуклюжий термин, неудачно нововводимый М. А. Молодцовой в „Самоучителе“..., стр. 5, и поддерживаемый В. А. Молодцовым—например, в статье рецензии на „Краткий коми-русский словарь Н. А. Шахова, помещенной в журнале „Комi му“ 1924 г., № 4—6, стр. 131.

[2]) Сн. у Я. К. Грота, op. citat., т. II, стр. 14,

обладают способностью к продлению, их **можно** „протягивать“ в произношении,—меж тем как мгновенные звуки остаются необходимо краткими (отрывными): сколько бы мы ни старались протянуть их, нам это никогда не удастся.

Таким образом, приведенной классификации звуков по способу образования (или действия органов произношения) звуки сонорные занимают промежуточное, срединное место между гласными и шумными согласными звуками: и действительно,—с одной стороны, они по способу своего образования примыкают к гласным звукам, т. к. при их изглашении, как и при изглашении гласных, остается свободный выход звучащей струе воздуха; с другой стороны, они сближаются с шумными, затворными согласными звуками, т. к. эта струя воздуха на своем пути встречает препятствие—затвор, смычку органов речи и потому стремится в свободный, но обходный путь—или в полости рта, или в полости носа. Вот отчего эти звуки могут произносится полным голосом, имеющим свой свободныхй выход [1]).

Нужно отметить здесь же, что обычная классификация звуков речи—на гласные и согласные,—обычное определение их и самые термины „гласные“ и „согласные“ звуки—строго говоря, являются и ненаучными, не основанными на физиологии звуков, и неточными, и нелогичными,—хотя они и освещены седой традицией. (Это ценное соображение впервые было высказано и блестяще разъяснено знаменитым немецким физиологом—-проф. Э. Сиверсом, автором классического труда „Grundzüqe der Lautphysioloqie“; 1-е изд. вышло в 1876 г.; во втором и послвдующих изданиях труд называется „Grundzüqe der Phonetik“—Точку зрения проф. Э. Сиверса разделяют многие ученые лингвисты—акад. Я. К. Грот, акад. Ф. Ф. Фортунатов, акад. А. А. Шахматов, профессор Е. Б. Будде, проф. Д. Н. Ушаков, проф. С. К. Булич, проф. А. И. Томсон и др.).

В самом деле: классифицировать звуки речи, как таковые (а они ведь—результат действия телесных органов, изучаемых анатомиею и физиологиею), можно и должно только на **физиологическом** принципе, учитывающем и способ образования звуков, и место их образования, и положение, и характер деятельности органов речи [2]), участвующих в образовании звуков, и наличность или отсутствие голосового тона при этом образовании. (Под голосовым тоном или просто голосом разумеют музыкальный тон, производимый равномерными, ритмическими дрожаниями голосовых связок гортани; каждый такой тон разумеется, имеет ту либо иную силу, высоту, продол-

[1]) Недаром проф. А. И. Томсон, проф. В. А. Богородицкий, проф. Д. Н. Ушаков и многие др. физиологи речи находят возможным объединить сонорные (плавные и носовые) согласные звуки гласные в один общий класс—**сонорных** звуков т.-е. звуков с преобладанием голоса (sonor), противопоставив его другому классу—**шумных** звуков, т.-е. звуков с преобладанием шума. (См., напр., А. И. Томсона, „Общее якыковедение“. 2 изд. Од. 1910 г, стр. 107 и 186; В. А. Богородицкого, „Лекции“..., стр. 55 и 56; Д. Н. Ушакова, op. cif., стр. 35). Помимо того: вследствие своей близости к гласным звукам сонорные согласные часто выступают в роли т. н. слоговых (слогообразующих) звуков; а эта роль par excellence принадлежит звукак гласным (см. ниже, гл. IV).

[2]) Главным образом языка, губ., нижней челюсти и мягкого нёба (лат. palatum molle или нёбной занавески, velum paletl—„парус нёба“; нем. Gaumenseqel); это—так наз. **активные** (подвижные, деятельные, работающие) органы речи,—в отличие от **пассивных** (непоевижных, недеятельных)—полости рта, полости носа, твердого (костяного) нёба и зубов. Дыхательный аппарат (легкие, pulmones) и гортань (larunx) с 2 голосовыми связками (choreae vocales)—правой и левой—также должны быть отнесены к **активным** органам речи.

жительность (количество) и тембр (качество, „окраску"), или, другими словами, способен усиливаться и ослабляться, повышаться и понижаться, замедляться и ускоряться и, кроме того, изменять свою „окраску" (немецк. Klanqfarbe или Tonfarbe), свое качество, свой характер,—иначе он был бы не музыкальным тоном, а лишь шумом, т. е. результатом не периодических, неравномерных колебаний. Впрочем, строгую разграничительную линию между музыкальными звуками и шумами почти невозможно провести, — да и самая природа шумов — со стороны физической, физиологической и акустической—еще слишком мало изучена[1]). Всякое иное деленне звуков речи может быть и будет уже не логически необходимым и не научным, а лишь практическим (пусть даже очень удобным). Только с такой необходимой оговоркой и можно сохранигь прежние, общепринятые (со времен древне-греческих грамматиков) термины: „гласные" и „согласные" звуки.

Между тем, обычная, школьная классификация звуков, основанная не на физиологической сущности их, а на их функции, на роли, какую они играют в образовании слогов (т.-е. на их способности или неспособности иметь на себе слоговое ударение), — грешит не только против физиологии звуков, но и против правила о делении вообще, установленного логикой: в этой классификации смешиваются два основания для деления (fundamenta divisionis)—участие голосового тона (при произнесении гласных или „самогласных", как их называли в XVIII в. Мел. Смотрицкий, М. В. Ломоносов и др.) и способность сочетания звуков друг с другом („со-гласные" звуки, т.-е. звуки, употребляющиеся и „свободно" и „легко" выговаривающиеся якобы только в соединении с гласными[2]). Против такого определения природы согласных восставал еще в 50-х г. г. прошлого столетия профессор-физиолог Э. Брюкке).

На самом же деле, в природе гласных звуков главную роль играет не орган речи, а место образования; в природе же звуков согласных такую роль играет орган речи, который артикулирует своим движением звук, или относительно которого артикулирует язык, как наиболее богатый мышцами, наиболее активный орган речевого аппарата, способный действовать (артикулировать) своей передней (особенно подвижной), средней и задней частью относительного мягкого и твердого нёба, альвеол (челюстных ячеек или луночек) и зубов. Помимо того: он может делаться плоским (лежать плашмя) и выгибаться (принимать выгнутое положение), удлиняться и укорачиваться, суживаться и расширяться, подниматься и опускаться. (А от той или иной артикуляции языка зависит характер и качество звука).

В) В частности, если рассматривать звуки зырянской речи: 1) с точки зрения присутствия или отсутствия голосового тона (иначе говоря—по действию гортани) при их произнесении, то придется поделить их на 2 категории: а) звуки звонкие (лат. tonantes; звучные—по терминологии Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского; громкие—по Э. Брюкке)

---

[1]) Более подробные сведения о голосовом тоне и тонах вообще, а также о шумах, резонансе и резонаторах, силе, высоте, продолжительности и тембре звуков интересующиеся могут найти в любом общем курсе физики, в отделе акустики.

[2]) Срв. в „Грамматике зырянского языка" Г. С. Лыткина: „Гласными называются те буквы, которые слышны без помощи других... Согласными называются те буквы, которые слышны в соединении с гласными"... (Op. cit., отд. II, стр. 1.— Курсив мой. Юр. С.). Здесь налицо и беспардонная путаница звуков и букв. и туманная неверность определения понятий...

или голосовые (они произносятся с участием голосового тона, образуемого сближайщимися и держащими под напором выдыхательного тока голосовыми связками); они обозначаются 24 буквами: а, б, в, г, d, ɗ, е, ж, ӂ, з, ъ, ʒ, і, ј, л, ʌ, м, н, ɦ, о, ö, р, у, ы; таким образом, все гласные звуки—звонкие, и при том в наибольшей степени; за ними по убывающей степени звонкости голосового тона должно расположить сонорные согласные (плавные и носовые—причем **н** и **ɦ** звучнее, чем **м**; **р** звучнее, чем **л** и **ʌ**), затем фрикативные звонкие (**в, ж, з, ъ, ј**) и, наконец, звонкие взрывные (**б, d, ɗ, г, ӂ, ʒ**); б) звуки глухие (лат. atovde; отзвучные—по Буслаеву и Срезневскому; беззвучные—по И. А. Бодуэну де Куртенэ; шопотные—по Э. Брюкке), или безголосые (произносимые без голосового тона, т. к. голосовые связки не натянуты, удалены друг от друга, и образуемая ими голосовая щель более или менее широко раскрыта; выдыхаемая струя воздуха не приводит голосовые связки в колебание; голос заменяется шумом, происходящим от трения воздука о связи); они обозначаются 9 буквами: **п, к, т, ҭ, ш, щ, с, ɕ, ч**.

(Как видим, термины: „звонкие“ и „глухие“ звуки являются акустическими, слуховыми).

Если мы заткнем пальцами уши и будем громко произносить звонкие (голосовые) звуки — а, е, і, о, у... б, в, г, d... — то характерное для этих звуков звучание голосовых связок гортани будет отдаваться особым звоном в голове; при произношении же глухих (безголосых) согласных звуков—п, к, т, ш, с, ҭ, ɕ...—такой звон отсутствует.[1]) (Заметим здесь кстати, что все звонкие—в том числе и все гласные—звуки могут быть безголосыми, или глухими лишь при условии несколько необычного их произнесения,—шопотом).

Помимо того: при изглашении всех безголосых, или глухих звуков давление воздуха, идущего из легких, и артикуляция речевых органов заметно сильнее, энергичнее, чем при соответствующих звонких или голосовых звуках (**п**“ сильнее “**б, к**“ сильнее “**г, т**“ сильнее “d, ҭ“ сильнее “ɗ и т. д.). Вот почему еще в древне-латинских грамматиках звуки звонкие назывались lenes (слабые), а звуки глухие—fortes (сильные). Со стороны тона глухие звуки в общем несколько выше, чем соответствующие им звонкие.

2) С точки зрения положения мягкого нёба (приподнятого или опущенного) легко установить также 2 категории звуков: а) звуки чистые, ртовые (лат. orales, от os, oris—уста, рот), не-носовые, не-назалированные произносятся с приподнятым и прижатым к задней стенке зёва мягким (мышечным) нёбом, и выдыхаемая струя воздуха (звучащая при звуках гласных, сонорных и звонких шумных, не-звучащая при глухих шумных) из гортани идет в полость рта; для обозначения таких звуков служат 30 букв: а, б, в, г, d, ɗ, е, ж, ӂ, з, ъ, ʒ, і, ј, к, л, ʌ, о, ö, п, р, с, ɕ, т, ҭ, у, ч, ш, щ, ы; б) звуки носовые, назалированные—лат. nasales—произносимые с опущенным мягким нёбом, так что звучащая струя воздуха попадает уже не в полость рта, а в полость носа, где и резонируется и получает характерную окраску. (При вне-произносительном положении речевых органов, т. е. при нормальном и свободном дыхании через нос занавеска мягкого

[1]) Равным образом вибрирование (дрожание) голосовых связок, передающееся стенкам гортани, легко подметить, если при произношении к.-л. звонкого звука приложить палец к наружной стороне горла, а затем произнести соответствующий (или к.-л. вообще) глухой звук.

нёба, velum palati, также опущена, и проход в носовую полость также открыт). Эти звуки обозначаются 3 буквами: м, н, ӈ. Носовые гласные (в роде франц. an, en, am, em, on, om, im, in, un...) в коми языке не встречаются. (Термины: „не-носовые“ и „носовые“—также акустические).

3) С точки зрения большего или меньшего участия губ устанавливаются 2 группы согласных звуков: а) звуки губные (губо-губные, билабиальные = двугубные, лат. bilabiales s. labiolabiales—от labium губа), произносимые с активным участием губ, выражающимся в плотном и по всей длине сжатии их, — как это имеет место при изглашении звуков **б**, **п**, **м** и того звука, который слышится, напр., в русских словах: „тпру“, „тпруà“, „тпрусь“, „тпрусéнь“ и под. (срав зыр. тпруѣj — ласкательное обращение к корове), и обозначается в лингвистических трудах греческой буквой „пси“ (ψ̆);[1] б) звуки губно-зубные (лат. labio-dentales s. dentolabiales = зубо-губные), при произнесении которых нижняя губа слегка соприкасается с передними верхними зубами, образуя узкую щель (сквозь нее и проходит выдыхаемая воздушная струя); такой звук обозначается в зырянской азбуке буквой **в**, причем в конце слов и в средине—перед следующим глухим согласным **в** иногда переходит в соответствующий (парный) губно-зубной глухой звук **ф**. Срав. также слова с буквой и звуком **ф**, приведенные в начале главы: фiѕiка, фашiст, флот, суффiкс...

4) С точки зрения положения языка, который может артикулировать своей передней, средней и задней частью то относительно верхних зубов, то относительно альвеол, то относительно твердого (переднего и среднего) нёба, то относительно мягкого (заднего) нёба,—нужно различать следующие основные группы язычных (язычно-нёбных) согласных звуков: а) звуки переднеязычные,[2] при произнесении которых язык артикулирует своей заостренной передней частью (кончиком) относительно верхних зубов (переднеязычные зубные: верхнезубные или супрадентальные, лат. supradentales; зазубные или постдентальные, лат. postdentales; см. ниже, гл. II), альвеол (переднеязычные альвеолярные, alveolares) и передней части твердого нёба (переднеязычные передненебные = какуминальные, или апикальные, или верхненёбные, или церебральные; (лат. cacumen вершина, apex, apicalis—верхушка, верхушечный); таковы звуки, для которых в зырянской азбуке имеются 19 букв: d, ԁ, ж, җ, з, ѕ, ԅ, л, р, љ, н, њ, с, ԍ, т, ԏ, ч, ш, щ; б) звуки среднеязычные, при произнесении которых артикулирует средняя часть спинки языка по отношению к соответствующей части (зоне) твердого нёба; сюда относится согласный звук, обозначаемый буквой j; в) звуки заднеязычные (мягконёбные, велярные) при произнесении которых артикулирует задняя часть языка (корень) относительно заднего края твердого нёба и отчасти мягкого нёба; сюда принадлежат

---

[1] Нечего и говорить здесь о том, что общепринятое обозначение этого звука целыми 3 буквами „тпр“ совершенно неточно.

[2] Их часто называют (вслед за проф.-акад. Ф. Ф. Фортунатовым, проф. Е. Ф. Будде, проф. Д. Н. Ушаковым, проф. В. К. Поржезинским, проф. Н. С. Державиным и др.) передненёбными; мы предпочитаем—вслед за проф. Ф. Техмером, проф. И. А. Бодуэном де-Куртенэ, проф. Н. В. Крушевским, проф. С. К. Буличем, проф. В. А. Богородицким и др.—держаться термина „переднеязычные“, и вот почему: называть звуки речи надо по активному органу, артикулирующему при их изглашении; а таковым в данном случае является, конечно, язык, а не нёбо.—То же следует сказать и о терминах: „средненёбные“ и „задненёбные“.

согласные взрывные звуки, обозначаемые 2 буквами: **к** и **г.** [1])

5) С точки зрения „произносительного“ положения передней части спинки языка по отношению к твердому нёбу нужно различать 2 группы согласных звуков: а) звуки палатальные (нёбные, твердо-нёбные, на слух—„смягченные“ или просто „мягкие“; лат. palatum нёбо), при произнесении которых полость рта укорачивается, углы губ слегка растягиваются, а передняя (точнее—средне-передняя) часть спинки языка поднимается к средине твердого или костяного нёба (palatum durum s. osseum) и принимает такое положение, с каким произносятся нёбные (палатальные) гласные е, і (стало быть, при произнесении палатальных звуков активную роль играет язык, пассивную—твердое нёбо); к „мягким“ согласным относятся звуки, обозначаемые 9 буквами азбуки: ԁ, ԅ, ԇ, j, љ, њ, ԍ, ԏ, ч. б) Звуки, обозначаемые 17 буквами: б, в, г, d, ж, ԫ, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ш, щ, — звуки не-палатальные (не-небные, акустически „не-смягченные“ или просто „твердые“). При изглашении „твердых“ согласных звуков полость рта, удлиняясь, принимает такое положение, которое нужно для того, чтобы непосредственно за согласным произнести один из гласных—**а, о, у, ы**: жаљ, суdно, рыжік, мужік, сакар, праваd. табак, заклаd, рак, лук; морт (человек), вок (брат), бур (добрый, хороший), пу (дерево), мыј (что), шуны (говорить), ылын (далеко), улын (внизу), ныв (дочь, девушка)... „Твердым“ согласным звукам несвойственно столь характерное для „мягких“ согласных приближение передней части языка к соответствующей части твердого нёба.

Помимо того: акустически, на слух „мягкость“ согласного звука характеризуется более высоким голосовым тоном—сравнительно с тоном соответствующего „твердого“ согласного. Срв. произнесение звуков—d и ԁ, л и љ, н и њ, з и ԅ, с и ԍ, т и ԏ; р и р’, б и б’, м и м’ и т. д. (Изменение в высоте звукового тона обусловливается отмеченной физиологической особенностью артикуляции „мягких“ согласных; см. также ниже, в конце III главы).

Следует хорошенько запомнить, что „твердыми“ и „мягкими“ могут быть только согласные звуки, но не гласные (как это утверждали долгое время старые грамматики); гласные могут только „смягчать“ или „не смягчать“ предшествующий согласный, но сами не являются ни „твердыми“, ни „мягкими“. Срв. револутсіја, клејма (клеймо), ԅаԏ, стаԏіԍԏіка, кӧзајство (хозяйство), суԁітны (судить); нім (имя), ԍетны (давать), ԍеравны (смеяться), ԁерт (конечно), венԅа (спорю), њӧбны (купить), ԍӧкыd (тяжелый), ӧԏі (один), ԍіԅім (семь)...

Из гласных чаще всего „смягчают“ предыдущий согласный звук і и е (последний звук—лишь тогда, когда выступает в роли русского е, или јэ): см. только что приведенные примеры; срв. также гаԅет (газета), ԏехнікум (техникум), магаԅін, канԁіdат, кулік, кінжал, лекар, ліст, ԁелегат, ԁеԏіна—

[1]) Школьная грамматика очень долгое время совершенно неверно называла эти звуки (и звук х) гортанными (лат. gutturales): они образуются вовсе не в гортани, а в полости рта; если же называть их гортанными только потому, что при их произнесении выдыхаемая воздушная струя проходит через гортань, то в таком случае и все остальные звуки тоже должны быть названы гортанными, ибо при их произнесении воздушная струя (звучащая или не звучащая) также проходит через гортань, и не может не проходить,—ведь гортань расположена на пути из легких в полость рта и носа,—между глоткой н дыхательным горлом (трахеей). Собственно гортанные звуки (взрывные и фрикативные, звонкие и глухие) можно уловить, например, в речи татар, армян, арабов, эфиопов (абиссинцев), айсоров и др. народов.

мальчик, чёрніла, мільліард, тельега, саньтіметр, радіо, пльеш—лоб, діван, больніча, наъем—назем удобрение, колоніја, Англіја, інвалід...

Из „мягких“ (нёбных палатальных) согласных звуков чаще всех подвергает „смягчению“ предшествующий звук—j,—в особенности, когда он служит для передачи русских я, ю, е, ё (ja, jy, je, jo), в состав которых входит: рус. бюро—бјуро, мјасник (рус. мясник), запјатаја (рус. запятая), льубö (рус. любо), öбöдньа (обедня), седлö (седло), сöмга (сёмга), кöстер (костёр), гöлöвньа (головня), тётка (тётка), зајавленнье...

Что в сочетаниях бју, пја, мја и под. = русскими бю, пя, мя... „мягкими“ являются только согласные б, п, м и др., а за ними следуют гласные у, а и др.,—легко убедиться, если попытаться произносить те и другие, но протягивать гласные: бјуро = б'ууу-ро, мјасник = м'ааа-сник, запјатаја = зап'ааа-таја, знамја = зна-м'ааа и т. п. — Интересно, что зыряне, как и вообще, инородцы, в словах, подобных только что приведенным, обыкновенно не так резко „смягчают“ согласный перед ја, ју, је, јо, как в русском языке перед я, ю, е, ё, а значительно слабее, и, напр., слова: Вјатка (Вятка), пермјак, запјатаја и под. произносятся так, как если бы по-русски было написано: Вйатка, пермйак. запйатайа и т. д. (см. ниже, конец III главы). Что касается написаний в роде кöсак, прöстынья, кöзаін, льубö, öбöдньа, гöлöвньа и под., то они имеют такой вид только потому, что для находящихся в них „смягченных“ согласных (с', н', з', л'...) есть особые буквы в зырянском алфавите (с, нь, з, ль...); если бы таких букв не было, то и эти слова писались бы, например, так: *кöсјак, *прöстнја, *кöзјаін, *лјубö, *öбöднја, *гöлöвнја и под, Срв. также чисто-зырянские слова: пывсан—баня, сесса—потом, ньельамын—сорок, со—сто, сусa—бойко, умело, сурс—тысяча, ньань—хлеб, ньур—болото, голя—шея... где j исторически также должен был иметь место, и с ним эти слова имели бы такой вид: *пывсјан, *сессја, *нјелјамын, *сјо, *сјусја, *сјурс, *нјанј или *нјані, нјур, голја... (звездочкой обозначаем физиологически и исторически неизбежные, хотя и не доказанные памятниками формы).

Сам „мягкий“ (палатальный) и обычно несколько „смягчающий“ (палатализующий) — по кр. м., в словах заимствованных — предшествующий согласный j часто, но неверно даже в наши дни называется некоторыми грамматиками и языковедами полугласным (срв. греч. ἡμίφωνα, лат. semivocales) или неслоговым гласным i.[1]) Большинство языковедов считает этот звук согласным). При этом обычно ссылаются на бывшее звуковое значение j перед гласными и после гласных, на то, что когда-то он был звуком гласным, но неслоговым, т.-е. не составлявшим слога, а примыкавшим в слоговом отношении к предыдущему гласному (слоговому) звуку; потом в некоторых положениях (перед следующими за ним ударяемыми а, у, э, о) он превратился в согласный (см. напр., Е. Будде, op. sit. стр. 97), — а в общем он-де теперь „полугласный“ (и „полусогласный“?). Для нас исторические справки о бывшем звуковом значении j не имеют цены: важно только то, что в современном зырянском языке этот звук выступает именно, как согласный фрикативный звонкий среднеязычный (его артикуляция подробно будет описана ниже).

Есть такие согласные звуки, которые имеют постоянную „твердость“ или постоянную „мягкость“; так, напр., всегда „твердыми“ согласными

[1]) Г. С. Лыткин в своей грамматике, идя по шаблонной тропе, также считает „полугласным“, „выражающим половину гласного звука“... (Зырянский край“... 1889 г. Отд, II, стр. 1).

зырянской речи являются звуки, обозначаемые буквами ж, ш, ж, и щ: мужік, ȡружіна, сажеҥ, площщаȡ, служашщеј, общественнеј, аршін, машіна, јашщер, лöж, паљшöр (фельдшер), щај или шщај (чай)... Во всех этих и всех остальных словах ж, ш, ж, и щ произносятся „твердо"; эти звуки—всегда не-палатальные, не-нёбные. Срв. также произношение чисто-зырянских слов: ужалыс—трудящийся, ыжыd—большой жужыd—глубокий, высокий, шеdны—достаться, шебрас—одеяло, шеп—колос, öшіҥ—окно, жаж—полка, чожіҥ—тетя, щак—гриб, кущ—орел, кыщ—круг, обод, петла, ещажык—меньше.

Всегда „мягкими" согласными звуками зырянской речи являются ч и ј (как и в литературном русском языке): чістеј, частнеј, чеҭверт, уљіч (улица), чöлнöк (челнок), прöчент (процент). кöлач, бöчка, гöвбöч (голбец), кöчан (кочан), чајтны (полагать, думать, чаять), пекніча (пятница), сіҭеч (ситец), купеч (купец), куҭҥіча (кузница), ножіч (ножницы), масљеҥіча (масленица), пöслöвіча, чіпан (курица), öгурчі (огурцы); чаҥ (жеребенок), ортчöн (рядом), сетчö (туда), татчö (сюда), роч (русский), чача (игрушка), міча (красивый), кучік (кожа), чукља (кривой), чері (рыба), чер (топор), пöч (старуха), віч (отчество), ічöт (маленький), чуҥ (палец), руч (лисица)...

Даже в таких словах, где за ч следуют орфография, а, о, ӱ и ы (никогда „не смягчающие" предыдущего согласного), ч не утрачивает своей „мягкости", и потому произношение таких слов отходит от их написания: чышјан, чача, міча, чуҥ, чукља, чукöртны, чож (дядя), чожін (тетя), чој (сестра), ачым (я сам; произносится так, как если бы было написано ач-ім), курітчіны (курить), купајтчыны (купаться)... Вот почему Г. С. Лыткин во всех подобних случаях ставит—как и всегда—знак „мягкости" над буквой ч и пишет: аӵым, ӵышјан и т. д., а также ӵуҥ, ӵетӵыны, коӆтӵы, ӵери и т. п.

Остальные из „твердых" согласных и, в частности, те, для которых в зырянской азбуке нет отдельных букв с знаком „мягкости"—б, в, г, к, м, п, р,—в зависимости от своего положения в слове и в силу чисто-физиологических причин довольно часто звучат и „мягко", хотя эта „мягкость" на письме и не обозначается; керка (дом; произноситься, как русское „керка", а не как „кэрка"). пі (сын; произносится п'і), бі (огонь; произносится б'і), міча, кер (бревно), віт (пять), віна (водка), віч, гіра (гиря) ріс (рис), гіжны (писать), вір (кровь, румянец), пік (безвыходное, „пиковое" положение), піла, шурін, прізатно, прімер, коміссаріат, піҥ (зуб), піҥа (борона)... Срв. произношение слов: кыв, мыј, пырéј, пыш (конопля), пыщ (блоха), пыdын (глубоко), пыȡȡі (вместо), пыҭ (мука), пыdöс (дно), быdлун, гыр (ступа), гым (гром), ывлавыв, рыт, рыныш (овин), вылö (на)...

б) Гласные звуки в зависимости от места их образования и от положения языка, от его артикуляции по отношению к нёбу передней, средней или задней частью своей спинки могут быть распределены по 3 рядам: а) гласные переднего ряда (твердонёбные, передненёбные или просто нёбные, палатальные, переднеязычные, перндние, англ. front), артикулирующиеся передней частью спинки языка ближе к переднему, твердому нёбу; таковы звуки е, і (в начале слова и слога под ударением, а также после „мягкого" согласного: ізны—молоть. чіпан—курица, сін—глаз, нім—имя, сіҭім — семь, ҭіпограпіја, ıј — лед...); б) гласные среднего ряда (средненёбные, среднеязычные, средние, англ. mixed—„смешанные"), артикулирующиеся ближе к средней зоне нёба, к границе между твердым и мягким нёбом (точнее их следовало бы называть передне-средними или

средне-передними); сюда должны быть отнесены звуки: ы, ö и звук і после „твердого“ согласного (шondi—солнце, тaнi—здесь, dінын—около, лудік—клоп, мазі—пчела, коdi—кто, ті—вы...), очень близкий к ы;[1]) в) гласные заднего ряда (задненёбные, мягконёбные, велярные, заднеязычные, задние, англ. back), артикулирующиеся ближе к заднему, мягкому нёбу, таковы звуки — а, о, у.

Чтобы убедиться в правильности такого распределения гласных по 3 „горизонтальным“ рядам, достаточно осторожно—чтобы не вызвать рвоты—положить кончик пальца на язык и проследить его движение вместе с языком при изглашении соответствующих звуков.

7) Если при этом для большей физиологической точности и определенности (а они в науке о языке безусловно необходимы, т. к. часто помогают уяснить возможность перехода одного гласного звука в другой) гласные звуки поставить в зависимость от способа их образования, от степени поднятия (приближения) передней, средней или задней части спинки языка к нёбу, то легко будет установить, что эта степень поднятия языка сверху вниз (вертикально), этот подъем его может быть различен: при изглашении одних гласных он довольно высок, при изглашении других—он менее высок, а то и просто низок. Отсюда—различают 3 группы гласных звуков: а) гласные высокого (или верхнего, англ. hjgh) подъема; к ним относятся: і, у, ы; б) гласные среднего (англ. mid) подъема: е, ö, о; в) гласные низкого (или нижнего, англ. low) подъема—а. Путем самых простых наблюдений (хотя бы перед зеркалом) легко определить, что напр., при произнесении звука і или ы язык занимает более высокое положение, имеет более высокий подъем, чем, например, при произнесении звука е или а. (Деление гласных по 3 „вертикальным“ и 3 „горизонтальным“ рядам впервые было обосновано и введено в науку крупными английскими фонетиками, А. М. Беллем и Г. Свитом еще в 70-х г. г. прошлого столетия).

8) С точки зрения участия губ различают 2 группы гласных звуков: а) звуки лабиализованные (или округленные, собств. „огубненные“), при их изглашении губы вытягиваются кольцеобразно или овально вперед; сюда относятся звуки о, ö и у—причем при произношении первого звука губы вытягиваются несколько меньше, чем при произнесении у; звук же ö лабиализован еще в меньшей степени, чем о; б) остальные гласные звуки—а, е, і, ы—являются звуками нелабиализованными (или не огубненными, неокругленными), т. к. при их произнесении не замечается ни выпячивания, ни округления губ.

9) В зависимости от степени раскрытия рта, или от положения нижней челюсти — слегка приподнятой или оттянутой книзу и тем образующей с верхней челюстью то больший, то меньший угол — нужно различать 3 группы гласных звуков: а) звуки широкие, при произнесении которых нижняя челюсть оттягивается, осаждается книзу, и степень

[1]) Найриосенга в своей рецензии (Комі му“ 1925 г., № 6—7, стр. 73) на „Самоучитель“... М. А. Молодцовой замечает, что в зырянском языке ы—звук не средненёбный, как в русском языке, а передненёбный (как в кавказских языках). Наши наблюдения не подтвердило этого: поставить зырянский звук „ы“ рядом с действительно „передненёбными е, і все-таки нельзя; лучше всего определить звук „ы“, как именно средне-передний (что он в зырянском языке артикулируется несколько ближе к передней части нёба, чем в русском: против этого мы не возражаем). Срв. такое же, как в зырянском языке, передне-среднее ы в украинском: сын, шиття (шитье), життя (житье), ходыты, сталы, шлы... в немецком: Gisgh, stift. bifte, dinq, Gipfel.

раскрытия рта более значительна, чем при других гласных; таков звук **а**; б) с р е д н и е (средне-широкие) звуки при произнесении которых рот имеет среднюю степень раствора; таковы звуки: **о, ө, ӧ**; звуки у з к и е, при произнесении которых рот лишь слегка раскрыт, так как нижняя челюсть несколько приподнимается кверху; таковы звуки **у, і, ы**.—Все эти степени раскрытия рта очень удобно наблюдать и отмечать, произнося соответствующие гласные перед зеркалом. Рекомендуется и такой простой прием: прижмите неподвижно к верхней губе под носом указательный палец; большой палец прижмите к подбородку; произносите различные гласные; вы отчетливо почувствуете, что, напр., при звуке **а** пальцы раздвинуты наиболее, т. е. нижняя челюсть наиболее опущена, рот наиболее раскрыт; при звуках **ө, о** и **ӧ** нижняя челюсть более поднята, рот раскрыт „средне"; а при звуках **у, ы, і** нижняя челюсть имеет наиболее высокое положение, рот раскрыт наименее.

10) Наконец, с т. зр. а к у с т и ч е с к о й (слуховой, тональной) гласные звуки подразделяются так: а) н и з к и е—по резонансовому тону ртовой полости—**у** и **о**; с р е д н и е—**а, ы** и **ӧ**; в ы с о к и е—**ө, і**.

Таковы важнейшие основания коми звуковой классификации. Все они сводятся, обобщенно говоря, к 2 главным принципам: физико-акустическому и генетическому. Первый принцип покоится на исследовании акустических качеств и особенностей речевых звуков; второй — на выяснении способа образования и изглашения этих звуков. Насколько проста классификация звуков по акустическому принципу, настолько она сложна и дробна по принципу генетическому.

II ГЛАВА.

Процентное отношение гласных и согласных коми звуков. Вопрос о степени музыкальности каждого языка и языка коми. Подробная артикуляционно-физиологическая характеристика каждого из основных, установочных звуков коми речи (гласные, согласные сонорные и шумные; двойные согласные; слитные согласные = аффрикаты. Вопрос об аффрикате ц = тс).

Итак, для обозначеиия гласных звуков речи в зырянской азбуке имеются 7 букв; остальные 26 букв обозначают звуки согласные. Выходит, что букв для согласных звуков почти в 4 раза больше, чем букв для звуков гласных. Но неужели и в живой, произносительной речи сохраняется именно такое соотношение между гласными и согласными звуками? Оказывается, что нет.

Для разрешения этого вопроса мы произвели такое наблюдение.—Наудачу взяв „слухом" из связной разговорной речи 300 слов, мы фонетически-точно „транскрибировали" (записали) их и затем занялись подсчетом гласных и согласных в каждой сотне отдельно. В первой сотне слов оказалось 649 звуков; из них 263 гласных (приблизительно 40% общего количества) и 386 согласных (приблизительно 60%); во второй сотне слов оказалось 655 звуков; из них 271 гласных (приблизительно 40%) и 384 согласных (приблизительно 60%); в третьей сотне слов оказалось 700 звуков; из них 286 гласных (приблизительно 40%) и 414 согласных (приблизительно 60%).—Таким образом, в первой сотне слов отношение гласных звуков к согласным выражается числами 2,63 : 3,86 (или 2 : 3); во второй сотне слов—числами 2,71 : 3,84 (или 2 : 3); в третьей сотне слов—числами 2,86 : 4,14 (или 3 : 4). Беря - среднее арифметическое, получаем—2,73 : 3,94 или 2,7 : 3,9. Итак, согласных звуков в зырянской речи слышится в среднем лишь в $1^1/_2$ раза (точнее—в $1^4/_9$ раза) больше, чем гласных.

Такое соотношение гласных и согласных звуков очень близко к их соотношению в нашем, русском языке, где, по вычислениям проф. В. А. Богородицкого, согласных звуков в речи слышится в среднем (59,6%) также в полтора раза больше, чем звуков гласных. (См. его образцовый труд „Общий курс русской грамматики". Из университетских чтений. 4 изд. Каз. 1913 г.; гл. II и III.[1]).

О чем говорит такое соотношение гласных и согласных в зырянской речи? Имеет ли это какое-нибудь значение для нас? Безусловно имеет.

Дело в том, что то или другое процентное отношение гласных и согласных звуков служит одним из критериев для суждения о степени музыкальности природы языка. На гласных звуках главным образом основывается звучность и музыкальность языка; чем ни более гласных слышится в речи, тем она музыкальнее; преобладание же глухих шумных согласных над гласными (а также над сонорными и над звонкими шумными) сглаживает музыкальность и плавность, размеренность речи. Отсюда: зырянский язык

[1]) Цитирую по памяти и потому не указываю страниц.

принадлежит к числу языков с музыкальной природой, как и его старший брат—финский язык (кстати сказать,—необычайно богатый краткими и долгими гласными и дифтонгами, но относительно бедный согласными звуками), как, например, и древне-греческий язык, и итальянский, и французский, и русский языки.

Теперь мы позволим себе более подробно охарактеризовать с артикуляционно-физиологической стороны каждый из „основных“, „установочных“ (термин. проф. А. И. Томсона) звуков зырянской речи.

Начнем с гласных звуков. Все они—звуки звонкие, и наиболее определенно и отчетливо слышатся под ударением.

А—гласный заднего ряда, низкого подъема языка, простой, нелабиализованный, произносится средним по высоте голосовым тоном с наиболее широким раствором рта и с совершенно индиферентными губами; язык с продольным углублением на спинке лежит плашмя (не горбясь и не выгибаясь) по всей длине ртовой полости, задняя его часть несколько приподнята к нёбу, кончик его касается боковых нижних зубов и при изглашении звука немножко отодвигается взад (сравнительно с „нормальным“, обыкновенным, вне-произносительным его положением); нёбная занавеска приподнята, гортань несколько опущена. Предыдущего согласного никогда не „смягчает“. Звук наиболее полный, открытый, чистый, ясный, „центральный“: пань—ложка, паскыd—широкий, тасті—блюдо, шаjт—рубль, абу—не, нет, дас—десять, кad—время, аскі—завтра, карта—хлев, ар, кага—ребенок, ва—вода, река...

Сочетание j + а, т.-е. ja тождественно с русским я (нем. ja, лат. ia): jакӧр, jащщік, jасљі, jарманга, jанѕім (стыд), jамны (убывать).

О—гласный звук заднего ряда, среднего подъема языка, простой, лабиализованный; произносится довольно низким голосовым тоном; губы принимают средне-округленную (кольцеобразную) форму и несколько выдвигаются (выпячиваются) вперед (особенно верхняя губа); задняя часть спинки языка умеренно приподнята у корня—к задней части мягкого нёба; передняя часть языковой спинки опущена; рот имеет средний раствор: dod—сани, воj—ночь, кољны—остаться, ноль, гос, вок, jорт—друг, ош—медведь, гортын, љок, коd... Предшествующего согласного не „смягчает“. Если звуку о предшествует согласный j (как, напр., в словах: jodі—лещ, jона—сильно, jокыш—скунь, jокмыљ—сверток, jог—сор...), то сочетание jo тождественно с русским ё в начале слова и слога и после разделительных знаков—ъ (') и ь (еж, прием, подъем, житье, дурачье...).

У—гласный звук заднего ряда, высокого подъема языка, простой, лабиализованный: губы, образуя узкий (впрочем, несколько больший, чем при гласных ы, і) раствор рта, округляются и весьма заметно выдвигаются вперед; язык своей опущенной передней спинкой оттягивается назад, а задняя часть его спинки наиболее высоко приподнимается к передней зоне мягкого нёба. Обычно произносится наиболее низким голосовым тоном, т. к. надставная (над гортанью и голосовыми связками) труба,—т. е. полость рта,—получается большая, широкая и длинная, но с узким воронкообразным отверстием („выходом“) впереди; а это ведет к тому, что низкие обертоны и унтертоны (побочные тона, добавочные призвучия) усиливаются, а высокие обертоны приглушаются; гортань занимает самое низкое положение. Предшествующего согласного звука не „смягчает“. Комплекс—согласный j + у (т.-е. jу) тождественен с русским ю вначале слова и слога и после разделительных знаков—ъ (') и ь. Примеры: суса, туj—путь, уѕны—спать,

кучiк, куjлыны—лежать, уоны—падать; jугыd—светлый, jуны—пить, гу—могила, яма, jурoi—волосы, шуа, пу...

Ы — гласный звук передне-среднего ряда, высокого подъема языка, простой (одинокое мнение проф. А. И. Томсона, будто звук **ы** — двугласный = дифтонг, состоящий из слоговой и неслоговой части, мы оставляем здесь в покое), нелабиализованный, произносимый с узким раствором рта, чуть-чуть большим раствора при гласном **i**; губы щелеобразно растянуты к углам рта; язык несколько удален от передних зубов и, дорсально, или „спиночно" (лат. dorsum—спинка) артикулируя, приподнимает свою среднюю выпуклую часть к нёбу,—точнее—к той его части, которая является границей между двумя основными его зонами: твердым и мягким нёбом; нижняя челюсть выдвигается вперед. Артикуляционно родственен узким звукам **i** и **у**. Обычно произносится средним по высоте голосовым тоном.

Довольно точно физиологическую природу звука **ы** вскрывает известный немецкий египтолог и лингвист К. Р. Лепсиус (1810—1884): по его словам, звук **ы**—средний между **i** и **у**,—губы при изглашении **ы** имеют положение для **i**, язык—положение для **у**... **ы**—это такое **i**, которое выговаривается с отдернутым до нёбного пункта языком.[1]) С этим последним положением интересно сопоставить характеристику звука **ы**, данную проф.-экспериментатором Л. В. Щербой: „**ы**... находится в интимных отношениях с **и**, которого он является как бы оттенком".[2])

Физиологическим родством звуков **i**, **у**, **ы** можно объяснить их постоянное чередование и переходы в различных говорах коми языка. (Примеры см. у Г. С. Лыткина, „Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык". 1889 г. Отд. II, стр. I).

Предшествующего согласного звук **ы** не „смягчает": мыj—что, кызь—двадцать, тöлыо—месяц, татыо—отсюда, ывлавыв—природа, ылын—далеко, пызан, зырны—теснить, ыщкандыр—страда, сенокос, шуны—говорить jыв—вершина, шы—звук, кыа—заря, мывкыd—ум, мыооыны—мыться...

От русского **ы** (гласного среднего ряда, высокого подъема языка, узкого) зырянское **ы** отличается, во-первых, тем, что образуется артикулирующим языком несколько ближе к переднему нёбу (в русском языке, вообще говоря, звук **ы**—среднего ряда; но бывают такие положения, где **ы**—даже задне-среднего ряда,—напр., в словах: мыло, шить, было, жить, жито, шито, крыто...[3]); во-вторых, тем, что при произнесении зырянского **ы**, в особенности находящегося под ударением, рот раскрывается несколько шире, чем в языке русском. Про неударяемое зырянское **ы** (напр., в словах оöкыd, гöтыр—жена, jугыd, пöрыо—старый, бiыо—огня, олан-вылан..., а также в

---

[1]) Сн. у акад. Я. К. Крота, ор. citat., т. I, стр. 348–9.

[2]) „Русские гласные в качественном и количественном отношении". П. 1912 г. Стр. 50. Срв. у проф. Д. Н. Ушакова, ор. cit., стр. 22: „**ы**—это, т. ск., **i**, передвинутое в среднее нёбо"... У проф. В. А. Богородицкого („Лекции".... стр. 40): „гласный **ы**... требует для своего произношения менее глубокой заднеязычной артикуляции по сравнению с **у** и такого же уклада губ и раствора рта, как при **i**, являясь, т. обр., как бы заднеязычным **i**"...

[3]) Срв. проф. Е. Ф. Будде, ор. cit., стр. 111—113; проф. Д. Н. Ушакова, ор. citat. стр. 18, 21—24, 39—40.—Проф. А. Н. Грен неверно замечает, что в русском языке звук **ы**—„задненебного характера", а в зырянском языке—„средненебного" (см. его статью „К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удморт" в журн. „Коми му" 1924 г., № 3, стр. 52). Ближе к истине Найриосенга (в своей рецензии на „Самоучитель"... М. А. Молодцовой), подчеркивающий, что в русском языке **ы**—средненебный звук, а в зырянском языке—передненебный, как и во многих кавказских языках („Коми му" 1925 г., № 6—7, стр. 73).

окончаниях инфинитива, или неопределенной глагольной формы—**тны**,—**тчыны**,—**сны**,—**ссыны**,—**ны**...) этого сказать нельзя.

Очень часто в зырянском языке (как, впрочем, и в русском) близкий к **ы** звук слышится „на месте" орфографического **і** после „твердых" согласных (обозначаемых буквами б, в, г, ԁ, ж, җ, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ш, щ),—хотя **і**, как мы знаем,—звук переднего ряда. Такое **іы** слышится, напр., в зырянских словах: коԁі (почти как **коԁы**), шонԁі (почти как **шонԁы**) [1]), ті (почти как **ты**), јашщік, сіјӧ, товаріш, матінҗык, асік—обруч, улі, сені, тані, кӧні, шыбітны, вывті—слишком... Срв. в русском языке: стол и дом (=стòлыдòм), в избе (=вызбè), к Ивану (=кывàну), в Италию (вытàлию), без исхода (=безысхòда), с именем (=сыменем)...

Но срв. в зырянском языке **і** в роли звука, „смягчающего" предыдущий согласный—в таких словах, как бі, пі, ріс, гіра, мі, міча, гіжны, вір, аскі, кізер, віслала—рассказываю, віԁа—браню; пабріка, шпіон, запіска, прітча, суткі, опітсер...

І—гласный звук переднего ряда, высокого подъема языка, нелабиализованный, простой, произносится с наиболее узким раствором рта наиболее высоким голосовым тоном. При изглашении звука **і** слегка растянутые в стороны губы почти соприкасаются с зубами (лишь немного от них отодвигаясь); опущенный кончик языка касается нижних передних зубов; передняя часть спинки языка, высоко артикулируя, почти соприкасается с твердым нёбом; гортань занимает самое высокое положение. Очень часто „смягчает" предыдущий согласный звук. Примеры: віт—пять, біпур—костер, іԁ—ячмень, із—камень, ҷікӧҷ—совсем, сін, зарні, јурсі, кӧјін—волк...

В соединении с предшествующим ј звук **і** (=јі) походит на русское и в таких словах, как: их, им, ими, статьи, свиньи, семьи... (имеем в виду литературное произношение).

Е—(русское э)—гласный звук переднего ряда, среднего подъема языка, простой, нелабиализованный; произносится довольно высоким голосовым тоном (приблизительно на октаву выше гласного **о**) со средним раствором рта, несколько меньшим раствора при гласном **о**; губы растянуты к углам рта; несколько выпуклый язык при изглашении звука подается своей передней (точнее—передне-средней) частью вперед—к верхним передним зубам и к твердому нёбу. В слове ему часто предшествует „смягченный" согласный (как и русскому **е**=јэ в средине слова: тесть, неважный, некого, телега, речь, печь, сечь...) сетны, серавны, ԁерт, њељамын, њеважӧн—недавно, кізер, њекоԁ—никто; газет, пiоњер, технікум, правітељство, кљеј ма... Мы уже отметили, что зырянское **е** выступает в роли то русского э, то русского же **е**. В начале слова и слога зырянское **е**, соединенное с ј (т.-е. је), всегда тождественно с русским **е** (нем. je, лат. ie): јежыԁ, јешщӧ, јем (иголка), јегыр болотный лес)... ујезԁ, тріјер, појезԁ, курјер...

Звук **е** может быть ненапряженным (открытым)—в положении под ударением, в конце слова или перед следующим „твердым" согласным: еска—верю, сета, верма—могу, Ежва—Вычегда, венза, те—ты, ме—я, лептыны—поднимать, зев—очень, ветлыны—ходить, лебач—птица... и напряженным (закрытым)—в положении под ударением перед следующим „мягким" согласным: беԁ—палка, пељ—ухо, сез—ясно, пељӧс—угол, сеѕса... При произношении напряженного (узкого, англ. narrow) **е** ощущается мус-

[1]) У Г. С. Лыткина везде „шонԁы", а не „шонԁі". Вспомним также о постоянных переходах **і** в **ы** и **ы** в **і** в различных зырянских говорах: керіс и керыс, јіган и јыган и т. д. (см. у Г. С. Лыткина, op. cit., отд. II, стр. I).

кульное напряжение языка, губ и даже голосовых связок гортани. Ненапряженное (широкое англ. wide) произношение ө такого ощущения не вызывает.—Срв. во франц. языке è fermè („ө закрытое")—напр. в словах: aimè, allèe, considèrer, ètè, sèrieux, èconomie... и è ouvert („ө открытое")—напр., в словах; père,, mère, frère, ouvrière, matière, lumière... Срв. также в русском яз. э напряженное—в таких словах, как, напр., эти, честь, ель, жесть, шесть, мель, дуэль, этика... и э ненапряженное: этот, честно, ел, жест, шест, мел, дуэт, эхо...[1])

ö—гласный звук среднего ряда, среднего подъема языка, простой, слегка лабиализованный, артикуляционно близкий к звукам ө и о. При его произнесении (обычно—средним по высоте голосовым тоном) рот раскрыт несколько уже, чем при произнесении ө; язык артикулирует слабее, чем при изглашении ө. **ö**—это, т. ск., лабиализованное ө; иначе: ö—л а б и а л и з о в а н н ы й звук среднего ряда, соответствующий по месту образования и подъему языка нелабиализованному звуку переднего ряда—ө и лабиализованному же, но заднего ряда звуку о.[2])

Находясь под ударением в начале слова (öшiн, öкмыс, öдзöс—дверь, öтiк, сöм—деньги, öш—бык, кöч—заяц, мöс—корова, вöв—лошадь, гöр—соха, пöв—доска, пöс—горячий, гöрd—красный...), ö несколько напоминает, как мы уже отметили, звук, обозначаемый немец. ö или oe, франц. eu или oeu—так. наз. „смешанный" (англ. mixed) губно-палатальный гласный сред-

---

[1]) Напряженными могут быть и все остальные гласные в зырянской речи,—хотя эту напряженность, зависящую то от ударения, то от положения гласного звука в слове, и имеющую довольно тонкий оттенок, подметить сравнительно трудно.—Некоторые физиологи находят возможным предлагать еще одну классификацию гласных звуков—с т. зр. степени напряжения, с которым речевые органы приводятся в движение мускулами, и с которым связаны также известные звуковые разновидности. Мы, однако, воздерживаемся от этой классификации, т. к. и соответствующие материалы еще слишком скудны, и нет единства взглядов ученых по этому вопросу, а взамен того подчас выступает личное, субъективное мнение того или другого физиолога. Заметим здесь только, что по т о н у напряженные гласные несколько выше гласных ненапряженных.

[2]) В. А. Молодцов определяет ö, как „звук не уже, а шире русс. э; и акустически, и физиологически приближаясь к русскому ы, он произносится при пассивном положении языка и губ"... (См. его статью—рецензию на „Краткий Коми-русский словарь" Н. А. Шахова—в журн. „Комi му" 1924 г, № 4—6, стр. 131). В другом месте (в рецензии на статью проф. А. Н. Грена, „К вопросу о применении латинского алфавита"...—„Коми му" 1924 г., № 7—10, стр. 152) В. А. Молодцов замечает, что „ö характеризуется гораздо более низким тоном, чем русское ы" и приводит число колебаний голосовых связок для того и другого звука (996—для ö, 1156—для ы; цифры получены проф. лингвистом-экспериментатором Л. В. Щербой, учителем В. А. Молодцова). По нашим наблюдениям, ö совсем не походит на ы, и если сближать его с каким-либо русским звуком, то уж, конечно, с э; в этом мы почти согласны с зырянином В. И. Лыткиным, автором школьной грамматики зырянского языка; он прямо пишет: „ö—средненёбное е = русскому э"... (см. его статью „Коми числительные" в журн. Комi му" 1924 г., № 7—10, стр. 65); с зырянином-филологом Г. С. Лыткиным, ставящим также знак равенства между ö и русским э (см. его классич. цитиров. труд, отд. II, стр. I); с зырянином Н. А. Шаховым, замечающим, что „при произнесении ö рот уже, чем при произнесении русского э" (предисловие к „Краткому Коми-русс. словарю", стр. 111); с Найриосенгой, относящим ö к звукам лабиализованным, и утверждающим, что „ö совсем не походит на ы, хотя в некоторых местностях и переходит в ы" (рец. на „Самоучитель..." М. А. Молодцовой—журн. „Коми му" 1925 г., № 6—7, стр. 73).

Что касается сближения звука ö именно с звуком ы и количества колебаний голосовых связок для ö и для ы, полученных проф. Л. В. Щербой, очевидно, „с уст" самого В. А. Молодцова (своего ученика),—то мы полагаем, что где-где, а здесь проф. Л. В. Щербу легко было ввести в заблуждение,—тем более, что он не занимался ни физиологией звуков, ни фонетикой зырянского языка, не жил среди зырян и, возможно, впервые имел дело с зырянскими звуками...

него подъема языка с переднеязычно-нёбным сужением, произносимый языком для ө, губами для о. В русском литературном произношении зырянское ӧ отчасти напоминают орфографич. ё и э в некоторых иностранных словах: шедёвр (франц. chef d'oeuvre), Гёте (Goethe), Бенлёв (Benloew), Сент-Бёв (Saint-Beuve) Эман (Öhman), Эртель (Örtel), Эжен (Eugène), Гёттинг (Götting), Шлёцер, Тёпфер и др.

В слоге послеударенном и во всех других положениях в слове ӧ близок к русскому э (без ударения) или к русскому же послеударенному о: порох, дорог, дёготь, лапоть... Примеры: конӧр—бедняк, пељӧс, асcӧ, гашкӧ—может быть, бӧрdӧм—плач, чукӧртны—собирать, кулӧм—смерть, кымӧр—облако, улӧс, гажтӧм—скучно, важӧн, ојзӧм—охание, пуктӧс—овощи, пыктӧм—опухоль...

Сочетание јӧ акустически и физиологически довольно близко к русскому узкому ё (=jo): јӧј, јӧз, јӧв, јӧр, јӧла, јӧн (репейник, чертополох, лопух), јӧктыс (плясун)...

Обратимся к физиологической характеристике основных согласных звуков. Начнем с наиболее близких к гласным сонорных звуков. При их изглашении, как мы помним, преобладает голосовой тон над шумом,—в то время, как при изглашении шумных звонких согаасных (б, в, г, d, ժ, ж, з, ҙ, j, ж, ҙ) преоблεдает шум над голосовым тоном. Все сонорные звуки—звонкие; из них наиболее сильными (в голосовом отношении) являются так называемые плавные р и л (с их разновидностями).

Р—звук переднеязычный альвеолярный, дрожащий (лат. vibrans), длительный. Имеет 3 основных разновидности: 1) Р „твердый" (непалатальный) звук; кончик языка касается альвеол или верхней передней десны—так наз. корональная артикуляция языка, лат. corona—верхушка, край, конец—не сбразуя, впрочем, ни плотной смычки (как, например, при звуках d и т), ни сужения (как при звуках з и с), — а загнут несколько кверху и свободно подвижен („находится на весу"), так что сперва звучащий ток воздуха, направляемый из легких, опускает кончик языка к низу, после чего тот быстро возвращается к исходному положению, вслед затем снова опускается книзу и т. д. — в результате он под напором воздуха ритмически вибрирует, дрожит, производит „раскатистый рокот". Твердый р чаще всего звучит перед гласными а, о, ӧ, у, ы и е, перед следующим „твердым" согласным и в конце слов: рок, регыd, пурт, гӧрd, кӧрт—железо, шор, шыр—мышь, рыныш, сабырӧм—обморок, турун—сено, бара, рыт, тыр—целый, ҙор—седой...

2) Р „смягченный" (палатальный); для него в зырянской азбуке нет соответствующей буквы, но он часто слышен в таких словах, где за ним следует гласный переднего ряда і — например, черi сарiҙ, ҙорiҙ, рiс (срв. рыс, рыт, рыж, рытыввыв—запад...); перiна, прiјатно, прiмер, курiтны, трiјер, пролетарiј и под. При изглашении этого звука в общем сохраняется то же положение артикулирующих речевых органов, что и при произнесении звука р „твердого"; разница лишь в том, что при р „смягченном" (р') дрожащий кончик и передняя часть спинки языка выдвигаются несколько вперед и ударяются о твердое нёбо ближе к зубам (так наз. коронально—дорсальная или смешанная артикуляция языка), — при чем приподнятая спинка языка несколько укорачивает дрожание кончика, и потому число ударов последнего получается меньшее, чем при „твердом" р.

3) Губной (двугубный, билабиальный) всегда „твердый", звук р̥, в лингвистических трудах обычно обозначаемый греческой буквой „пси", ψ̈

(в зырянской азбуке для него нет отдельного знака). При его произнесении губы делают плотный затвор и дрожанием („сотрясением“) пропускают наружу звучащую воздушную струю; звук этот слышится в немногих словах зырянской речи и совершенно не точно и искусственно обозначается (как и в русском языке) 3 буквами „тпр„: тпру (или тпр-ру), тпруа̀, тпрую, тпрутеі...

Л—звук плавный переднеязычный зубной (зубноальвеолярный) боковой (латеральной—лат. latus, lateris бок) артикуляции. Имеет две основных разновидности—„твердую“ и „мягкую“.

1) **Л**—„твердый“ (не-палатальный) очень открытый звук слышится, напр., в словах: лы (кость), локны (приходить), ывлавыв, котрала (бегаю), быdлун (ежедневно), ломтыны (гореть), ветлыны, лыddыны (читать), лептыны (поднимать), летчыны (спуститься)... При изглашении **л** кончик языка, выгибаясь ложечкой, охватывает заднюю поверхность верхних передних зубов (корональная или концевая артикуляция), образуя тем самым полный затвор с соответствующей частью твердого нёба (как, например, при звуках **d** и **т**); а средняя часть языка, оттягиваясь от боковых зубов, образует для выдыхаемой звучащей струи воздуха свободный проход по обоим бокам языка (**л**—„двупроточный“ звук)—вдоль внутренней поверхности щек, между краями языка и верхними коренными зубами. Чем шире этот проход, тем звук **л** тверже; чем уже, тем „мягче“, палатальнее[1]).

2) Буква љ обозначает звук „мягкий“, палатальный, слышащийся, например, в словах: аљі (или), љагуша, љіст, кљевер, ључкі (серьезно, как следует), љубö, љапкыd, чуклља, гöљ (бедный), зіљ, љетчыны (бить шерсть), жугыљ (печальный), міљљон, љэк, сöљöм, кољк (яйцо)... Артикуляция звука љ в общих чертах сходна с таковою же у „твердого“, непалатального **л**; разница лишь в том, что при љ язык своим кончиком опущен к нижним зубам, а передняя и часть средней зоны его спинки прижимаются к переднему, твердому нёбу (коронально-дорсальная артикуляция)[2]. — Русское **л'** (**ль**) произносится с прикосновением кончика языка к верхним зубам и альвеолам, а область касания спинки языка к твердому нёбу не столь широка.

Нужно заметить, что звук љ в зырянской речи несколько „тверже“, чем в русской, и акустически довольно близко подходит к западно-европейскому „невеляризованному“ „несмягченному“ (в языках немецком, французском, итальянском и др.), по своей „твердости“ и „закрытости“ стоящему как бы на грани между русским „твердым“ **л** и слишком „мягким“ и закрытым русским же **л'** (срв. немец. laden, leben, lieben, loben, lüqen, lud Voqel, lö... французск. lampe, aller, culotte, misérable, atelier... итальянск. Leonardo, Lombroso, Lucaccini, lasciate, nel, parole...). В русском языке такое **л** отмечено лишь диалектически—в части украинских говорах и в южно великорусских говорах бывш. Новосильского уезда, бывш. Тульской губернии,—и то только после и перед **е**, **і**, **ы**: лежа́ты, лижко, се́лский, билше тилко, сылный...[3]).

---

[1]) Так как при произнесении звука **л** участвует и конечный отросток мягкого нёба так наз. velum palati (нёбная занавеска),—сближающийся с заднею стенкою зёва, то звук этот должен быть отнесен к разряду так назыв. в е л я р н ы х или по другим авторам в е л я р и з о в а н н ы х.

[2]) Этот звук относится к н е в е л я р и з о в а н н ы м, так как, в его артикуляции отросток мягкого нёба не участвует.

[3]) Проф. Е. Ф. Будде, op. cit., стр. 119 и 172.

М — звук длительный „носовой“ губной (двугубный, билабиальный). Губы плотно и по всей длине сомкнуты и тем образуют полный затвор; выдыхаемый из легких звучащий ток воздуха встречает на своем пути два препятствия: опущенную нёбную занавеску и губной затвор; чтобы преодолеть препятствие, оказываемое нёбной занавеской, он свободно направляется в обходный путь—в полость носа (отсюда и носовой оттенок звука, и его наименование носовым); почти одновременно прорывается и губной затвор. Артикуляция звука **м** очень близка к артикуляции парных двугубных согласных—звонкого **б** и глухого **п**: при этих последних нет лишь носового оттенка, и воздух, прорвав препятствие губ, устремляется наружу. (тесным физиологическим родством звуков **б**, **п** и **м** объясняется то, что и в зырянском, и диалектически в русском языке звук **м** иногда заменяется звуком **б** или **п**, и наоборот: срв. русск. — диалект. хобяк вместо хомяк, мтица—вместо мтица, мчела вместо пчела, мтаха вместо птаха, омман вм. обман, омморок вместо обморок... зырян. муравчiк, муравеч наряду с буравчiк...).

Примеры: мунны, меd, (пусть), пом, том, мам, кымын (сколько), мыш, (спина, горб), му (земля), ма (мед), мог (дело), маjтöг (мыло), ѳöм, мöѳ, мыjла (зачем)...

Звук, обозначаемый буквой **м**, может быть и „смягченным“, палатальным—в особенности перед гласными переднего ряда **i** и **е**. Отдельной буквы для такого звука в зырянской азбуке нет, но он слышится, например, в словах: мi, комi, мiча, комiтет, автономiјa, мiнута, мiртуј, мера, мераjтны, мельнiк, номер, мiлöстiна, мiльон, комiѳѳiјa, мiлiтсiјa, Мiтреj (Дмитрий; срв. простонародное русское „Митрей“)... Его артикуляция разнится от артикуляции „твердого“ **м**, во первых, тем, что она осложнена участием передней части языка, направляющейся к нёбу; во вторых, тем, что при изглашении звука **м'** плотно сжатые губы слегка втягиваются внутрь и соприкасаются своей внутренней стороной, образуя как бы небольшой бугорок. В остальном артикуляция **м'** тождественна с таковой же звука **м**.

Н — звук „носовой“ длительный переднеязычный зубной (точнее — зубно-альвеолярный). Его артикуляция тождественна с артикуляцией смычных парных звуков **д** и **т**: кончик языка плотно прижимается к верхним передним зубам и альвеолам (корональная артикуляция), образуя с ними смычку; но воздух, идя из легких, направляется в полость носа (так как нёбная занавеска опущена),—отсюда и носовой оттенок звука (при **д** и **т** занавеска приподнята, воздух идет в полость рта, и носового оттенка не получается): нуны (вести, нести,), кывны (слышать), вотны, уна (много), вартан (цеп), нывь, ном (комар), комын, ныр (нос), ноj (сукно)...

Очень часто (как будто чаще, чем все остальные согласные) звук **н** подвергается „смягчению“, и тогда он обозначается особой буквой **њ**.

Њ — звук „мягкий“, палатальный, встречается перед всеми гласными, а также в конце слов; перед согласными слышится значительно реже: њерп (нефть), њељамын, њекоd, небыd, зарњi, ѳорњi (речь), њiм, њiнöм, њiга (книга), њањ, кањ, чањ, чуњ, пiњ, пањ, њољ, њур, пiњовтны, њаjт (грязный), кыкањыѳ (с двух сторон), жењыd (короткий)... Артикуляция **њ** в общем сходна с артикуляцией его „брата“, „твердого“ **н**; разница лишь в том, что при изглашении **њ** кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя и часть средней зоны его спинки прикасаются к твердому нёбу (корональнодорсальная артикуляция).—Русское **н' (нь)** произносится с прикосновением кончика языка к верхним зубам и альвеолам,—так что область прикосно-

вения спинки языка к твердому нёбу значительно уже, чем при зырянском њ.

Переходим к шумным согласным. Они, как мы помним, могут быть то звонкими, то глухими, и образуются в результате или взрыва сомкнутых органов речи (полный затвор — при взрывных звуках) или сужения между ними (неполный затвор — при звуках фрикативных).

Б — звук двугубный (билабиальный) взрывной мгновенный, звонкий. Плотно и по всей длине сжатые губы образуют крепкую смычку; выдыхаемый легкими воздух разрывает эту смычку; происходит громкий голосовой взрыв; нижняя челюсть слегка опускается. Примеры: баљабöж (затылок), баd (ива), баъ, беd, бергödны (перевернуть), бобул (бабочка), бус (пыль), борd (крыло), бур, букыш (угрюмый), быdлаыс (со всех сторон), бöрdны (плакать), бöрын (после)...

„Мягкая" разновидность звука **б** (б') не обозначается средствами зырянской графики; в азбуке нет отдельной буквы для этого звука, но он несомненно слышится, например, в таких словах, как: бi, бiпур, бељет (билет), бјуро, бјуdжет, бiурократiзм, бесплатнеj, мобiљiзатсјја, губерња, безмен, наберушка... (Для сравнения возьмите слова: быdма, њебыd, бур, быdлаыс...).

Артикуляция этого звука отличается от артикуляции „твердого" б, во-первых, тем, что здесь налицо действие передней части языка относительно нёба, во-вторых, тем, что **б'** („мягкое" **б**) требует для себя более энергичного и плотного сжатия губ, более усиленного напора воздушного тока и явно выраженного подтягивания губ к зубам.

П — глухой билабиальный взрывной согласный, являющейся парным (соответствующим) звонкому звуку **б**. Его артикуляция—точь-в-точь та же, что и звука **б**; только при произнесении **п** голосовой тон отсутствует. Примеры: пач, паскыd, петны (выйти), пес, Пеdöр (Федор), пемыd, посвоъ (сени), пон, пу (дерево), пуксыны (садиться), пурт, пыр, пывсан, пöрыс (старик), пöра (пора), пещöр (крапива), пöч (старуха), тупкыны (закрывать)...

„Мягкая" разновидность звука **п** (п') в зырянской речи слышится довольно часто, хотя на письме и не обозначается: пi, пiјан, пiк, спiсок, напiлок, кампет (конфеты), пiла, кiрпiч, кiсељ, группiровка, первоj (сперва), пiњ, пiња, пiоњер, скiпidар, пiшщаљ, пiпу (осина), пiвер (деверь), пiвöр (пасынок)... Артикуляция **п'** тождественна с артикуляцией б.

В — звонкий губно-зубной фрикативный (спирант) длительный согласный, простой. Артикулируется следующим образом: верхняя часть внутренней поверхности нижней губы, прикасаясь к нижнему краю верхних передних зубов, образует небольшую щель, через которую с характерным шумом и проходит звучащий, голосовой ток воздуха. (Попробуйте произнести звук **в** или парный ему **ф**, оттянув вверх пальцами верхнюю губу, и вы поймите значение этого шума). Примеры: варыш (ястреб), воj, выј (масло), сывны (таять), важ (старый, давний), выљ (новый), лунвыв (юг), вевт (крыша), вузавны (продавать), ворса (играю), вура (шью), кöвтны (ловить рыбу бреднем), курав (собирай)...

„Мягкий" звук **в'** в зырянской графике не имеет для себя отдельной буквы, но слышится, например в таких словах, как: вiч, вiр, вiт, вiчко (церковь), век (всегда), вiсöм (болезнь), вiставны, вidа, вiъ (линия)... правiтељство, јавiтны (объявить), нажöвiтчыны (наживаться)... Щель, сквозь которую проходит звучащая струя воздуха при произнесении **в'**, образуется

верхними зубами и внутренней стороной нижней губы; помимо этого, артикуляция в' осложняется участием передней части языка, действующей относительно соответствующей зоны нёба.

Если звук в произнести без голосового тона, делающего этот звук звонким, то получится парный глухой спирантный звук ф, он очень часто заменяется в живой и письменной зырянской речи (в азбуке буквы ф нет) звуком и буквой п (картопель, пельшöр, петель—фитиль, грапін, плаг, порточка, гріпель, партук, піга, пунdамент, патера, пöнар—фонарь, кампет, пабріка, копеј-кофе, Педöр, Марпа...),—но все-таки встречается в нескольких словах иноземного происхождения. (Примеры—в I главе—В русском языке все слова с буквой ф—также заимствованные из других языков: факт, фельдшер, фитиль, флейта, фолиант, футляр, флаг, фрукт... Свой же, русский звук ф у нас передается буквой в: лавка, ров, винтовка, сноровка, вход, кровь, все, завтра, Иванов...).

„Мягкий“ звук ф' (= в' без голосового тона) слышится, например, в словах: суффікс, топографіја, фізіка, фізіологіја, фінанс, тімофејевка... Некоторые слова—как, напр., Франция, телеграф, телефон, конференция, фальшивый, цифра, фотограф, типография, форма, февраль и др.—пишутся то через ф, то через п (явная графическая ненормальность, о которой будет еще речь впереди).

Вспомним здесь кстати, что звук ф сохранился (в своей „твердой“ и „мягкой“ разновидности) в ижемском говоре коми языка.[1])

Ж — звук переднеязычный альвеолярный звонкий фрикативный длительный, всегда „твердый“. Его артикуляция такова: рот слегка раскрыт; губы по средине несколько оттопыриваются, образуя нечто вроде своеобразной „лабиализации“; передняя часть языка, загибаясь кверху, касается верхних альвеол (корональная артикуляция), звучащая струя воздуха проходит („шипит“) по продолговатой теснине, образованной передней частью языка и нёбом. Примеры: кужа (умею), кужны, гіжа, гіжны, чож, чожінь, жугödны (разбить), гожöм (лето), кажгыны (хрустеть), чужны (родиться), сіпож (сито), жонь (снегирь), жеб (слабый), жö (тоже)...

Парный звуку ж глухой переднеязычный альвеолярный фрикативный и также всегда „твердый“ в зырянской речи—звук ш. Его артикуляционное отличие от звука ж—только в том, что он произносится без участия голосового тона, с широко раскрытой голосовой щелью. Примеры: шуны, шог (горе), шој (труп), ырöш (квас), чушкан (оса, жало), чышјан (платок), ышмыны (шалить), шырны (стричь), öшінь, нöшта (еще), тош (борода), шыdöс (крупа), шоbdi (пшеница), шаbdi (лен), шер (град)...

З — звук звонкий, переднеязычный зубной (точнее,—зазубной или зубно-альвеолярный) фрикативный длительный. При его произношении рот слегка раскрыт; кончик языка чуть-чуть касается передних нижних зубов; края языка касаются верхних зубов; передне средняя часть спинки языка слегка касается твердого нёба, уменьшая свою обычную, нормальную выпуклость (корональная артикуляция языка); звучащая узкая струя воздуха проходит („продувается“, свистит) по теснине (узкому и продолговатому желобку) между выгнутым кончиком языка и верхними зубами, разбиваясь о края нижних зубов. (Вспомните произношение звуков з и с лицами, потерявшими передние зубы. (Примеры: ізны, јöз, мазі (пчела), вузавны, зер (дождь),

---

[1]) См. Ст. В. И. Лыткина: „Некоторые следы взаимоотношений древне-русского и Коми языков“—в журн. „Комі му“ 1924 г., № 4—5, стр. 78.

зор (кол), коз (ель), зу (щетка), зыр (лопата), озыр (богатый), озыс (олово) езыс (серебро), оз (не, он не; земляника), jiзер (град)...

Будучи лищен голосового тона, звук **з** превращается в соответствую щий ему (парный) глухой спирантный звук **с** — такой же артикуляции: С (сажа), сов (соль), сутуга (проволока), аскi, сувта (встаю), весавны (чистить) пеславны (стирать), пас (знак), шыпас (буква, знак для звука), слуdа, со (сестра), пасма (моток), сартас (лучина), шебрас (одеяло), секi (тогда), сен чöрöс сынны (грести), асiк (обруч), асыв (утро), кöjdыс (семена)...

„Мягкий" (палатальный) звонкий фрикативный звук **з'**, обозначаемый в зырянской графике особой буквой ԅ, артикулируется так же, как „твердый" звук **з**,—только кончик языка опущен к нижним зубам, а перед няя и часть средней спинки языка еще больше приближаются к твердом нёбу (коронально-дорсальная артикуляция), и потому щель, сквозь котору идет звучащая струя воздуха, делается еще более узкой. Русское **з'** (зь произносится с прикосновением кончика языка к верхним губам, а област касания спинки языка и твердого нёба значительно уже.

Звук **з'**, произнесенный без голосового тона, превращается в соответ ствующий ему (парный) глухой зубо нёбный „мягкий" звук **с'**, обозначае мый в зырянской графике особой буквой—ԍ.

Интересно то, что зырянские звуки, обозначаемые буквами ԅ и ԍ, да леко не тождественны с русскими „мягкими" **з**, (**зь**) и **с'** (**сь**)[1]), например в словах: зима, зелень, зять, зёв, праздник, (произносится так, как есл бы было написано—празьдник)... село, сито, сяду, сёмга, вестник (произно сится так, как если бы было написано—весьник)... Зырянские ԅ и ԍ зву чат с оттенком шепелявости, т. е. частично приближаются соответственн к **ж** и **ш**, [2])—так что должны быть акустически определены, как „средние „промежуточные" между **з'** и **ж'**, между **с'** и **ш'**. Лучше всего называть и поэтому, не шепелявыми, а шепелеватыми[3]). „более шипящими, чем русски **сь** и **зь**, более свистящие" (В. И. Лыткин[4]). Артикуляционную разниц между зырянскими ԅ и ԍ и русскими **зь** и **сь** (**з'** и **с'**) кратко, но точно верно определяет тот же В. И. Лыткин: „Коми ԍ и ԅ—средне-твердо-нёбны спиранты, образуемые без участия кончика языка (кончик языка опущен к нижним зубам). Русские **сь** и **зь**—передне-твердо-нёбные спиранты, обра зуемые с участием кончика языка...[5]).

---

[1]) Как это уверяет в своем „самоучителе" М. А. Молодцова и вместе с ней, стал быть, редактор „Самоучителя", В. А. Молодцов (стр. 5).—Такая же неточность допущен и Н. А. Щаховым, ставящим знак равенства между зырянским ԍ и русским **сь**, зырянск ԅ и русским **зь** („Словарь", стр. III). Еще ранее такую же оплошность допустили: Г. С. Лыт кин (op. citat., отд. II, стр. 1), Н. П. Попов, П. И. Савваитов, Ф. И. Видеманн и ряд др зыряноведов.

[2]) Называемым часто (по слуховому впечатлению) „шипящими"; звуки же **з** и часто называются „свистящими".

[3]) Срв. характеристику ԅ и ԍ у В. И. Лыткина в его статье: „Некоторые следы..." стр. 79.

[4]) Цитиров. статья, стр. стр. 78.

[5]) Цитиров. ст., стр. 79.—Заметим здесь же, что переднеязычные альвеолярны русские звуки **с**. **з**, **с'**, **з'**, а также **ш** и **ж**, по терминологии шведского языковеда—физио лога звуков, проф. И. А. Лунделля являются зазубными, или постдентальными, т. образуемыми на задней поверхности верхних зубов (сюда же он относит и звуки **т'**, д **н'**, **л'**, **р** и аффрикаты **ч**, **ц** и **дж**).—Срв. классификацию согласных звуков в цитир. кни проф. Е. Ф. Будде, где звуки **т'**, **д'**, **с'**, **з'**, („мягкие") отнесены к разряду зубно-нёбны смягченных, звуки **т**, **д**, **с** и **з** („твердые")—к зазубным, а звуки **ж**, **ш**, **р** и **ч**—к альве лярным (стр. 106 и 115).

При этом необходимо, точности физиологической акустической ради, отметить, что шепелеватый характер зырянских ɕ и ʑ особенно отчетливо сказывается в тех случаях, когда за этими звуками следует одна или две глухих согласных (**к**, **п**, **т** и др); менее отчетлив шепелеватый нюанс этих звуков тогда, когда за ними следуют звонкие согласные (**б**, **г**, **d**, **л**, **р** и др.); или когда ɕ и ʑ находятся в сáмом конце слова; еще менее шепелявят зыряне, когда за ɕ и ʑ следуют гласные, наиболее звонкие звуки. Вот несколько примеров: 1) слова с наибольшей шепелеватостью ɕ и ʑ: віɕтала, лыɕтны (осмелиться), боɕтны (взять), воɕтыны (открывать), веɕкыd, міɕтӧм (некрасивый), таɕті, паɕкыd... 2) слова со „средней“ шепелеватостью: віdчыɕны (ждать), уʑны, уɕны, віɕны (болеть), ɕмена, ʑвер, піɕмӧ, каʑнітны, jаɕлі, праʑнік, сквоʑнак, раʑвеdка, пыʑ (мука), лыʑ (лыжи), оз поʑ (нельзя), Ізва (Ижма), сетыɕ, гырыɕ... 3) Слова с наименьшей шепелеватостью: ɕетны, ɕыла (пою), ɕерала, караɕін, венʑа, шенʑыны (удивляться), туɕапу (можжевельник), ɕікт, ɕінтӧм, пукɕыны, ɕӧрӧн, коʑін, ɕоjны, ɕурс, ɕо...

(В русской речи шепелявость присуща лишь отдельным индивидуумам и рассматривается, как тератология звука).

d — звук звонкий переднеязычный зубной (зубно-альвеолярный) взрывной, мгновенный[1]) Смычку образует кончик языка, прижимающийся к верхним передним зубам; средняя часть языка уменьшает свою обычную выпуклость (корональная артикуляция языка)[2]); звучащий воздушный ток, направляясь к выходу, разрывает образованную кончиком языка смычку; раздается звонкий звук d, нижняя челюсть немного опускается. Примеры: dорті, dас, dыр, dуб (пресный), dуль (слюна), dузгыны (дуться), dолыd (веселый), dоз (посуда), ордлы (ребро), dом (узда), dурdыны (перестать), тӧdны (знать), коd, каd, dон (цена), ӧлӧdны (запретить), jodі, лудік (кпоп), ыжыd (большой), rid... В связной речи в конце слова и перед следующим глухим звук d довольно часто приглушается, т.-е. обращается в соответствующий (парный) ему глухой звук **т**: jугыd туj, ɕӧкыd, піна, быdтор, соdтан (дополнение), пемыd туж, ыжыd, пывɕан и т. д. d приглушается также и в том случае, если за ним следует всегда глухой согласный (**ч**; **ш**, **щ**): велӧdчыны (учиться), пӧdраd-зік и под.[3])

„Мягкий“ звонкий мгновенный звук **д'**, обозначаемый в зырянской графике особой буквой—ԁ, артикулируется в общем также, как и „твердый“ звук,—только кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя и часть средней спинки языка прижимаются к твердому нёбу (коронально-дорсальная артикуляция).—Русское **д'** (**дь**) произносится с прикосновением кончика языка к верхним зубам и даже альвеолам; область касания спинки языка и твердого нёба значительно уже, чем при зырян. ԁ.

Примеры: ԁерт, лыԁԁыны, doԁ, саԁ (трезвость), уԁітны (успеть), dаԁ (санки), гаԁ (пузырь), канԁіdат, орԁер, неԁель, ԁеʑіна, сваԁба, ԁенга, ԁіван, радіо, суԁԁа (судья), ԁаԁ (дядя), угоԁԁӧ (угодья), наԁеjа (надежда), муԁер

[1]) По терминологии проф. А. И. Лунделля, „постдентальный“, зазубный (лат. post—после, за; dentalis—зубной, от dens dentes зуб).

[2]) Зубным этот звук является в языках русском, немецком, французском, итальянском; в языке же английском он произносится не на зубах, а на верхне-челюстных лупочках или ячейках, альвеолах, т.-е. является альвеолярным, десновым звуком. В зырянской речи, по нашим наблюдениям, этот звук артикулируется, как и в русском, т.-е. на задней поверхности верхних передних зубов.

[3]) Подробно о приглущении звонкого (как и остальных звонких согласных) мы намеренно не говорим здесь, т. к. этот процесс должен быть объектом внимания par excellence не физиолога, а фонетика.

(хитрый, мудрый)... Звук этот встречается большей частью в словах заи
ствованных и лишь сравнительно редко в исконно-зырянских словах.

Безголосый звук **ԁ** тождественен со звуком, обозначаемым буквой
артикуляция этого последнего—та же, что и звука **ԁ**; разница лишь в то
что при произнесении **т** голосовой тон отсутствует, и ток воздуха проход
через широко раскрытую щель. Примеры: тані, талун (сегодня), тамыш (бл
зорукий), ӧета, тенаԁ (твой), туж, тулыс (весна), гӧтыр, горт (дом; гроб
салтыр, тӧрыт (вчера), торкӧԁны (стучать), лептыны (поднимать), увтн
(лаять), рыт, вот (налог), вӧт (сон)...

„Мягкий“ звонкий звук **д'** (ԃ), будучи лишен голосового тона, пр
вращается в соответствующий (парный) ему глухой звук **т'**, обозначаемый
зырянской азбуке особой буквой—ԏ; баԏ, ӧԏі, ԋӧԏі (нисколько), ԇаԏ, ічӧԏ
(маленкий), аԏԏӧ (благодарю), шпіјаԏер (цинк), ԏеш (смех), ԏурны (покатиться
ԏавкан (грач), ԏурк (ртуть), ԏертука (терка); ԏехԋікум, правіԏеԉство, парԏі
кӧԍԏер, саԋԏіметр, ԏеԉега, суԏага, куԏу (щенок, кутенок) кӧԏ (хоть), апԏек
акԏів, арԏеԉ, ӧԏік, паԏера (квартира; срв. русск. народ. фатера), пеԏе
ԏеԍԏ, сваԏԏа (сватья), куԏԏа (кутья)... В исконно-зырянских словах бук
эта употребляется очень редко. Артикуляция зырян. ԏ отличается от арт
куляции русского **т' (ть)** тем же, чем зырян. ԉ, ԋ, ԍ, ԇ и ԃ от русс.
н', с', з' и **д'**.

Jј—всегда звонкий средне-язычный средненёбный, всегда палатальн
(„мягкий“) согласный фрикативный звук. При его произнесении получает
сужение, образуемое поднятием выпуклой спинки средней части языка
средней части нёба (дорсальная артикуляция), и звучащая струя возду
направляющаяся из гортани в полость рта, должна поэтому пройти не св
бодно (как при гласных звуках), а через узкую щель между нёбом и языко
По способу своего образования близко подходит к гласному **і**, от артик
ляции которого отличается только большею степенью сужения щели, хара
терной для всех фрикативных звуков (а бо̀льшая узость щели дает прео
ладание шуму над голосом,—тогда как расширение щели дает преобладан
голосу над шумом). В словах заимствованных и „озыряненных“ ј всег
несколько „смягчает“ предудущий согласный звук: зарјаԁітны, бјуро, запі
таја, маԏерјал, семја... **Но**: кӧкјамыс, коԁјыны (копать), вірјувыԍ (кровопийца
панјыны (перебежать), чужјавны (толкать), вешјыны (сторониться), вітлун
(пятидневный), гозја (парный), быгја (пенистый)... Во всех этих словах ј
„смягчает“ предшествующего согласного).

Ј входит в состав „двойных“ букв, служащих для передачи русск
я, ю, е, ё (ја, ју, је, јо); примеры см. выше. Срв. чисто-зырянские слов
јаг, јајԍавны, јамны, јанԁыԍны, јегыр, јеԉԁӧг, јем, јемва (р. Вымь), ј
јокыш, јоԉк (гололедица), јуԍ (лебедь), јурбітны (молиться), јурлӧс (подушк
јурԍігуыԍ (стрекоза)...

Другие примеры на употребление ј: најӧ, туј, јӧз, кајны (подниматься
ловја (живой), кујлыны, јӧв (молоко), јӧј (глупый, сумасшедший), корјасӧ
(иногда), лыјны (стрелять), јыв, јірк (потолок), јі, ԁој, ај-мам (родител
отец—мать), саЈын (позади).

В соединении с гласным переднего ряда **і** (јі) среднеязычный звук
становится переднеязычным,—точнее, передне-среднеязычным (срв. русск
и=јі в литературном произношении слов: их, им, ими, семьи, кельи и т. п.).
В словах кујім и сіјӧ ј скрадывается в произношении, хотя и обозначает
на письме (оправдание этому см. у В. А. Молодцова, „Некоторые принципы“
стр. 7). Срв. однако у Г. С. Лыткина везде куім и сыӧ—без ј.

Г—звук заднеязычный (не гортанный!) задненёбный звонкий взрывной, мгновенный согласный. Артикулируется так: задняя часть языка своей выпуклой спинкой прижимается к мягкому нёбу (velum palati), расположенному над нею, и тем образует плотную смычку (затвор); выдыхаемая звучащая струя воздуха, образуемая (как всегда) дрожанием голосовых связок в гортани, мгновенно и с шумом прорывается сквозь плотный затвор; получается велярный (лат. velaris—от velum palati) звук **г**—„твердый", „несмягченный" в сочетании с гласными **а, о, у, ө** ӧ, **ы**, а также с „твердыми" согласными и в конце слов. Примеры: гырыс, гортын, кага, гу, гыны (двигаться, волноваться), гажа (веселый), грезd, гез (канат), гоз (парочка), гож (загар); гуркӧс (крутой), гаг (насекомое), отсӧг (помощь), гач (брюки), гуdыр (мутный), гормӧdчан (кочерга), гаља (камешек), гӧрны (пахать), гӧгӧрвоны (понимать), гӧгӧр (кругом)...

Для палатального „мягкого" **г'** в зырянской азбуке нет отдельной буквы, но он несомненно слышится как в чисто зырянских словах (гіжны, гіd, гіљӧdны—щекотать, гірънны—смеяться' гіжтас—черта, гірјыны—скрести..), так и—гораздо чаще—в словах заимствованных гімн, гіра (гиря), агент, генерал, колљегіја, ѳељгі (сельди), ваљегі (валенки), агітатсіја, гіdра, гіпс... (Для сравнения произнесите: гы—волна, гым, гырыс, гыж—ноготь, копыто, гылыd—скользкий, гыӧр—иней, гыч—карась и под.). Положение речевых органов при изглашении „мягкого" **г'** в общем то же, что и при произнесении звука **г**,—только при **г'** смычку (затвор) с нёбом образует не задняя, а средняя (точнее,—задне-средняя) часть языка. Вот почему некоторые лингвисты и относят звук **г'** к средненёбным „смягченным" согласным, и различают не две, а 3 разновидности звука **г**: 1) заднеязычное, задненебное „несмягченное" **г** (в сочетании с гласными заднего ряда **а, о, у** и с „твердыми" согласными); 2) среднеязычное средненёбное „несмягченное" **г** (звучащее в связной речи в том случае, когда одно слово оканчивается на **г**, а следующее за ним начинается с гласного переднего ряда **ө** или **і**) и 3) переднеязычное средненёбное „смягченное" **г** (звучащее в тех случаях, когда в слове за **г** непосредственно следует **і**—звук, наиболее часто „смягчающий" предыдущий согласный.[1])

Если велярный звук **г** произнести без голосового тона, без дрожания голосовых связок и воздушного столба гортани и ротовой полости, то получится также велярный звук **к**—глухой, парный звонкому **г**. Его артикуляция тождественна с артикуляцией звука **г**, и он является „твердым" в конце слов, а также в сочетании с другими „твердыми" согласными и с гласными **а, о, у, ы, ӧ**, реже с **ө** и особенно с **і**: кыв, кужа, локны, каd, коd, куd јукмӧс, јӧктӧм (танец), вок, кок (нога), корны (просить), кар (город), кыкыс (дважды), куртчавны (кусать), квајт, кын (незрелый), комі, комын, куж (густой)... куљітны (хулить), кватлавны (хватать), курітны...

Для палатальной, „мягкой" разновидности звука **к**—**к'** в зырянской графике нет отдельной буквы,—хотя этот звук слышится и в некоторых чисто-зырянских словах (например, кі, керка, аскі, кізер, керавны, кер, ључкі, кіргыны—хрипеть, кіз—пуговица, кіѳмыны—созреть... для сравнения возьмите: кыз, кыз, кыв, кымӧр, кык, ѳӧкыd, кор—когда, кулӧм, кукан—теленок...), и—гораздо чаще—в словах иноземных,—в частности, заимствованных из русского языка: кітреј, заdаткі, скіdка, кінжал, чулкі, суткі океан,

[1]) См., напр., проф. Е. Ф. Будде, op. cit., стр. 105, 106, 108 и 115; проф. А. И. Томсона, op. cit., стр. 192 и 200.—Такие же 3 разновидности эти лингвисты различают и для звуков **к** и **х**.

вескі—весы, кіно. кіло, öчкі, кірпіч, кiљчö—крыльцо, кудрia—кудрявый...

Артикуляция **к** тождественна с артикуляцией **г**: разница лишь в т[о]м, что при произнесении **к** отсутствует голосовой тон.

(Таким образом, мы установили следующие пары звонких и глух[их] звуков: **б** и **п**, **б'** и **п'** **д** и **т**, **д'** и **т'**, **ж** и **ш**, **з** и **с**, **з'** и **с'** **г** и **к**, **г'** и **к'**, **в** и **ф**, **в'** и **ф'**. Легко видеть, что с т. зр. голосового тона **б** так относит[ся] к **п**, как **г** к **к**, или как **д** к **т**, **з** к **с**, **ж** к **ш**, **в** к **ф**, или математическ[и]: **б : п = г : к = д : т = з : с = ж : ш = в : ф**: Такое же соотношение существу[ет] и между „мягкими" разновидностями этих звуков).

Х — звук заднеязычный задненёбный фрикативный длительный глух[ой] (безголосый). Соответствующий ему звонкий заднеязычный звук, обознача[е]мый в лингвистических трудах лат. буквою h или греческою буквою [...] слышится, например, в словах: aha, oho, ehe, а также в словах, заимств[о]ванных из славянского и богослужебного языка: боhа, блаhослови, hоспо[ди] и под. Срв. пермяц. благöслöвіччöм—хождение невесты к родным для бл[а]гословения.

Артикулируется звук **х** так: нижняя челюсть слегка опускается; ко[н]чик языка несколько отодвигается от нижних зубов; задняя часть спин[ки] языка приподнимается (не прижимается!) к мягкому нёбу, расположенно[му] над нею, и тем самым образует узкую щель (характерное сужение); выд[ы]хаемая воздушная струя проходит сквозь эту теснину, причем трение ч[а]стиц воздуха о стенки щели и порождает тот шумный велярный согласн[ый] звук, который обозначается буквой **х** (ведущей свое начало от древн[их] греков). В подавляющем большинстве слов, большею частью заимствова[н]ных из русского или других иноземных языков, звук **х** в зырянской ре[чи] заменяется звуком **к**: епока, dокоd, прікоd, pöcкоd, парокоd, куљіган, ко[...] кітреj, макорка, грек, петук, клам, скоd, сакар, пöрок, монак, паска, К[рі]стос, пöкмöљља, dук, куљітны, аркіреj, лöкањ, ак, ок, ек, чакотка, от[...] страковка, тракома, кракмал, плака, кољера селькознлог требука, Tік[о]Мікаjлö...

(Срв. в финском языке: kaaos—хаос, kemia—химия, kiryrqia—хирург[ия], kitoni — хитон, kamelcontti — хамелеон, kaappaaminen — хапание, Karybdis — Харибда, Kaldea—Халдеа, Kiiva—Хива... но: Harkov—Харьков...—Срв. т[ак]же частую замену звука **х** звуком **к** в простонародной и диалектическ[ой] русской речи: покороны, коронить, каять, коровод, кутор, паска... Вспомни[м] и литературное русское **х** вместо **к** в словах: кто, доктор... и то же са[мое] в простонародной речи: хрестцы, трахтор, дирехтор, инспехтор, балх[он], трахтир, лохтей...).

В коми азбуке буквы **х** нет; тем не менее—фактически она употр[еб]ляется и печатается, например, в словах: страхкасса, хрестоматіја, па[рик]махер, техніка, хлопок, хіміја... Сам В. А. Молодцов ее употребляет, [и] употребляет и букву **ф**, также не имеющуюся в зырянской азбуке. В с[ло]вах: хіміја, хімік, анархіст, Осоавіахім и под. мы имеем „мягкую" раз[но]видность звука **х—х'**, артикуляционно отличающуюся от „твердого" **х** ли[шь] тем, что при ее изглашении щель образуется нёбом и средней (точнее задне-средней), а не задней частью языковой спинки.

Напомним здесь кстати, что ижемский говор коми языка сохрани[л] „твердую" и „мягкую" разновидности звука **х** [1]).

Познакомившись с физиологией и графикой основных и простых з[...]

---

[1]) См. ст. В. И. Лыткина, „Некоторые следы"..., стр. 78.

[зву]ков в зырянской речи, обратимся к вопросу о так наз. „**удвоении**“ **согласных** (как „твердых“, так и „мягких“).—Известно, что в зырянской [п]исьменной речи встречаются такие сочетания букв, как, скажем, вв, ԁԁ, ԃԃ, јј, ԋԋ, ԉԉ и под. Сюда же надо отнести и такие сочетания, как ԁж, ԇԇ, ԅԅ.

Вот примеры: кыввоԅ (предисловие), раммыны (присмиреть), шоммыны [(п]рокиснуть), ԁуԉԉыны (слюнить), коԉԉӧԁны (провожать), мынны (освободиться), чiнны (убывать), пыԃԃі (вместо), ԁоԃԃавны (запрячь), аԏԏӧ, быԏԏӧ [(б]удто), руjjавны (медлить), жуjjавны (отлынивать), мыԍԍыны (мыться), [ки]ԍԍыны (литься, сыпаться), каԏԏыны (наматывать), кампаԋԋӧ, правԉеԋԋӧ, [к]уԏԏа, паччӧр (верхняя площадь печки), вуттыны (донести)... југыԁжык (светлее), пуԁжын (полпуда), коԁԅыны (пьянеть), аԁԅыны (увидеть), меԁ-воԅԅа [(]самый первый)...

Как же спрашивается произносятся звуки, соответствующие таким [с]очетаниям одинаковых букв? физиология звуков дадт нам ясный ответ на [э]тот вопрос.

Дело в том, что с точки зрения физиологически речевой никакого [у]двоения „твердого“ или „мягкого“ согласного звука в действительности [н]е бывает (противоположное пытался было доказать — но неудачно—шведский филолог Л. Ф. Леффлер в 70-тых годах 19 столетия); есть лишь особый способ произношения подобных звуков, обозначаемый на письме удвоением соответствующих букв. Если мы пишем: сынны сеԍԍа, лыԃԃыны, нырԋоԋ (ноздри), жуԉԉыны (разбить), касса, программа, Натаԉԉа и т. д. — то [э]то вовсе не значит, что и в разговорной речи мы сначала должны произвести звук, соответствующий первой букве, а затем такой же звук, обозначаемый такой же второй буквой. Начертание двух одинаковых, рядом стоящих букв показывает только, что при произнесении соответствующего [з]вука (не звуков!) должно иметь место удлинение (или растяжение) его, [е]сли он принадлежит к разряду длительных (**в, ж, з, ԅ, с, ԍ, ш, ј**, а также **л, м, н, р**..); если же он относится к звукам смычным или взрывным [(м]гновенным) — **ԁ, ԃ, б, г, к, п, т, ԏ**, а также **җ, ч, щ** и **ԅ** — то при его [про]изнесении сперва соответствующим речевым органам дается положение, [н]еобходимое для образования смычки (полного затвора); этот уклад речевых органов и эта смычка несколько задерживается, а потом (после некоторой паузы) прорывается, как и всегда (напр., мун-ны, стаԏ-ԏа—статья, [б]ај-јон, аскоԃ-ԃем—сверстники, пач чӧр, ԋесчас ԍӧ—несчастье, группiровка, [т]ер рор, ԁуԉ-ԉыны, кыԅ-ԅӧ...). Таким образом, то, что обозначается двумя [од]инаковыми буквами для взрывных звуков (**ԁԁ, тт, кк, гг, бб, пп**...), представляет собою паузу на затворе (смычке) + **один** соответствующий звук [(**ԁ**], **т, к, г, б, п**...). Более сильный (в сравнении с обыкновенными звуками [**ԁ**], **т, к**... (взрыв при удвоении согласного объясняется именно более продолжительной паузой на затворе, его, так сказать, большей выдержкой, во [в]ремя которой в полости рта воздуху накопляется больше, чем обычно. [Л]егко видеть, что в данном случае разделение слога (слогораздел) падает [н]е на грань между гласным и согласным (не сы-ны, му-ны, ку ԏа, ко-неј...), [н]е перед согласным, а на этот самый согласный (сын-ны, мун-ны, куԏ-ԏа, [к]он-неј... [1]).

[1]) Такое единственно правильное об‘яснение „удвоения“ согласных восходит к [им]ени известного венского физиолога, профессора и академика Э. Брюкке (см. наприм., [об] этом у Я. К. Грота, op. cit., т. I, стр. 351, и т. II, стр. 289 и 290).

Такое фонетическое явление и принято (конечно, чисто-условно) обо-
значать во всех главнейших европейских языках, (немецком, французском,
английском и итальянском) написанием одной и той же буквы два раза
сряду. Это же мы видим и в зырянском, и в русском языках.

Во всех подобных примерах мы имеем с точки зрения временной
несомненную **долготу согласных** звуков (как взрывных, так и со-
норных, и фрикативных), обозначаемых двумя сряду одинаковыми буквами.
Стало быть, учение школьных грамматик о том, что краткими и долгими
(а также полудолгими, сверхдолгими и т. д.) могут быть только гласные
звуки, является совершенно несостоятельным.

Наконец, остановимся несколько на физиологической характеристике
так называемых **слитных** (сложных) согласных. Их общее наименова-
ние — **аффрикаты** (лат. affricatae, от fricare—тереть, ad-fricare—прити-
рать; аффрикаты—собственно „притертые" звуки). Аффриката—это слит-
ный согласный звук, получающийся при соединении взрывного (смычного)
согласного с соответствующим ему по месту образования и однородным
по участию голосового тона фрикативным (придувным). Первый из слива-
ющихся звуков аффрикаты (смычной или взрывной) всегда произносится
несколько ослабленной артикуляцией. Аффрикату не надо путать с группой
согласных, являющейся результатом сочетания звуков, — тогда как аффри-
ката происходит вследствие слияния звуков.

В зырянской речи аффрикативными являются звуки, обозначаемые
4 буквами: җ, ԇ, ч, щ. (Сюда должно присоединить также аффрикативный
звук, обозначаемый русской буквой ц—она иногда встречается в зырянских
текстах).

Звонкая альвеолярная (корональной артикуляции языка) всегда „твер-
дая" аффриката җ состоит из быстро сменяющихся в произношении двух
„твердых" согласных звуков: ослабленного d и ж,—так что җ приблизи-
тельно = рускому д͡ж). Аффриката д͡ж часто слышится в украинской и бел.
русской речи: джэрэло—жерло, виджу, саджала, ураджай, выходжу, паходжу
и т. п. (Как видим, состав этого звукового комплекса входят—звонкий пе-
реднеязычный зубно-альвеолярный (корональной артикуляции) взрывной
мгновенный согласный d и соответствующий ему по месту образования
звонкий, также переднеязычный альвеолярный (также корональной артику-
ляции) фрикативный длительный ж. С т. зр. выявления своей подлинной
физиологической природы аффриката җ (как, впрочем, и все остальные
аффрикаты) несомненно должна быть отнесена к взрывным мгновенным зву-
кам, так как при попытке „протянуть" ее мы уже получаем один звук—ж
(стало быть, аффриката җ „сама собою" является только в первый, „взрыв-
ной" момент своего произнесения, а потом от нее остается только ж: dж
жжж...[1]).

Вот в качестве примера несколько слов с этой аффрикатой; җ
(петля, узел), җаҗ (полка), җек (стул, сиденье), җеԋыd (короткий), җijан (
ница), җоҗ (пол), җуҗыd (высокий, глубокий), җум (омут), җуҗdӧdны (
лублять), җынjан (колокольчик), җын (половина), унҗык (больше), уҗ (труд

Палатальная („мягкая") аффриката ԇ (дорсальной артикуляции язы
состоит также из двух звонких согласных: переднеязычного взрывно

1) Вот почему мы совершенно несогласны с Найриосенгой в том, что „аффри-
ты җ, ԇ и щ не могут быть взрывными, как разновидности звуков ж, з и ш" (цитир.
стр. 73); ссылка на А. М. Белля здесь совершенно напрасна и никчемна: эти аффрика
вовсе не разновидности звуков ж, з и ш и не группа согласных...

„мягкого“ ꝺ и соответствующего ему по месту образования фрикативного длительного звука, близкого к з' (з „мягкому“). Обозначение dз' вместо ҙ у Г. С. Лыткина, Н. П. Попова, Ф. И Видеманна и некоторых др. лингвистов дз' или dz (всё—таки далеко от точности, так как если первый компонент (d) передан здесь более или менее точно, то второй звучит, строго говоря, вовсе не как з', а как звук дребезжащий, близкий к зырянскому ӟ (шепелеватому), средний между з' и ж': ҙебны (прятать, хоронить), ескыd (тесно), ҙiк (совсем), ҙiзгыны (жужжать), кыҙi (кроме), ҙорjавны (зираться), ҙоҙöг (гусь), öҙöс, ҙоҙув или чоҙув (ящерица), ҙуртны (скрипеть), adҙыны, кöҙыd (холод), лебҙыны (летать), муҙны (уставать), кöҙны (сеять), сiҙ (так), вiҙ (пожня), ҙорiҙ (цвет), воҙҙа (передний)...

(Интересно отметить, что аффрикаты ҙ и ж встречаются только в исконно-зырянских словах: это—так сказать, специфически-зырянские аффрикативные звуки).

Аффрикату ҙ несколько напоминают аффрикаты **дз**, **д' з'** и **д' ж'** в украинской и белорусской речи: срв украинский дзвiн (звон), дзмiй (змей), д'ж'у; белорусский д'з'ень (день) д'з'ед (дед), сяд'з'i (сядь), iд'з'ець (идет), гляд'з'iць (глядит), д'з'веры (двери), д'з'ве (две)... В русском литературном произношении афириката, частично подобная зырянской ҙ, является не как самостоятельный звук, способный начинать собою слово, а лишь в живой, разговорной связной речи, в словосочетаниях; например: фразу: (овец было много“ мы произносим так, как если бы было написано: „ав'эдз была мнòгâ“; фразу: „печь была здесь“ произносим, п'эд'ж' была д'эс'“ [1]); фразу: „отец болен“ мы произносим: „от'эдɛ бóлiн“ „дочь больна“ произносим; „дóд'ж' бал'нá“ [2]); слова сочетание: „ночь была тюрьмы черней“ (А. С. Пушкин, „Гусар“) произносим: „нод'ж' была т'ур'мы чiрн'эj“ и т. д. Таким образом, произносимым в связной речи русским аффрикатам дз, **д' з'** и **д' ж'** графически соответствуют буквы **ц** и **ч**.

Глухая (безголосая) аффриката, обозначаемая в коми графике буквой **ч**, тождественна с русской переднеязычной альвеолярной аффрикатой **ч**, и также, как и в литературном русском языке, в зырянской письменной речи обозначает всегда „мягкий“ звук (диалектически в русском языке известно „твердое“ **ч** = **тш**: например, в некоторых уездах Казанской губернии, а также на Украине и в Белоруссии говорят: чистый = тшыстый, чай = тшай, чугун = тшугун, число = тшысло, тшас, тшорт...). В состав этой аффрикаты входят два компонента: „мягкий переднеязычный глухой взрывной **т'** и соответствующий ему по месту образования, также „мягкий“ переднеязычный глухой фрикативный (придувной) **ш'** (т'ш'). Сочетание тɕ (т. е. „мягкое“ т + шепелеватое „мягкое“ же ɕ) передает звуковое значение **ч** довольно точно.

При изглашении **ч** уклад речевых органов для ослабленного взрывного звука **т'** быстро, без всякой паузы сменяется укладом для соответствующего ему фрикативного **ш'**,—при чем оба уклада сопровождаются характерным для „мягкой“ артикуляции звуков сужением между передне-средней частью языка и нёбом. С артикуляцией звука **т'** мы уже познакомились; мягкий звук **ш'** артикулируется так; рот немного раскрыт, кончик языка касается нижних передних зубов (дорсальная артикуляция), спинка языка приближается к твердому нёбу и тем самым образует узкую щель, сквозь

[1]) Примеры берем у проф. Е. Ф. Будде, op. cit., стр. 118.

[2]) Примеры из названной книги проф. Д. Н. Ушакова, стр. 33.

которую и проходит выдыхаемая легкими воздушная струя.—Срв. произношение слов: чарлз (серп), чарd (молния), чаг (щепка), чер, черi, чера (паук), чiкыш (ласточка), чiпсыны (пищать), печiк (щелчок), сырчiк (трясогузка), чотны (хромать), чочкӧм (аккуратный), чорыd (твердый), чӧскы (вкусный), чӧрс (веретено, ось), татчӧ (сюда; произносится, как „таччӧ“ чӧd (черника), чуксавны (звать), чукчi (глухарь), чуж (солод), чукыљ-мукы (зигзаг), чышкыны (подметать), летчыны, чышјан, лебач, пач, пӧч, роч, јачејка, гречуга, лаciча, печат, часi, учрежdеньнӧ, порошньiча (пороховница).

Глухая альвеолярная (корональной артикуляции языка) аффрикат зырянской речи, обозначаемая буквой щ, зовсе не тождественна с русским звуком, обозначаемым такой же буквой [1]). В коми графике буква щ обозначает всегда „твердую“ аффрикату, состоящую из двух звуковых компонентов: „твердого“ переднеязычного зубно-альвеолярного взрывного мгновенного т и соответствующего ему по месту образования „твердого“, также переднеязычного альвеолярного фрикативного длительного ш (т. е. щ = тш или „твердому“ ч [2]).

С артикуляцией этих звуков мы уже познакомились.

Срв. произношение и написание слов: щак, щај (чай), щап (гордый), каща (сорока), щељ (щель), нырщiк (вожатый), щӧкыd (частый), щӧщ (вместе), щӧг (жирный), пiщӧг (пазуха), кущӧм (какой), шыкны (портиться), щы (дым), ыщкыны (косить), лащкӧс (коренастый), ньiщ (мох), кыщ (круг, обод), гащ (навзничь)... Сочетание шщ обозначает звук, довольно близкий к долгому „твердому“ согласному шш: пiшщаљ, плошшаd, тӧшща, служашще, тӧварiшщество, мошщеньнiк, јашщiк, ӧшщӧпек (ощепок), јешщӧ...

В русском же литературном языке, как известно, буква щ обозначает не что иное, как долгий, всегда „смягченный“ согласный звук ш (= ш'ш'): щавель, щит, щепка, щука, щеголь, площадь, теща, товарищество, служащий... Диалектичечки—например, в Казанской, Костромской, Вятской и др. северных губерниях—известно в русском языке и щ = долгому твердому шш; пишша, ешшо́, о́пшшэство, ро̀шша, мо́шшный, тё́шша, шшыт, шшэль, шшука, яшшык, шшы... По другим авторам (например, профессору С. К. Буличу), произнесенное щ = ш'ч' = ш'т'ш'; но компонент т' здесь совершенно излишен, т. к в речи он вовсе не слышится. Наконец, некоторые неточно отождествляют звук, обозначаемый русской буквой щ, с тремя слитно произносимым штш (см., например, С. И. Абакумова, „Учебни

---

[1]) В. А. Молоцов, всячески ратободрствуя за „свой“, шрифт, упрекает Н. А. Шахова в том, что тот насчитывает только 3 новых буквы в его, Молодцовской, азбуке для обозначения особых звуков, не имеющихся в русском языке: ж, ҁ и ӧ. В. А. Молодцову хочется, чтобы таких букв насчитывали не 3, а 4; вот, впрочем, его подлинные слова; „совершенно новых, сравнительно с русским языком, звуков зырянский язык насчитывает не 3—ж, ҁ, ӧ, а 4 (вместе с щ)“... (См. его реценз. на „Краткий коми-русский словарь“ Н. А. Шахова—в журн. „Комi му“ 1924 г., № 4—6, стр. 131). Тут—явное недоразумение, основанное на разнесчастном и непростительном смешении понятий о звуках и буквах (на это смешение, как известно, жаловался еще древне-латинский грамматик Присциан; отождествлять или путать звуки и буквы—все равно, что путать или отождествлять тона и ноты, слышимое с видимым, ухо с глазом): букву—то щ В. А. Молодцов безусловно заимствовал из русского шрифта (а ведь это и хочет сказать Шахов); зырянских звуков—то, совершенно новых сравнительно с русскими: не 3 и не 4, а может быть, гораздо больше, и вовсе не В. А. Молодцов ввел их в зырянскую речь... С таким же правом В. А. Молодцов мог бы приписать себе честь введения в зырянскую азбуку и буквы е: ведь она у него обозначает далеко не всегда русское е...

[2]) Вспомните обозначение „твердого“ ч (= тш) у немцев (tsch = тш (и французов tch = также нашему „твердому“ тш).

русской грамматики". 4 изд. 1926 г. Стр. 8.—Срв. проф. Н. С. Державина, „Учебник русской граматики. Опыт научно элементарного курса. I. Основы фонетики и морфологии". 3 издание 1919 г., стр. 13,—где **щ** приравнивается к **шч** [1]). Мы видим, таким образом, что звуки, обозначаемые в зырянской и русской графике одной и той же буквой, далеко не тождественны—ни акустически, ни физиологически.

Из современных зырянских авторов более или менее точно передает звуковое значение аффрикаты **щ** Н. А. Шахов (в своем предисловии к „Краткому коми-русскому словарю", стр. III); Найриосенга в своей рецензии на „Самоучитель"... М. А. Молодцовой (Комі му" 1925 года, № 6—7, стр. 73) совершенно не точно считает **щ** „смягченным" (мульированным) **ч** с легким сжатием голосовой щели; мы видели, что **ч** в зырянской речи всегда звучит „мягко", а щ обозначает вовсе не смягченный мягкий, а твердый аффрикативный звук с довольно крепкой смычкой и с резко выраженным взрывом.

В „Кратком самоучителе зырянского языка „М. А. Молодцовой определение аффрикат **ꚉ**, **җ** и **щ** ничего не говорит ни уму, ни сердцу начинающего изучать зырянский язык (а таких лиц „Самоучитель" praecipue и имеет и должен иметь в виду); в самом деле: по мудрому определению автора, „ꚉ—это взрывчатый, соответствующий придувному з", „җ—взрывчатый, соответствующий придувному **ж**", „**щ**—взрывчатый, соответствующий продувному **ш**..." (стр. 5). Но, во-первых, не „взрывчатый", а взрывной (взрывчатыми по-русски обычно называют особые вещества, химические составы, снаряды и т. п., но не речевые звуки; лингвистика давно уже облюбовала термин „взрывной звук" и вряд ли променяет его на какой либо другой, а в особенности на такой неуклюжий, как „взрывчатый"); во-вторых, что это за неведомое науке о языке соответствие взрывного звука придувному? и о каком соответствии (по месту образования, способу образования, составу, длительности, звонкости, „твердости"...) идет мудрая речь? Правда, каждая аффриката, как мы уже сказали, получается при слиянии взрывного звука с соответствующим ему по месту образования придувным (фрикативным) звуком,—но ведь это немножко не то, о чем говорит М. А. Молодцова, и вот почему. Из определения „Самоучителя" можно вывести, что аффрикаты **җ**, **щ** и **ꚉ**—это лишь взрывные звуки, соответствующие придувным, а не получающиеся вследствие слияния взрывного с соответствующим ему по месту образования придувным; такой же вывод—совершенно неточен и не правилен. Затем: из этого же мудрого определения начинающий изучать зырянский язык должен заключить, что каждый взрывной соответствует какому-либо одному придувному звуку; а такое заключение также будет неточным и антинаучным, т. к. на самом то деле одному взрывному подчас „соответствуют" по месту образования несколько придувных (фрикативных) звуков: взрывному **т** соответствуют в зырянском языке и **ш** и **с**; взрывному **d** соответствуют и **ж** и **з** (примеров из других языков приводить не будем)... Наконец, в третьих,—и это тоже очень важно—что будет делать с такими мудреными и неточными определениями бедный начинающий изучать зырянский язык по такому „самоучителю"? сумеет ли он понять—как же всё-таки произносятся звуки, обозначаемые буквами **җ**, **ꚉ** и **щ**?...

[1]) Интересно, что немцы и французы русское **щ** передают буквами, обозначающими „твердое" **шч** = **штш** (schtsch у немцев, chtch у французов; срв. в польском языке наше щ = szcz, т. е. также „твердому" **шч**).

(Так же мудрит и также неудачно щеголяет специальными терминами и редактов „Самоучителя“, В. А. Молодцов, столь озабоченно претендующий на научность своих выводов, характеристик и определений. Вот его „лингвистические мудрости“: **щ** читается не как **тш**, а является аффрикатом—щеле-взрывчатым звуком,—соответствующим фрикату—щелевому, придувному звуку—**ш**. Точно так же **җ** и **ҙ** читаются не как **дж** и **дзь**, а являются аффрикатами, соответствующими фрикатам **ж** и **ҙ**...“ [1]). Ну хорошо; „являются...“, „соответствующими“ и т. д.—но как же все-таки они читаются—то? или, может быть, так, что звуки, ими обозначаемые, не возможно передать никакими средствами никакой фонетической транскрипции? Это уж слишком...).

Весьма любопытно сопоставить все рассмотренные нами аффрикаты **җ**, **ҙ**, **ч** и **щ**, т.-е. **dж**, **d'ж'** (лучше—**dҙ**), **т'ш'** и **тш**. Устанавливается их близкое физиологическое родство: две из них—**dж** и **dҙ**—оказываются звонкими, а остальные две—**тш** и **т'ш'**—приблизительно соответствующими им (парными) глухими, или безголосыми. Стало быть, по этой схеме зырянские аффрикаты соответственно располагаются так: 1) **җ** и **ҙ**, 2) **щ** и **ч**. По принципу „твердости“ и „мягкости“ эти же аффрикаты можно приблизительно разгруппировать так: 1) **щ** („твердая“) и **ч** (соответствующая „мягкая“); 2) **җ** („твердая“) и **ҙ** (соответствующая „мягкая“ аффриката). Срв. указанную статью Найриосенги, стр. 73.—При всем том мы согласны с Найриосенгой в том, что буквы **ҙ** и **щ**—„Ахиллесова пята „Молодцовского алфавита“ (ibidem).

Что касается глухой зубной (зубно-альвеолярной) всегда „твердой“ аффрикаты, обозначаемой русской буквой **ц** (итальянск. z, немецк. **c** и z; срв. французск. ts в двух иноземных словах tsar—царь, tsarine—царица,—и финское ts в немногих словах этого же корня: tsaari —царь, tsaaritar—царица, tsaarin—царский...), то она почти всегда в зырянской графике передается буквами **тс** (как мы уже отметили в начале статьи); но так как эта буква все-таки встречена нами в современных зырянских текстах—например, в словах: Центросоjуз, цiрк, концерт и некоторые другие,—то мы позволим себе охарактеризовать артикуляционную и звуковую сущность и этой аффрикаты.

„Подновитель“ зырянского шрифта, В. А. Молодцов не признает русской буквы **ц**, не ввел ее в зырянскую азбуку и даже свою фамилию предлагает писать... впрочем, не Молоdтсов, а Молоdсов („Некоторые принципы зырянского правописания“, стр. 8, сноска). Русская буква **ц**, по его мнению, везде и последовательно должна быть заменена буквами **тс**. Есть ли какое-нибудь основание для такой замены? Есть,—и основание вполне резонное, покоящееся на физиологии звуков. В самом деле: произнесите **ц**, вслушайтесь, еще раз произносите и вслушайтесь, — и вы услышите не один звук, а два звука, произносимых слитно: „твердый“ переднеязычный зубной мгновенный взрывной глухой **т** и соответствующий ему по месту образования, также „твердый“ переднеязычный зубной глухой длительный придувной **с**, т.-е. вы услышите, что **ц** действительно = **тс**. Кабинеты экспериментальной „фонетики“ (точнее,—экспериментальной физиологии звуков речи) особыми, специальными приборами также доказывают слитную, аффрикативную природу **ц**.

Вот более подробное и очень хорошее описание артикуляции **ц**, принадлежащее проф.-лингвисту С. К. Буличу: Согласный **т**, входящий в состав этого сложного согласного, несколько о т л и ч а е т с я от обыкновен-

[1]) См. его рецензию на „Краткий коми-русский словарь“ Н. А. Шахова—в журн. „Комі му“ 1924 г., № 4—6, стр. 131.

ного переднеязычного, зубного **т** (имеющегося, например, в слове **то**), а именно: он произносится при такой же дорсальной артикуляции, какая необходима для (следующего за ним. Юр. С.) согласного **с**, т.-е. кончиком языка, прикасающимся к нижним зубам. Затвор, необходимый для смычного **т**, образуется при этом на задней поверхности верхних резцов, но не кончиком языка, как при обыкновенном **т**, а прилегающей к нему передней частью языка. Непосредственно за этим дорсальным **т**, без всякого промежутка или паузы, следует спирант **с**, сливающийся в нашем восприятии с предыдущим **т**. Быстрота, с которой один звук следует за другим, и отсутствие паузы между ними обуславливают их восприятие, как одного, неразложимого на составные части звука. Сложная природа его, однако, сейчас же сказывается, если попробовать продлить его произношение. Тогда **ц** превращается в **с**..."[1]) (тс-сссс... стало быть, звук **ц**, как таковой, слышится здесь только в самом начале, а затем он тотчас же превращается в **с**.—Юр. С.).

Произнесите **ц** вне слога и слова, так сказать, изолировано, затем, примерно, такие слова, как: Щацк, Полоцк, вотяцкий, пермяцкий, казацкий, босяцкий, дурацкий... купец, молодец, отец, удалец...—и вы уловите слухом **ц** именно, как аффрикату **тс**. Вот основное соображение, которое пробудило „подновителя" зырянской графики выбросить эту букву из азбуки и последовательно заменять ее буквами **тс**.

Но вот возникает вопрос: всегда ли **тс** звучит, как **ц**? если изолированное **ц**=**тс**, то всегда ли справедливо и обратное положение: **тс**=**ц**? Как будто ясно (по крайней мере, с первого взгляда), что ответить на этот вопрос можно и должно только утвердительно. Однако, в живой речи, в звуковых и произносительных законах дело обстоит не так-то просто (да даже и в таких точных науках, как математические, не все ведь так наз. обратные теоремы справедливы). Произнесите слова: детский, советский, флотский, братский, отставка, городской, залихватский, представить.. занимается, кривляется, дурачится, артачится, разобьется... обниматься, ухмыляться, начинаться, расстаться...—и вы ясно определите тождество **тс** (иногда орфографическое **дс**, но орфоэпическое **тс**) с аффрикатой **ц**,—при чем в глагольных формах (в 3 лице ед. и мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. и в инфинитиве, или неопределенной форме) вы услышите собственно „двойной", долгий африкативный звук **ц** (произносим: занима́цца, занима́еца, бода́цца, бода́еца, одева́цца, одева́еца и т. д.).

Но произнесите слова: отставны (помогать), отсыштны (быстро помочь) отсӧг, отсалӧм (помощь).. отсохнуть, отсекать, отсыреть, отсудить, отсель, отсюда, отсиживать, отсчитывать, подсвечник, подснежник, подсудный...—и вы заметите, что здесь **тс** не тождественно (в произношении) с **ц**: вы не произносите оцавны, оцышты, оцӧг, оцалӧм... оцохнуть, оцекать, оцыреть, оцудить, оцудить, оцель, оцюда, оциживать, оцчитывать, поцвечник, поцнежник, поцудный... Для сравнения произнесите слова: оцепенеть, оценить, оценка, оцарапать, оцепить...

[1]) С. К. Булич. „**Ц**"—в „Энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона. Том 37, атр. 784. II 1903 г.—Курсив мой. Юр. С.—Срв. акад. Я. К. Грота, op. cit., том II-ой, стр. 17 и 43.—Срв. также проф. Д. Н. Ушакова: „В аффрикате **ц** есть элементы **т** и **с**... вследствии недостаточно быстрого размыкания затвора, делаемого при **т**,... образуется на некоторое время теснина между языком и зубами, в которой естественно получается элемент звука **с**. Таким образом, **ц** отличается от **тс** тем, что и **т** и **с** в **ц** не совсем такие, каковы они в отдельном произношении"... (op. cit., стр. 33).

Таким образом, **тс**=**ц** (в произношении) не всегда, а лишь 1) когда за **тс** следует взрывной мгновенный согласный (**б, п, д, т, г, к**); 2) в русских глагольных окончаниях 3 лица ед. и мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. и в неопределенной форме на—**ться**.

(Продолжение следует)

П. А. Воронов.

Печоро-Индигский водный путь.

Проведенные исследования и составление проекта Камско-Печорского водного пути позволяют в настоящее время надеяться, что сооружение этого пути осуществится в ближайшем будущем.

Приобщая к внутренней жизни страны обширный Печорский край, Камско Печорский водный путь может разрешить во всей полноте задачу развития огромных потенциальных богатств края. Способствуя таким образом вовлечению Печорского края в экономический кругооборот страны, Камско-Печорский водный путь не разрешает однако в целом транспортной проблемы севера. Присоединенная, как магистраль, к остальной сети внутренних водных путей, р. Печора не может служить сколько-нибудь удовлетворительным выходом в море по целому ряду причин, а стало быть не может удовлетворять и серьезным транзитным требованиям.

Поэтому вполне правильным и последовательным являлся отпуск Автономной Коми областью средств на обследование возможности Печоро-Индигского водного соединения, в целях создания удобного выхода в море, вместо Печорского устьевого „тупика“.

Рекогносцировочное обследование Печоро-Индигского соединения показало полную возможность соединения Печоры с Индигой. Но на проведенные работы по рекогносцировочному обследованию Печоро-Индигского соединения, необходимо смотреть все же только как на предварительные наметки в том предположении, что будущее развитие производительных сил Севера и Сибири несомненно заставит принять этот единственно рациональный выход в море.

Существующие пути сообщения и их недостатки. С осуществлением Камско-Печорского водного пути, в сеть внутренних водных путей включается самая мощная артерия С.-Востока—р. Печора, имеющая сложную и разветвленную сеть притоков, вполне могущих удовлетворить при известных затратах потребности развития Печорского края.

Незначительное количество грунтовых дорог (трактов местного и государственного значения) имеется в южной части Печорского края. В северной части—один тракт, идущий из Устьцильмы в Архангельск. Удовлетворительным сообщением по нему может считаться только зимнее, во время же весенней и осенней распутицы сообщение прерывается вовсе. Длина его между конечными пунктами составляет—795 километров.

Железных дорог в Печорском крае нет.

Таким образом, если не считать тракта Устьцильма — Архангельск, Печора является единственным сообщением для переброски грузов. Основным препятствиям морского сообщения с Печорским краем является Печорская губа, которая доступна для навигации 2—2$^1/_2$ мсcяца, в то время когда на Печоре уже наступает меженный горизонт. Губа не защищена от

господствующих ветров, отделяется от Печоры 20-ти километровым баром с глубинами, падающими до 9-ти футов. Вследствии мелководности бара морские суда, пришедшие на Печору за грузом, догружаются в Болванской губе, куда доставляются грузы (почти исключительно пиленый лес) в речных судах. Вследствие сильного волнения речные суда нередко терпят аварии в губе. Самый бар является подвижным и весьма не устойчивым. Морские фракты были на 70% выше, чем из Архангельска до Лондона, что обуслалливается мелководьем бара, риском простоя из-за льдов в начале июля и его второй половине, затруднительностью и даже опасностью плавания из-за туманов, льдов и бурь. Таковы не благоприятные условия вывоза грузов через Печорское устье.

Бухта Индига. Обследования побережья Северного Полярного моря установили, что единственным пунктом, могущим удовлетворить исчерпывающим образом всем требованиям, предъявленным к большому порту в открытом море, является бухта Индига, расположенная на широте 67° 42' и долготе 48° 48' от Пулкова.

Бухта Индига доступна к плаванию для пароходов не ледокольного типа в течение $5^1/_2$—$6^1/_2$ месяцев (по данным гиместанции—Индига), а для ледоколов мощностью от 3.000 лощадиных сил—круглый год. Естественные условия бухты обеспечивают круглый год свободный выход в океан. Бухта, благодаря своим берегам, защищена от действия ветров всех направлений и в естественном состоянии представляет прекрасную стоянку для судов осадкою 10—11 м.м. Короткий и устойчивый бар из песчано-глинистого грунта дает условия легкой расчистки входного канала для судов любой осадки. Условия же плавания в открытом море гораздо благоприятнее сюда, нежели в Архангельск, благодаря прохождению ветви Гольфштрема и господству юго-западных ветров, способствующих скорейшему очищению Чешской губы от плавающего льда.

Проектные предположения, затрагивающие Печоро-Индигский водный путь, не новы. Еще Крузенштерн, исследовавший р. Индигу в 1850 г. заключил о необходимости соединения Печоры с Индигой для вывоза Печорского леса; несколько позднее (в 1890 г.) к тому же выводу пришел и Н. Ф. Чернышев. В 1893 г. им был поставлен на обсуждение Междуведомственного Совещания б. М. П. С. вопрос об исследовании бухты Индиги, в целях оборудования глубоководного порта для обслуживания нужд не только Печорского края, но и Сибири.

В 1894 г., по приказанию Архангельского губернатора, в верховьях Индиги были произведены изыскания, доказавшие возможность соединения Печоры с Индигой при небольших затратах средств.

Сделанные в 1918—19 г. г. железно-дорожные изыскания выяснили возможность соединения Сибири с Индигой (Петропавловск—Ухта—Индига и Тобольск—Индига) и жел.-дор. магистралью с уклонами не более 0,007.

В последнее время Коми областью выдвинута к строительству жел.-дор. магистраль Усолье-Индига, в части своей уже получившая полное признание (отрезок магистрали Усолье—Троицко—Печерск включен Госпланом СССР во вторую пятилетку плана железно-дорожн. строительства с ветвью Ухты на Москву (часть которой включена в первую пятилетку).

Имеющиеся данные доказывают на возможность соединения Печоры с Обью или Иртышем по нескольким направлениям, при чем более выгодны

можно считать направление через р. Усу и р. Собь (левый приток Оби [1]). Такой проект предположен для пропуска судов осадкою 2,67 м. и грузоподъемностью до 3.250 тн. Этим путем будет производиться сообщение с Сибирью.

Наконец, стоящим на очереди Камско-Печорским водным путем, предназначаемым для судов с осадкою—1,78 м. и грузоподъемностью в 2.000 т., будет осуществлена связь с Камой, Волгой.

Имеются варианты выхода железно-дорожных магистралей из Сибири на Архангельск и Мурманск. Но здесь действует прежде всего закон расстояния, т. к. сравнения длин проектируемых линий дают перевес на Индигу, ибо она на 200—500 км. ближе. Вообще распространенное мнение, что Архангельск является лучшим выходом для сибирских грузов, несостоятельно [2]. Как по своим естественным условиям, так и по условиям морского плавания Архангельск значительно уступает Индиго. К тому же расстояние от Индиги до заграничных портов короче на 40 миль.

Соединение Архангельска сплошным водным путем с Сибирскими реками хотя и возможно для судов осадкою—1,78 м., но длина этого направления и стоимость его больше направления Обь—Печора—Индига.

С осуществлением Камско-Печорского соединения значительная часть камских грузов (как, например, соль, хлеб) будут иметь несомненно направление на Индигу, а не на Ленинград и Ростов н/Дону. Становится ясным то воздействие, которое окажет Индигский порт на развитие всего северо-востока Европейской части СССР и Сибирского края.

Сооружение Печоро-Индигского водного пути предпочтительнее производит в первую очередь вслед за сооружением Камско-Печорского водного пути, во-первых, вследствие сравнительно незначительной стоимости Печоро-Индигского соединения, во-вторых, чтобы дать скорейший и самый дешевый выход Печорскому лесу на внешний рынок, в-третьих, потому что постройка железной дороги при несоизмеримо больших затратах дает меньший эффект, чем водный выход с Печоры, и, наконец, в-четвертых, потому, что колонизация водного пути может быть легче произведена, а также и потому, что постройка железной дороги будет происходить уже в более легких условиях и будет более дешевой, при развитии привычной колонизации по водному пути и при создании на нем опорных пунктов.

Печоро-Индигское соединение (вариант соединений, основные элементы пути). Печоро-Индигское соединение возможно осуществить в 3-х вариантах:

Первый вариант—самый северный: по р. р. Суле, Сойме, через водораздел, Индигские озера и Индигскую виску и по р. Индиге. От устья р. Соймы до устья Индиги длина его после спрямления всех излучин рек составляет около 200 клм. Этот вариант очень длинен и потому наименее реален, при незначительной длине водораздел имеет и незначительную отметку, но питание раздельного бьефа не обеспечено водой.

Второй вариант: по р. р. Суле, Сойме, Урдюжской виске, Урдюжскому озеру, через водораздел и по р. Индиге. Общая длина пути в этом варианте от устья р. Соймы и до устья р. Индиги составляет 130 клм. Этот вариант наиболее приемлем. Питание раздельного бьефа здесь

---

[1]) См. по этому поводу пр. Инж, Чеховича—„Порт Индига", выполненный при участии и руководстве инж. Ев. Г. Иогансона.

[2]) См. Евг. Г. Иогансон „Порт Индига"—1918 г.

может быть осуществлено как за счет р. Сулы так и за счет р. Индиги. Этот же вариант и наиболее разработан.

Третий вариант: по р. Суле, по склону вдоль р. Соймы и реки Урдюжской виски, по водоразделу и дальше по р. Индиге. Этот вариант имеет значительное количество земляных работ, а потому и дороже всех. Питание водораздельного бьефа здесь может быть осуществлено подводящим каналом из верхнего течения реки Сулы.

В геологическом отношении все три варианта находятся в одинаковых условиях: грунты—глина и песок.

Рекогноссцировочное обследование водораздела между Урдюжским озером и р. Индигой было проведено по направлению второго варианта (См. рис. № 1). В этом направлении, в свою очередь может быть предложено несколько вариантов перехода водораздела трассой канала. Пройденное нивеллировкой направление: Минина виска—Могучейская виска представляется наивыгоднейшим; однако, окончательное решение может быть дано только точными исследованиями.

По упомянутому варианту в соединение входят: р. Сула на протяжении—157 клм., р. Сойма (как и Сула—нижним течением) –60 клм., Урдюжская виска—36 клм. водораздел дл. 19 клм. и р. Индига до устья около—53 клм., всего около 325 клм.

При шлюзовании входящих в соединение рек и по спрямлении петлей величина эта значительно сокращается и составляет всего около 200—205 клм. (См. рис. № 2).

Характер входящих в состав водного пути рек различен [1]). Длина р. Сулы от истока и до устья свыше 480 клм.; в верхней части своего течения р. Сула имеет местами ширину свыше 100 м., но крайне мелководная, с быстрым течением и каменистым руслом. Сула имеет значительный уклон и местами сосредоточенное падение (наибольшее Сульский „падун"—на расстоянии десятка метров—6 м. падения). По выходе из ущелья несколько ниже устья р. Щучьей, Сула меняет свой характер, приобретая довольно плавное течение в глинистом и песчаном русле. Почти на 160 клм. падение составляет около 5,33 метра, что в среднем на версту дает около 0,035 м. Ширина реки ниже устья Соймы колеблется весьма значительно, примерно, от 100 и до 250 метров.

В створе вновь установленного водомерного поста у деревни Котки было произведено определение скоростей и расходов помощью поплавков. Наибольшая скорость на поверхности равна 0,66 м. с. Секундный расход составляет около 86,00 кб. мтр. Подъем весенних вод над меженним горизонтом в этом месте составляет примерно около 5 метров.

В нижнем своем течении Сула не имеет значительных притоков и впадает двумя рукавами в Печору (Сульский и Захарьинский). Верхний—Захарьинский шар представляет значительно короткое расстояние и служит началом соединения. При условии расчистки Харьягского шара расстояние сократится клм. на 10. Однако, в этом случае коренное разрешение вопроса заключается в проведении канала из р. Сулы в том месте, где она поворачивает к Северу, до р. Печоры. Пробег грузов значительно сократится (километров на 35—40) стоимость же канала, ввиду того, что он пройдет в низменной местности, не будет значительной.

---

[1]) Некоторые сведения о реках, входящих в Печоро-Индигское соединение можно найти в труде Н. Ф. Чернышева: „Орографический очерк Тимана".

Река Сойма, от устья Урдюжской виски до впадения в Сулу, имеет плавный характер течения, обладает значительной извилистостью, ширина реки колеблется в пределах от 4 до 80-90 метра. Отличается ровной и значительной глубиной на всем протяжении (около 2,00 метров).

Определение скоростей течения и расхода поплавками было произведено в 3-х км. выше устья. Наибольшая скорость течения на поверхности —0,53 м. в секунду. Расход, вычисленный по этим скоростям течения составляет около 22 кб. м. в сек.

Река Урдюжская виска на протяжении своих 32 кил. от Урдюжского озера и до Соймы имеет исключительную извилистость. Ширина ея 10-20 метр, глубина в среднем не менее 3/4 метра (поэтому довольно значительные карбасы рыбаков, идущих на Урдюжское озеро, проходят по ней без затруднений).

Скорость и расход поплавками определялись в 1 км. выше впадения ее в Сойму. Скорость на поверхности—0,72 м/с., расход—6,2 к/м в сек.

Урдюжское озеро, которое трасса будущего водного пути пересекает на протяжении около 10,5 км., имеет водную площадь около 83 кв. клм. В южной своей части озеро крайне мелко. Глубина по терассе колеблется около 1,5 м.

По водоразделу трасса канала проходит следующим образом: от Урдюжского озера через устье р. Мининой виски, придерживаясь по возможности долины последней через Сухое и Черное озеро, к Лебяжьему озеру и от него вдоль р. Лебяжьей виски на Могучее озеро, откуда следует по долине р. Могучейской виски до р. Индиги. Отличительной чертой водораздела в этом направлении является наличие почти сплошного течения на всем протяжении.

В этом направлении собственно водоразделом являлась небольшая возвышенность между Могучим и Лебяжьим озерами, причем из Лебяжьего озера вытекала Минина виска, впадающая в Урдюжское озеро, а из Могучего озера Могучейская виска, впадающая в Индигу. Так было несколько лет назад. Теперь водораздельная точка передвинулась на западный берег Могучего озера, где истоки Могучейской виски пересыпаны песками (на протяжении 200 м.), а из Могучего озера в Лебяжье озеро вытекает р. Лебяжья виска (прорезавшая возвышенность между озерами). Речки эти все незначительны, но долины их весьма пригодны для трассировки канала. Из всех озер отличны Могучее и Лебяжье. Первое самое большое (площад. —8,5 кв. кил.), но глубина его весьма незначительна до 1 мт. (заметно упавшая после прорыва Лебяжьей виски); второе меньших размеров (площадью около 3,5 кв. км.), голубиною свыше 4,5 м.

Наконец, последним участком пути является р. Индига. Индига начинается среди болота, именуемого Шучьей Лаптой и до впадения р. Мал Светлой представляет собою небольшой поток с большим падением. и быстрым течением. Трасса канала выходит на р. Индигу несколько ниже р. Мал. Светлой. На всем своем протяжении она принимает ряд притоков, из которых р. Белая и р. Индигская виска приносят ей много воды. У дер. Поповой река имеет около 70 м. ширины и глубину свыше 1-го метра*).

Ниже дер. Поповой появляются выступы известняков (каменно угольного периода) и в 33 км. от моря река прорезывает известняковую гряду вкрест простирания и образует две отвесных стены именуемых „Железными воро-

*) Ввиду ледостава расход определить не было возможности.

тами". Место это черезвычайно удобно для устройства плотины. По выходе из ворот река быстро и незаметно сливается с Индигской губой. (См. рис. 1 на 51 стр.).

Продолжительность навигации на водораздельном участке Печ.-Индиг. водн. пути в среднем 143-150 дней.

Результаты рекогносцировочного обследования. Нивеллировка водораздела определила его абсолютную отметку в 26,5 м. (или 12,5 саж.)

Абсолютная отметка водораздела, определенная барометрической нивеллировкой Н. Ф. Чернышевым, равна 20 саж. или, примерно, 42,6 мтр. Эта отметка, полученная в направлении по волоку, и полагалась до сих пор в основу проектных предположений по Печ. Инд. соединению.

Однако, волок этот проходит на сплошь относительно высших отметках, чем направление через озера и, по сравнению схематических профилей, выявляется громадная разница в пользу последнего направления, т.-е. через озера. Кроме того последнее направление и короче несколько первого. На чертеже пунктиром нанесен профиль, как он принимался до сих пор в расчетах, и сплошной линией—в результате нивеллировки в Х-28 г. (см. рис. 2 на 52 стр.).

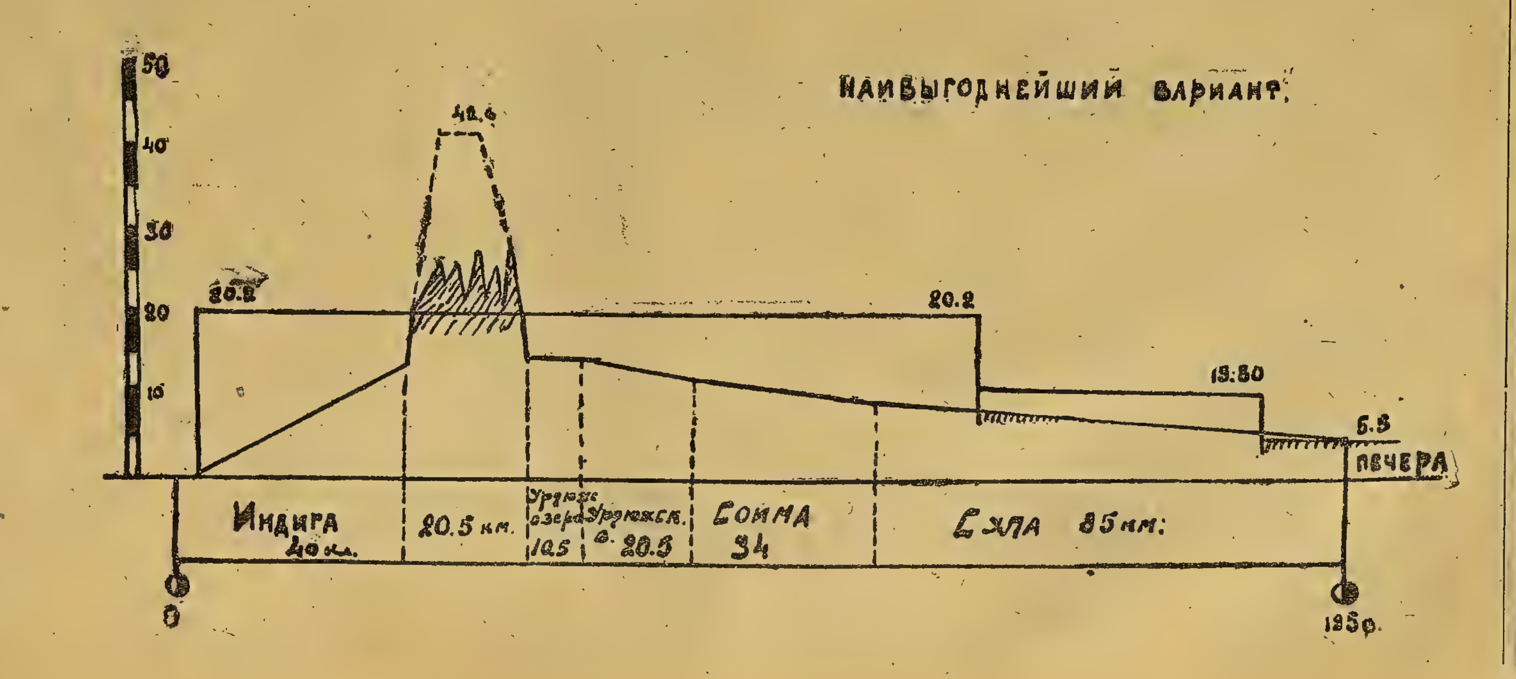
При расчете по последней схеме, т.-е. при трассировании канала через озера, стоимость Печеро-Индигского соединения получается намного меньше. По первой схеме наивыгоднейший вариант определяется отметкой водораздельного бьефа в 10 саж., или 21,34 м.; по второй схеме отметкой 20,20 м. или 9,5 саж.

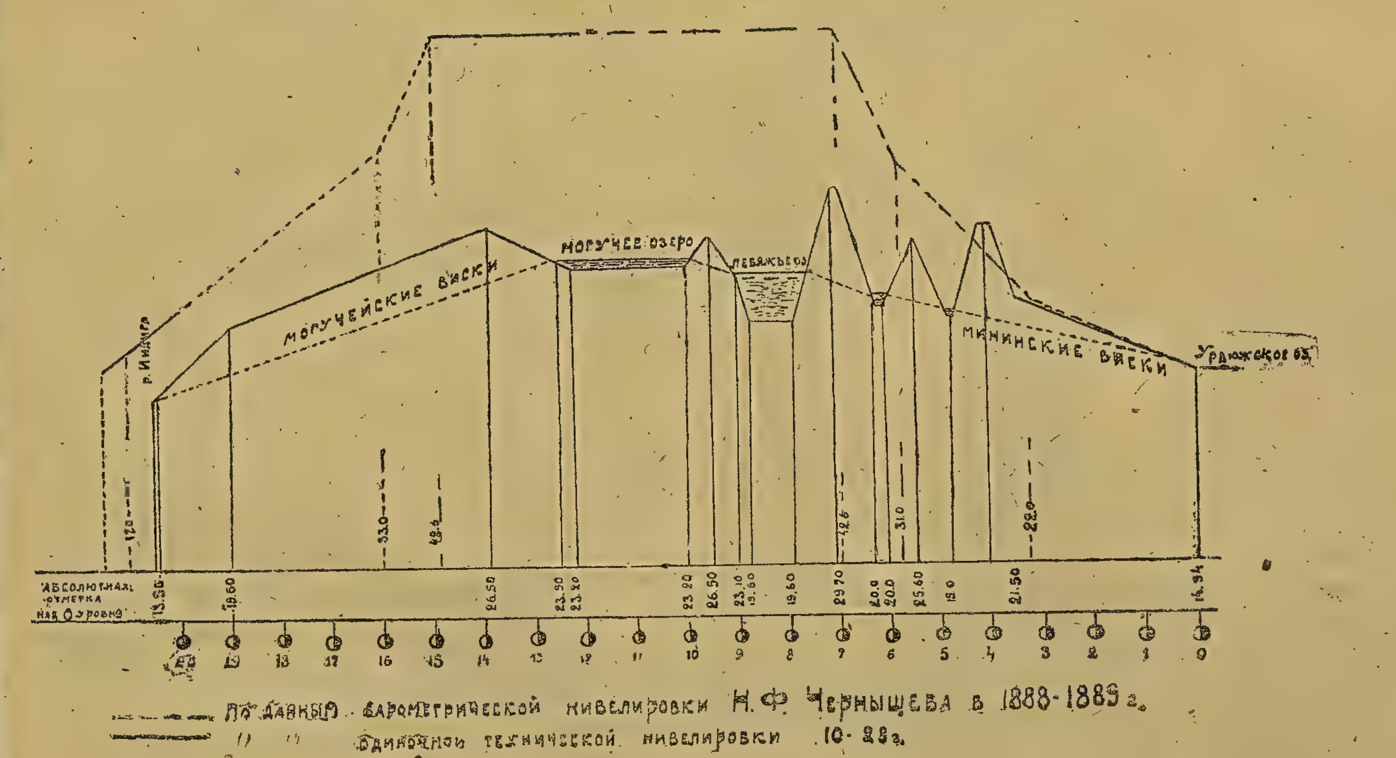
По проекту, мною разработанному при участии и руководстве инж. Е. Г. Иогансона, стоимость варианта по 1-й схеме определилась в 20,24 мил. довоенных рублей (без учета взрывных работ); стоимость по второй схеме в 11,91 мил. дов. руб. (без взрывных работ) и в 14,34 мил. довоен. рублей (со взрывными работами) или в переводе на червонное исчисление примерно 32-33 мил. руб.

В последней схеме учтена необходимость взрывных работ, так как весь водораздел входит в область распространения вечной мерзлоты, (что ранее не учитывалось). На Суле и Сойме вечной мерзлоты нет. Это последнее обстоятельство, кроме удорожания водораздельной выемки, в остальном на сооружение Печ.-Индигского соединения не влияет.

Таким образом разница в стоимости водного соединения при учете новых данных может только послужить лишним толчком к осуществлению Печ. Индигского соединения.

Схематический продольный профиль.

Схематический продольный профиль водораздела
между Урдюжским озером и р. Индигой
р. Индига
Моручейские вискн
Моручее озеро
Лебяжье оз.
Мининские виски
Урдюжское оз.
Абсолютная отметка над 0 уровня
13.86
19.60
26.50
23.90
23.20
23.20
26.50
23.10
19.60
19.60
29.70
20.0
20.0
25.60
19.0
21.50
14.94
12.0
33.0
48.4
12.6
31.0
22.0
По данным барометрической нивелировки Н. Ф. Чернышева в 1888-1889 г.
" " одиночной технической нивелировки 10-28 г.

Ветврач Ф. А. Терентьев.

К вопросу о реорганизации оленеводческого хозяйства Печорского края.

Одним из общеизвестных эффективных отраслей животноводства является оленеводство, т. к. северный олень круглый год питается подножным кормом и, при благоприятных условиях, имеет способность быстро количественно увеличиваться. Половая зрелость оленя наступает на 2-м году, и на 3 году молодая важенка приносит приплод.

Кроме того оленеводство имеет важное значение и пототу, что оно является основным средством существования аборигена тундры, и лишь благодаря оленеводству, имеется возможность эксплоатации естественных богатств наших обширных тундр.

Но, несмотря на обширность наших тундр и притундровой полосы и на почтенную давность оленеводства (сотни лет), оно (оленеводство), однако не развивается, а упорно стоит на одном уровне за последнее столетие. Правда нет у нас точных цифр о количестве оленей, пасущихся в наших тундрах, но с некоторой приблизительностью все же можно считать общее количество оленей Печорского края равным 400-500 тысяч голов. Так, по рукописи бывшего волостного писаря Ф. Филиппова в 1835 году было в Ижемском районе 400.000 голов. По данным С. Керцелли [1]) в 1907 г. Большеземельской тундре насчитывалось около 400.000 оленей. По определению Д. Д. Иевлева [2]) 1915 г. в Большой и Малой Земле было до 500.000 оленей. Исходя из расспросов оленеводов и непосредственного знакомства с некоторыми районами тундр, а также принимая во внимание размер убоя телят и отсутствие крупных летних падежей за истекшие 5 лет, мы пришли к такому же выводу, что количество оленей Печорского края в 1929 г. могло быть тоже около 500.000 голов.

В силу каких причин наше оленеводство не имеет тенденции к дальнейшему развитию?

Полмиллиона оленей, по кормовым рессурсам наших тундр, принято считать предельным количеством и нередко встречаются указания в печати о тесноте тундры и истощении ягеля. Но, по моему, подобные указания ни на чем не обоснованы. Фактически наши тундры использовываются лишь частично и обширные площади тундр, с превосходными кормовыми рессурсами, остаются заброшенными. Цикл кочевки стад носит ненормальный характер, стада вынуждены на летний период группироваться в нескольких, на весьма небольших участках тундр; только это и создает тесноту и недостаточность корма в некоторых районах, т. к. в течение десятков лет приходится вытаптывать десятками и сотнями тысяч голов одни и те же пастбища.

---

[1]) С. Керцелли-А. В. Н. 1909 г. кн. 7.

[2]) Д. Д. Иевлев. Оленеводство Архангельской губернии 1918 г.

По единогласному утверждению всех ветеринарных работников, побывавших в тундре, вся она, за небольшими исключениями, заражена возбудителем сибирской язвы. Периодические вспышки ввиде эпизотий, ежегодные систематические случаи падежа почти во всех районах тундр, естественно не могли остаться без влияния и на количестве оленей и на самую постановку оленеводства и на цикл кочевки стад. В результате период летовки, длящийся от 3 недель до 3 месяцев (в зависимости от районов), является решающим моментом для кочевки стад весной и осенью и всей установки оленеводства.

За последние годы на летовку стада сосредоточиваются в следующих районах тундр: Малоземельская—р. р. Вельта и Святая и несколько хозяйств на Тиманском хребте; Большеземельская-Вангурей (около р. Черной), хребет Пай-Хой и частично на склонах Уральского хребта.

Обширные территории, например Тиманский хребет (частично) Яней, склоны Уральского хребта и др.—заброшены. Кочевой цикл оленьих стад идет следующим образом: по выходе из зимней стоянки, раннею весной по снегу, каждое стадо стремится передвинуться как можно дальше на север, дабы после отела передвижение по голой земле осталось как можно меньше, а иначе до наступления летней жары можно не попасть на место летовки. И это передвижение не север в некоторых районах носит прямо таки характер бегства. Во время таких стремительных передвижений, олень как отдельная физиологическая особь, нуждающаяся в соответствующем корме и отдыхе, забывается и выдвигается главная цель--попасть со стадом в безопасные места летовки во время.

Остановимся на краткой характеристике кочевок и летних пастьбищ Большеземельской тундры, где сосредоточено свыше—400.000 оленей.

Вангурей это—небольшая возвышенностьв близи моря и там обычно сосредотачивается до 50.000 оленей, а летом в 1929 г. скопилось 45 чумов в 33 стоянках (чумовищах). И вот на таком то клочке, в течение 1-1½ месяцев, пасется (вернее толчется) до 50.000 оленей. Травы недостаточно, ягеля совсем нет (за исключением северной части, где пасутся самоедские стада), а летом для оленя трава хотя является основным кормом, но ягель частично тоже необходим (по американским данным нужно до 15%). Результат понятный: олень весьма слабо поправляется в теле. Вангурей привлекает оленеводов лишь потому, что за последние 15 лет там не было падежа от сибирской язвы.

Пай Хой. Сосредоточивается около 300.000 оленей. Сибирской язвы там не бывает. Климатические и пастьбищные условия сравнительно хорошие. Летняя стоянка там длится недели 3-4. Но несмотря на благоприятные условия летовки, путь кочевки на Пай-Хой весьма длинен. Для того чтобы попасть на Пай-Хой, нужно сделать от зимней стоянки до 70 и свыше ямданок (передвижений с остановками на отдых) и оленеводы весной и в начале лета прямо таки бегут туда, чтобы жара не застала в низинах. После традиционного („Ильина дня")—2 августа, начинается хотя и не столь стремительное, но все же быстрое обратное передвижение к местам убоя, дабы поспеть туда до развития личинок кажного овода (свищи). В результате таких быстрых и больших передвижений нередко убойный вес теленка осенью падает до 12 килограммов (например в 1928 г.) вместо обычных в среднем 32 клг. Следовательно, кочевка на Пай-Хой совсем не содействует развитию оленеводства, а в особенности при осенних гололедицах в тундре, прямо таки содействует к вырождению оленей.

Яней. Начинается в километрах 20-30 восточнее р. Черной. Обширная возвышенность и обилие травы и ягеля обуславливают хорошие пастбищные условия. Путь кочевки туда сравнительно короткий. До 1907 г. там выпасалось свыше 200.000 оленей, но крупный падеж 1907 г., и падежи 1915 г., 1923 г., 1924 г., 1925 г. заставили уцелевшие стада перебраться в другие районы. Яней сейчас совершенно заброшен; лишь небольшие промысловые стада ютятся у самого побережья моря, но и там не находят спасения (падеж 1928 г.).

Склоны Уральского хребета. От Сабли, против Аранца, до Северной оконечности — обширные пастбищные площади, с огромным количеством травы и ягеля. Уральские пастьбища тем ценны, что при небольших передвижения можно тут и весновать, и летовать, и осеневать, и далее зимовать во многих районах. Но Уральские пастьбища весьма неблагополучны в смысле эпизоотий сибирской язвы, и за последнее время выпасается там лишь незначительное количество стад.

Малоземельская тундра. Условия содержания оленей весьма благоприятные. Сравнительно хорошие пастьбища, короткий путь кочевок. Включая Тиманский хребет—выпасаются около 50.000—60.000 оленей. Все пастбищные места—падежные и лишь предохранительные прививки удерживают стада. До падежа 1893 г. в Малоземельской тундре выпасалось около 120.000 оленей.

Кроме вышеуказанных имеется еще масса других весьма обширных летних пастьбищ в тундре и притундровой полосе (по р. р. Лае, Колве, Урол-ю и пр.) когда то дававшие приют многочисленным стадам, но заброшенные из-за сибирской язвы.

Вот в кратких чертах современное использование пастьбищ в наших тундрах. Крупные летние падежи и постоянная ежегодная угроза эпизоотии сибирской язвы, в корне изменили оленеводческое хозяйство и завели наше оленеводство в тупик.

Но одними пастбищными условиями, сведенными в связи с сибирской язвой к минимуму, отрицательные стороны нашего оленеводства не ограничиваются: наблюдается еще целый ряд явлений под общим термином—„травежи". С целью выяснения размера травежей собраны мною в 1929 г. анкетные сведения среди 15 хозяйств Вангурейской группы.

Из общего количества оленей в 13350 голов, имевшихся к 1 августа 1929 г. в 15 стадах, всего травежа оказалось 2322 голов, что составит 17,4%. В частности загрызено волками 571, отстало и пало от истощения —513, убито, отстало и пало от копытки 547, пало от разных заболеваний 453, утеряно 181, пало от сибирской язвы в 1928 г. 57.

По данным Л. Мелетьева *) за 9 лет средний процент убыли, для Ижемской волости с 1900 по 1908 г. достигал 9,2%, а для Ижемского Самоедского ведомства с 1901 по 1907 г. средний процент—8,4, в среднем же можно допустить ежегодной травеж около 10%, который увеличивается в особо неблагоприятные годы до 15% и выше, вследствие гололедицы в тундре, чем и об'ясняется—высокий процент травежа в 1928 г. к которому относятся собранные мною сведения.

Необходимо подробнее остановиться на травеже от волков. Загрызено волками за год около 4%, в отдельных стадах от 2 до 8%. Главный вред от волков не в том, что приходится терять 4%—к этому оленеводы отно-

---

Известия Арх. О-ва Изучения Рус. Севера 1909 г. кн. 8.

сятся довольно хладнокровно ибо мясо и куски кожи все же используются, но волки беспокоят стадо и не дают откармливаться оленям. Появление волков, обычно кочующих за стадом, создает в районе расположения стад настоящую панику среди оленеводов не потому, что изгрызут несколько десятков оленей, а потому, что волки могут ночью рассеять все стадо. Боясь разгона стада волками, сами владельцы вынуждены всю ночь с собаками крутить стадо на одном месте или бежать в другие места. Лично я был очевидцем такого случая: в 1925 г. в ноябре месяце на правом берегу р. Печоры, верст за 20-30 на восток от Щелья-бóжа, было сосредоточено около 50.000 оленей. Пастьбища хорошие, было спокойно и оленеводы намеривались прожить там несколько недель. Но появились волки, загрызли в нескольких стадах свыше 10 оленей, в одном стаде откололи и рассеяли оленей 200 и все стада неожиданно и быстро стали бежать на левый берег р. Печоры и двигаться к зимним стоянкам в леса. Если пустуют летом огромные территории тундр из-за сибирской язвы, то есть и не мало хороших пастьбищ, пустующих осенью и зимой из-за волков.

Весьма характерен также и „травеж" молодняка.

Из боязни не попасть на летние незараженные сибирской язвой стоянки до наступления летней жары, стараются ранней весной продвинуться как можно дальше на Север. Но здесь встречается другая угроза. Чем севернее район, тем, понятно, он холоднее и стадо, попавшее до отела далеко на север, берет отел не редко при вьюгах и морозах и в результате неокрепшие телята гибнут непосредственно от холода, а также развивается „легочная болезнь". Нередки случаи поголовной гибили телят в некоторых стадах, а гибель 5-10 и больше %—заурядное явление. Например, в текущем году несколько стад, в том числе и стадо, с которым я кочевал, были застигнуты вьюгой 26 и 27 мая на возвышенности Саляндея и в результате в стаде нашего ездового нашли замершим около 30 телят и в дальнейшем было снято пыжиков (шкур телят) около 150, большая часть из них была легочно больных. Общее количество приплода в данном стаде было не больше 900 телят. „Легочная болезнь" принимает хроническое течение, чем создается благоприятная обстановка для расвития др. заболеваний. Такие случаи, в особенности у стад, кочующих на Пай-Хое, нередкое явление, что, конечно, не может остаться без влияния на общее развитие оленеводства.

Получается какой-то заколдованный круг: от более южных зараженных мест бегут стадом на север и приводят к гибели телят от мороза. К обрисовке такого положения нашего оленеводства, вертящегося между Сциллой и Харибдой, нужно еще упомянуть о личинках кожного и носового овода и о копытке.

Развитие весной личинок кожного и носового овода, в свою очередь ухудшает расшатанный общим весенним истощением организм оленя. Нередки случаи, подтвержденные вскрытием, непосредственной смерти оленей от личинок носового овода, т. к. большое скопление их в носо-глоточной полости мешает проглатыванию пищи и дыханию. Личинки кожного овода прямо таки обезображивают иного оленя: сплошная масса гнойничков на коже и это, конечно, не может остаться без влияния на общее состояние организма.

„Копытка"—(флегманозно гнойное воспаление нижних фалангов конечностей) наносит нашему оленеводству также громадный ущерб.

При условии постоянного передвижения в конце лета и осенью, „копыточные" частью теряются, изредка падают; главным же образом большинство, из

за сохранения шкуры, заблаговременно убивается, а мясо просто выбрасывается в тундре.

Вот в общих чертах та сумма причин, тормозящих развитию оленеводства, потому не приходится удивляться тому факту, что наше оленеводство в течение посленнего столетия продолжает стоять на одном уровне.

Обратимся сейчас к вопросу, какие имеются в нашем распоряжении пути и средства для улучшения постановки оленеводческого хозяйства.

Созданием Вет. бак. Института в Ижме данный вопрос сейчас считается теоретически разрешенным. Для борьбы с сибирской язвой в тундрах единственным средством являются противосибиреязвенные предохранительные и вынужденные прививки. Если прививки были разработаны по отношению к домашним животным и этим путем удалось изжить эпизоотии сибирской язвы на них, то по отношению к северным оленям вопрос оставался открытым, несмотря на десятки экспедиций в тундры. И лишь путем предварительного изучения физиологии оленя и производства и всесторонних массовых опытов, удалось разработать способ и методику противосибиреязвенных прививок оленей. Разработанный способ прививки проверялся в 1928 и 1929 г. на десятках тысячах оленей и оказался вполне пригодным и дающим минимальный процент отхода при прививках (около 0,14%). Также были поставлены многочисленные опыты для выяснения действительности прививок (иммунитета), при чем выяснилось, что привитые олени по истечении 5—7—9 и 12 месяцев выдерживают тысячекратные смертельные дозы сильной заразы сибирской язвы. Непосредственное наблюдение над привитыми стадами в тундре тоже дает определенные данные в отношении действительности прививок, например, привитые стада, по истечении года после прививок, безнаказанно пасутся на падежных местах; но когда к тем же падежным местам подходят оленеводы с непривитыми стадами, то у них через день-другой начинается падеж оленей. Эти факты настолько убедили оленеводов Малоземельской тундры о пользу прививок, что они на перебой стремятся прививать свои стада и в покойно остаются летовать на падежных местах. Попутно разрешен вопрос и массовой прививки всего поголовья оленей, летующих на падежных местах. Дело в том, что силами одних эпизоотических отрядов не захватить все закоулки обширных тундр и сотни тысяч оленей; для этого нужно было бы создать большое количество отрядов, что и невыгодно и невозможно. К делу прививки были привлечены сами кочевники-оленеводы; на организованных для них курсах при Институте и в командировках их при эпизоотических отрядах вырабатывались из них хорошие технические работники не только для одних прививок, но и для проведения целого ряда других ветеринарно-санитарных мероприятий в тундре. Такие временные санитары производили прививки тысячам голов и результат получился блестящий,—не набюдалось лишнего отхода от их прививки.

Проблема борьбы с сибирской язвой в тундре, с охватом всех оленей противоязвенными прививками, будет считаться разрешенной и теоретически и практически, крупные летние падежи оленей должны отойти в область предания. В свяи с этим разрешается и основная проблема рационального использования тундры, как пастьбища в целом. С расширением пастбищных площадей изживаются и другие отрицательные условия в оленеводстве—не будет надобности бежать со стадом на север до отела, не нужно будет обратно форсированно гнать стадо к местам убоя. Стадо бу-

дет нормально откармливаться и общее физическое развитие оленя будет улучшаться и улучшаться.

Борьба с волками, — этим видимым, а не микроскопическим врагом оленеводства, — не так будет трудна; нужна лишь некоторая организованность, и они, в наш век радио и авиации, быстро спасуют перед человеком.

Весьма затруднительной и недающей пока реальных результатов является борьба с кожным оводом. Наблюдение показывает, что стада, летовавшие в лесах, не имеют личинок кожного овода. Исходя из этого, можно наметить такой способ борьбы с ними: те места выпаса, где весной и в начале лета было выпадение личинок из кожи, не должны посещаться стадами в том же году в течение лета, приблизительно до начала сентября, дабы не дать возможности класть яйца половозрелым оводам. В безлесистых местах возможен разнос оводов по ветру на небольшие расстояния, но обычно при северых и северо-западных ветрах, кожный овод мало или почти не летает. Учитывая районы выпадения личинок, можно наметить нужный путь передвижения стада. Конечно, эти соображения не могут быть решающими в деле борьбы с кожным оводом, но все же их надо иметь в виду.

Для того, чтобы устранить в нашем оленеводстве все тормозящие его развитие факторы, нужна коренная реорганизация всего оленеводческого хозяйства. Надо признаться, что мы в этом деле отстали во всех отношениях. Необходимо в кратчайший срок форсировать все требующиеся мероприятия. Пример развития оленеводства американцами на Аляске дает нам ясное представление, чего мы можем достигнуть и в какой срок; имея в наличности сотни тысяч оленей и не начиная разведение оленей, как в Аляске, мы можем поставить оленеводство на крупную промышленную ногу в тех ныне заброшенных, но в самых лучших в смысле выпаса и кочевки районах Янея, Уральского хребта, р. Лаи и пр.

По нашему мнению, развитие оленеводства сейчас должно итти в следующих направлениях: первое—принять серьезные и решительные меры по созданию стад обобществленного сектора (совхозы, колхозы, стад комитетов взаимопомощи и кооперации), и второе — пока нет достижений в первом,—увеличить выход товарности в частновладельческих стадах. Для этого нужно проводить в широком масштабе противосибиреязвенные прививки стад, летующих на падежных местах; необходима также разгрузка таких летовочных мест, как Вангурей, и отвлечение мало и средне-мощных стад от изнурительных кочевок на Пай-Хой.

Необходимость подобной разгрузки и отвлечения стад, назрела даже в сознании самих оленеводов, по настоянию которых Институтом были посланы в текущем году с регносцировочной целью эпизоотические отряды на Яней и склоны Уральского хребта. Наличие отрядов в этих падежных местах, безусловно, привлечет туда стада и оленеводы Вангурея уже не прочь ехать на Яней, при наличии там отряда и прививки всего стада.

Но проведение мер полной рационализации в частновладельческих стадах не представляется возможным, в виду отсталости, консервитизма и косности оленеводов. Лишь созданием обобществленных стад и постепенным направлением всего оленеводства по данному руслу, мы сможем поставить оленеводство на должную высоту количественно и качественно, а отсюда возможно и увеличение самой продукции оленеводства, быть может, в десятки раз большее в сравнении с тем, что мы имеем.

Кроме ветеринарно-санитарных и зоотехнических мероприятий в тундре, необходимо гео-ботаническое исследование тундры в целом, что выявит точные пастбищные возможности и кормовые ресурсы тундр и даст определенные данные, где и сколько можно содержать оленей.

ВЫВОДЫ:

1. Оленеводство Печорского Края имеет не только чисто метное, но и общесоюзное значение своей валютной ценностью.

2. Наше оленеводство в течение последних ста лет стоит на одном количественном уровне и качественно идет на вырождение.

3. Один и тот же количественный уровень оленей, около полмиллиона за последнее столетие, об'ясняется не истощением кормовых ресурсов тундры, а является показателем ненормальной постановки всего оленеводческого хозяйства.

4. Пример разведения оленей на Аляске указывает на способность оленей количественно быстро увеличиваться (за 25 лет в 120 раз).

5. Периодические вспышки эпизоотий сибирской язвы и ежегодная угроза таковой на зараженных участкахззвели на выпас оленей на весьма небольшие незараженные районы тундр, следствием чего период летовки, длящийся от 3-х недель до 2-х месяцев, определяет весь годовой цикл кочевки стад; огромные площади наших тундр с хорошими кормовыми ресурсами остаются заброшенными и не используются; стада летуют на плохих пастьбищах; стада забираются ранней весной как можно дальше на север, в ущерб питания для оленей и для приплода; стада проделывают весьма длинные изнурительные пути кочевки и проч.

6. При условии питания северных оленей круглый год подножным кормом, питание летом и осенью являются основными моментами, но большая часть наших оленей в эти периоды питаются надостаточно и это, при наличии других факторов, является одним из предрасполагающих условий к вырождению оленя.

7. Волки наносят огромный ущерб оленеводству количественно и мешают осенью нормальному откорму оленей. Из-за волков осенью и зимой не используется масса удобных пастьбищ.

8. Произведенные Печорским Ветбакинститутом массовые опыты и изыскания установили способ и методику для борьбы с сибирской язвой в тундрах и данный вопрос считается разрешенным. Так же разработан путь для проведения в широком мсштабе противосибиреязвенных мероприятий в тундре.

9. В связи с разрешением вопросов борьбы с сибирской язвой в тундрах, можно приступить и к рациональному использованию всей тундры, как кормовой площади.

10. Для того, чтобы выявить точно пастбищные возможности и кормовые ресурсы, необходимо гео-ботаническое исследование тундры в целом.

11. Чтобы добиться, в кратчайший срок, быстрого количественного развития и качественного улучшения оленя и увеличения товарной продукции оленеводства, необходимо срочно и энергично приняться за создание в тундре стад обобществленного сектора (совхозы, колхозы и проч.); это только даст возможность реорганизовать оленеводство, также рационально и во всей полноте использовать наши обширные тундры.

Д. Чевлев

Охота в Ижмо-Печорском районе Автономной области Коми

I.

Промысловики-охотники и значение охотничьяго промысла в бюджете хозяйства промышленника.

Охотничий промысел в Ижмо-Печорском районе имеет большое знчение, не только как один из видов заработка для части местнаго населени но и как промысел, дающий ежегодно Республике на несколько сот тыс рублей ценной экспортной пушнины. Охотников в Ижмо-Печерском раион более двух с половиной тысяч.

Из этого количества около 40% надо отнести к Уссинскому и тун ровому району, около 20% — к району верхне-Печорскому (от Оранца д Усть-Уссы), около 15% — к раиону по реке Ижме, и остальное количество- к средне-Печорскому району (от Усть-Уссы до Усть-Ижмы).

В бюджете охотника-промысловика охота имеет значение в предела от 35—95%. Остальной его бюджет складывается из доходов от рыболо ства, сельскаго хозяйства, лесозаготовок, извоза и других работ.

В суммовом исчислении валовой доход на хозяйство от промысл зверей и птиц колеблется от 150 рублей до 700 руб. в год. Такое огромн колебание в доходе от промыслов зависит от целого ряда причин. Главным причинами служат; а) „урожай" на зверя б) район гдет происходит пр мысел в) количество промышленников в одной семье.

Основным промысловым зверем лесной полосы является белка. При ур жае белки на одно ружье добывается в течение осенняго и зимнего сезона 150—600 штук (в зависимости от породы леса который имеется в районе где промышляет охотник, от опыта и уменья промышленника, от качес его собаки и от погоды). Лучшими районами по белке считаются верхн Печорский (до предогорий Урала) Верхне-Ижемский (по р. Ижме и ея пр токам и раион в вершинах р. Кожвы с притоками и реки Тобыша.

При средней цене на белку (разных сортов), за последние годы окол 80 коп., один охотник получает от промысла от 90—400—500 руб. валово дохода. К этому надо добавить рублей от 60 — 200, которые получает пр мышленник от добычи других зверей (горностаев, зайцев. красных лиси и пр.) и лесной птицы. Таким образом средний доход от охоты в лесн полосе выражается в сумме от 150 до 700 рубл. на человека при хороше урожае на белку и птицу. (В неурожайные годы на белку доход охотни значительно понижается).

Промысел на более ценных лесных зверей — выдр, куниц, россома дорогих сортов лисиц, кидусов—массового значения не имеет, так как д бываются они в очень ограниченном количестве сравнительно со все массой промышленников.

Значительно отличается, от дохода промысловика лесной полосы, доход промысловика тундровых зверей. Основной тундровой зверь, это — песец. Заниматься промыслом песца могут только или оседлые жители, живущие в вершинах реки Уссы и по ея правобережных притокам, или кочевники (и полукочевники), имеющие оленей для передвижения по тундре. Когда „неурожай" на песца, т. е, когда масса его перекочевывает из Большеземельской тундры в другие тундровые районы, охотничий промысел притундровой и тундровой полосы является очень незначительным в бюджете тундрового промышленника, ограничиваясь несколькими десятками рублей от добычи случайнаго оставшагося зверя (песца), или они добычи волка, горностаев, лисиц, заицев. В нижнем районе по течению р. Уссы и ея притокам доход оседлаго промысловаго населения дополняется добычей белой куропатки рублей на 100—200, а в некоторых случаях и больше на хозяйство.

Но как только „приходит" песец, как только наступают на него „урожайные" годы (иногда год, два, три), резко изменяется картина бюджета тундрового промысловика.

Вместо нескольких десятков рублей доход его от охоты на зверя в среднем достигает на человека 300—400—500 рублей, а у хорошаго промышленника, имеющаго оленей (для загонов песцов) и много капканов, поднимается до 1000—2000—3000 рублей; отдельным-же семействам дает баснословные, цифры валового дохода в 5000—6000—7000 рублей в год.

В такие годы „песец" является основным видом пушнины (в сумме ея стоимости) вывозимой из Ижмо-Печерского района.

Так как в системе и в сезонах промысла тундрового и лесного есть большая разница то различны и статьи расходов этих двух групп промышленников.

В то время как для лесного охотника приходится уходить из дома на 30—40—70 верст а иногда и дальше и жить в лесных избушках—(вӧр-керках), тундровой охотник уходит из дома рано утром и возвращается вечером на лыжах или на оленях, об'езжая места, где у него поставлены на зверей капканы.

В то время как лесной охотник живет во время промысла, так сказать, на два дома—совершенно отдельно от семьи, тундровой охотник ест вместе с семьей.

В то время как лесной промышленник тратит на промысел время с середины августа до конца декабря и с середины января до середины марта и промышляет главным образом зверя (белку) ружьем, тундровой промышленник добывает песца по неглубокому снегу, устраивая облавы (загоны на оленях) или в течение всей зимы до конца марта ставя капканы.

И в расходе на продовольствие есть большая разница: лесной охотник основу своего питания имеет в хлебе и мясе дичи (некоторые едят мясо белки), тундровой охотник из той части населения, который живет оседло в вершинах тундровых рек, питается также как и остальное население в крестьянском хозяйстве, охотник-же кочевник, живущий в чуму, главной основой питания имеет оленье мясо.

В общем же несмотря на вышеуказанные разницы расходный бюджет по производству промысла в среднем у охотника тундрового надо считать не меньшим чем охотника лесной полосы.

Таким образом чистый доход от охотничьяго промысла на одного человека в Ижмо-Печерском районе колеблется от 80 до 600 рублей для

охотника лесного района и от 200 до 6500 рублей на семейство охотника тундровой полосы.

II.

Промысловые звери и птицы. Время и способы охоты на них.

Промысловыми зверями в Ижмо-Печорском районе считаются: Белка, бурундук, волк, выдра, водяная крыса, горностай, заяц, куница, лисица (красная, сиводушка, крестовка, огневка, чернобурая) норка медведь, песец (белый и голубой) россомаха. Как редкость в верхне-Печорском районе встречаетсе рысь, в лесах предгорий Урала водится соболь (запрещенный для промысла) и большие стада диких оленей. Лось встречается в лесном районе в разных местах—промысел на него запрещен и если промышленники убивают лосей, то держат это в секрете.

Промысловыми птицами являются: глухарь (чукчи) глухарка (дозмӧр) косач (gӧd-тар) марьюха (кӧн-тар) рябчик, белая куропатка, гуси, утки разных пород.

В прежние годы, когда был спрос на так называемый „птичий мусор"— шкурки разных птиц, то охотники старались добывать ястребов разных пород, сов, филинов и других хищников, теперь же, при отсутствии на рынке спроса на „мусор", этих птиц добывают случайно.

Промысел на зверей—белку, горностая, куницу, лисицу, песца—начинается осенью, нередко даже после разрешенных законом сроков, когда зверь имеет полный мех и оканчивается весной когда зверь начинает линять. Выдру, норку—шерсть которых мало изменяется, несмотря на установленные законом сроки, добывают почти круглый год. Медведя, россомах, волка тоже добывают круглый год. На водяную крысу и бурундука (орду) вследствие дешевизны их шкурок специально не охотятся а бьют случайно или при другом охотничьем промысле или при рыбной ловле.

На лесную птицу начинают охотиться с августа до начала охоты на белку; на белую куропатку охотятся после того как она вылетит из тундры на берега р. Уссы и Печоры т. е. обыкновенно с начала . середины января до конца февраля—начала марта. На водяную птицу охотятся мало—главно весной во время ея прилета, в трундре-же охотятся на лесных гусей (в период линяния) летом в начале июля.

Промысел зверей.

На белку охотятся только с ружьем. С осени, и до того времени когда снег мелкий и собака может легко ходить, охотятся с собакой.

Охотятся также с собакой ранней весной, когда снег твердеет и „держит" собаку, так что она идет легко и не проваливается. В периоды, когда можно охотиться с собакой, удача промысла главным почти образом зависит от качеств лайки. Хороший промышленник с плохой собакой, особенно по черной тропе придет пустой, в то время как плохой промышленник с хорошей лайкой будет с добычей.

Осенью, или при насте белку добывает не охотник, а собака. Вот почему хорошую промысловую лайку охотник ценит „дороже коровы", а иногда не продаст ни за какие деньги, особенно если она хорошо идет по всякому зверю и не выдаст своего хозяина даже и в опасную минуту, если случится какая нибудь „неприятность" вроде осечки ружья при охоте на

медведя. Зимой, по снегу, дело другое, промысел белки зависит от опытности охотника. Собаке тогда „хода" нет. Охотник сам должен по следам по гнездам или другим признакам (остатки от еды, осыпающийся снег с деревьев) находить белку. Иногда белка достается легко; найденая и облаиваемая собакой она спокойно сидишь на дереве и стреляещь ее на близком растоянии, но иногда добыть ее представляет большой труд.

Случается что белка так спрячется в вершине густой елки, что не показывается даже ни после обстукивания дерева топором, ни после выстрела, который на удачу пустит охотник в густую вершину дерева, тогда остается—или махнув рукой и отозвав собаку, итти искать другую белку, или—рубить дерево. И валит обыкновенно прмышленник 5 –6 вершковую елку, чтобы выжить с ея вершины притаившагося зверя. Случается, что белка от собаки быстро идет „верхом", перескакивая с дерева на дерево и останавливаясь тогда, когда между деревьями получается расстояние, слишком большое для ея прыжка. Охотник бежит, выбирая удобный для выстрела момент, бежит, все время стараясь видеть где зверь. И особенно трудно бывает бежать за ней тогда, когда она идет по лесу, растущему по сырому кочковатому болоту. Такую белку добываешь в мокрой от пота рубашке.

Волк держится только в тундре и в предгорьях Урала т. е. в тех районах, где кочуют оленеводы. Как исключение одиночные волки за оленями приходят из тундры в лесной район и попадаются зимой на левом берегу Печоры. Охота на волков в тундре случайна. Если попадется удобный момеит, его стреляют из ружья или догоняют на лыжах по глубокому снегу или ловят капканом на приваде. Но в общем количество добываемых ежегодно волков ничтожно (всего два три десятка) сравнительно с массой этого зверя, бродящаго целыми стаями иногда по нескольку десятков штук в тундрах и наносящаго огромный убыток оленеводческому хозяйству. Несмотря на то, что ежегодно волки губят в оленьих стадах (по самым неполным данным) несколько тысяч голов оленей, несмотря на то, что нападая стаями, они иногда, „разбушевав" ночью целое стадо оленей, режут десятки лучших быков, телят и важенок у отдельных оленеводов, на истребление волков в тундре не обращается никакого внимания. Добыча волков капканом или ружьем является делом случая. Зверь черезчур хитр чтобы итти в капкан, тундра открыта он далеко видит опасность и не подпустит на ружейный выстрел. Употреблять отраву запрещено. И тундра и предгорья Урала являются как бы заповедником, где размножаются эти вреднейшие звери.

Выдр добывают почти исключительно капканами. Единичные экземпляры добывают ружьем. Высокая цена на выдровые шкуры вызвала со стороны промышленников большой спрос на выдровые капканы. Спрос этот до сих пор не умеют удовлетворить торговые организации. Продаваемые охотникам выдровые капканы не годны несмотря на высокие цены,—то высоки зажимающие зверя душки, но хороши пружины, то хорошо сделаны душки но не годны пружины и охотники по необходимости, у местных кузнецов или домашними средствами, переделывают купленные капканы, придавая им нужныя формы.

Капканы ставят только на земле, обыкновенно на „тропе", которую протаптывает выдра, переходя через мыски, образуемые крупными извилинами лесных речек. Капканы в воде, которые судя по описаниям, в большом ходу в американском капканьем промысле, наш промышленник даже

незнает. Бывает иногда случайная добыча выдры собакой при встрече в лесу или бывает, что попадает выдра в гымгу, поставленную для ловли рыбы, где зверь задыхается, не имея возможности выйти.

Горностая промышляют осенью и по мелкому снегу с ружьем и собакой, когда собака находит его в норе, выжив откуда (с помощью охотника), загоняет зверя на дерево или просто давит в том случае, если охотник ставит кругом выходов из норы тонкую сетку из суровой нитки, куда запутывается зверь. Зимой по снегу также и осенью добывают горностаев в пасти (деревянные кулемки), куда при насторожнвании кладут приманки—кусок птицы или рыбы. Добывают горностая также в пасти—без приманки „проходные", которые ставят около сложенного сена и в которые попадает горностай во время ловли в сене мышей.

Зайцев добывают или случайно ружьем, или ставят на них железные капканы и проволочные или веревочные петли на тропах, которые заицы прокладывают по снегу. Вообще встречаться с заицами во время промысла за другими зверями охотник не любит, так как заяц портит собаку, нередко водя ее за собой не мало времени.

Куниц добывают также как и белок с ружьем и собакой или по следу. Иногда, если куница уйдет под валежник или камни, ее окидывают сеткой, выживают из прикрытия, выйдя откуда, и запутавшись в сетке, она делается добычей собаки. Т. е. промышляют так же как и соболя.

Лисиц, или при случайной встрече стреляют из ружья или ставят на них железные капканы. Некоторые промышленники, найдя лисью нору весной, выкапывают щенят и выкармливают их дома, держа на чердаке или в специальном амбарчике до осени. Когда шкура становится достаточно пушистой, то зверя убивают.

Весьма интересным из жизни лисиц является наблюдение охотников. Они замечают, что если есть лиса в том районе где производится промысел дичи пастями и если в том же районе есть и россомаха, то обыкновенно после первого снега, когда медведь ложится в берлогу, начинает дурачить россомаха. Она обходит пасти вытаскивает птиц уносит их и прячет, обходя часто огромный район, и портя десятки пастей, а за россомахой следом идет лиса и пользуется припрятанными россомахой запасами. Заметив посещения таких „гостей" у себя на путике, промышленник ставит на лису капкан, а для россомахи делает большую „пасть" немного легче чем на медведя.

Норок добывают ружьем или капканами; иногда также, как выдры они попадают в гымги, охотясь за рыбой.

Россомах — при случайных встречах бьют из ружья, больше ловят пастями которые устраивают среди пастей для ловли птиц. В настороженную пасть кладут приваду—глухаря, тетеру или другую птицу и зверь делая тщательный осмотр всех пастей, разыскивая попавших птиц, не пропуская ни одной пасти, при своем обходе делается добычей охотника, попав в приготовленную для него ловушку.

На Медведей охотятся или на берлогах зимой, или карауля около задранной медведем коровы, лошади, или ставят на него настороженые ружья, специальные капканы, петли, и пасти „на путиках", когда медведь осенью до снега обходит пасти, в которые ловят птиц. Россомаха и медведь являются врагами охотника в период промысла дичи. Если на путик с осени (до снега) повадится ходить медведь, а после выпада снега россомаха, то знает охотник, что он наверняка не досчитает в своем про-

мысле несколько десятков, а то и сотню другую птиц и каждый раз после обхода гостя будет вынужден чинить пасти или ставить новые силья. При этом другой медведь много хитрее человека—он обходит капкан, не попадает в петли, не встречается на путике охотнику, обходя путик или ночью или в другое время, чем обходит промышленник и мучает охотника своими посещениями до выпада снега, делая только перерыв дней на десять,-когда медведи куда-то уходят во время течки праздновать свои „свадьбы", которые бывают у них около 25 сентября. Кроме вреда охотнику во время промысла дичи медведи в нашем районе из года в год приносят не мало вреда крестьянским хозяйствам летом, давя скот часто вблизи деревень. В таких случаях собираются охотники всей деревни и если есть хорошие „медвежьи" собаки то охота кончается удачно; без собак же зверя или не находят, или иногда охота кончается трагически—медведя найдут, в конце концов убьют, но ему удается „поломать" одного, а бывает и больше, из своих преследователей.

Промыслом медведя охотники интересуются мало, главным образом вследствие известного риска, связанного с охотой на него при отсутствии хорошего оружия—и вследствие дешевизны его шкуры, которая расценивается всего в 10 рублей. Премий за убой медведя не выдается, спрос на медвежье мясо слабый.

Песцов промышляют почти исключительно капканами и загонами, очень редко при случайной встрече добывают из ружья. Оленеводы-зыряне, самоеды и оседлые жители притундровой полосы добывают также песцов щенят весной из нор, держат их „кормежками", а осенью бьют, когда зверь „дойдет до полной шерсти", (обыкновенно в конце ноября или в декабре месяце).

Из щенят взятых на выкорм выживает не большой процент. Шкурки „кормежек" вследствии постоянного держания на цепи и неправильного кормления значительно хуже шкур „гульного песца". Этот вид промысла выкапывание из нор—должен быть категорически запрещен. Так как, кроме того, что шкурки таких „кормежек" обезценены, на Ижемском рынке, не смотря на запрещение всегда можно найти „крестоватиков" (запрещенных законом), как шкурки якобы сдохших кормежек. На это явление смотрели сквозь пальцы—крестоватики бывали и в кооперативах и у оленеводов, а покупателями являлись большею частью служащие разных учреждений. Изжить этот вредный вид промысла можно не путем только административных распоряжений „не ловить щенят—песца", а путем также и категорического запрещения торговым организациям покупать шкурки кормежек (всякого возраста) под угрозой штрафа как на покупателя так и на продавца. Выкормка песцов и продажа шкур кормежек может быть разрешена только государственным питомникам или коллективам охотников, которые займутся правильным звероводством.

Точно также должна быть изжита охота на песцов путем устройства загонов. В устройстве загонов участвуют обыкновенно те, кто имеет оленей (нередко богачи оленеводы самоеды и ижемцы). Добыча делится по паям. Пай обыкновенно дается на каждого участника загона, выехавшего с запряжкой оленей. В „урожайный" год на песца и в благоприятном для устройства загонов состоянии снега, в один загон убивают по нескольку десятков, а иногда и сотню больше песцов. Известно например такие случаи, что устраивались загоны при участии до 50 запряжек оленей из разных чумов; в загон добывали по 300 (триста) штук песцов, а при дележе

некоторые чумы (выставившие много запряжек) получали в пай по 20—30—40 штук зверя.

Капканным промыслом на песца занимаются в течение всей зимы, Капканы ставят главным образом около тех мест, куда песцы приходят кормиться. (Отбросы после убоя оленей. места стоянки чумов, места рыбной ловли, иногда устраивают специально прикормки) или около выходов из нор. Хороший промышленник тундры может иметь плохое ружье или даже совсем не иметь ружья, но обязательно должен иметь большой запас песцовых капканов, которые являются его основным охотничьим инвентарем.

Промысел птиц.

Промысел дичи лесной ведется главным образом пастями разных форм и силками, ссучеными из конского волоса. Часть дичи добывается ружьем. Промысел тундровой белой куропатки в районе по р. Уссе и ея притокам производится исключительно силками. Промыслом лесной птицы занимаются с конца августа, начала сентября (в зависимости от осени) когда птица после заморозков поднимается из травы и сырых мест на высокие „боровые" места, продолжается промысел до „белкования"— т. е. того времени, когда белка делается с хорошим мехом и чистой мездрой. Тогда центр тяжести промысла охотник переносит на добычу зверя и добычей птицы занимается по стольку по скольку, позволяют те условия, при которых ведется промысел зверя.

„Угодья" промышленника обыкновенно расположены кругом его промысловой избушки. Вор-керка является как бы центром из которого радиусами расходятся „путики"—тропы вблизи которых поставлены пасти и силки. Хороший промышленник с товарищем „водит" нередко по нескольку сот сильев и пастей. По очереди обходят один путик за другим. В тех районах, где места много и промысловые избушки стоят не часто, каждый „путик" тянется иногда на 10—15 верст. Осенью, а иногда и весной (запрещенный промысел) охотники добывают птицу в сети. Этот промысел является заманчивым для промышленника, так как дает большое количество пойманных таров (косачей).

Сетями с крупной ячеей, сделанными из суровой нитки, окидываются места токовищ. И бывают случаи когда из собравшихся на ток тетеревей (а тетерева токуют на земле и осенью и весной) попадают в сети за день по нескольку десятков штук. (Осенью тетерева собираются на токовища не только на утренних зорях но и днем и вечером. При чем есть такие токовища куда собирается сотни полторы—две птицы).

Промысел белой куропатки происходит главным образом в районе по р. Уссе, (частично белая куропатка промышляется по всему Ижмо-Печерскому району). Промысел куропатки начинается в то время, когда массы ея вылетают из глубины тундры в край лесов т. е. в леса по правому берегу р. Уссы. В хороший „урожайный" на птицу год семейство промышленника (а промыслом куропатки занимаются и женщины и ребята с 12—13 лет) ловит на хозяйство по 2000—3000 пар. Из этого количества часть идет на продажу торговым организациям, часть засаливается и идет в пищу промышленнику с семьей на круглый год, часть идет в пищу для собак. На собаках притундровые промышленники возят домой промысел, для этого некоторые хозяйства держат по 2—3 собаки. Выход куропатки из тундры в зависимости от погоды и снега в глубине тундр—бывает

с начала середины января и до конца марта когда куропатка улетает обратно к северу.

Бывают годы, когда лесная птица и куропатка куда то улетают. Лесная птица в такие „неурожайные" годы с осени собирается в стаи и летит в каком нибудь определенном направлении—на восток, на запад или на юг. Некоторые промышленники доказывают, что бывают годы, когда лесная птица летит партиями на север, вылетает из лесной полосы, проходит тундру куда-то по направлению к полюсу и в такие годы (очень редкие) на берегу океана находят выброшенных волнами сдохших лесных птиц. Проверить лично этого факта мне не удавалось. Если вопрос о перелетах лесной птицы в направлении к северному полюсу остается неясным, то парелет белой куропатки из тундр в направлении к полюсу—это неопровержимый факт. В такие годы огромные массы куропатки не выходят в границу лесной полосы, а наоборот летят к берегу океана и дальше, держа направление на север. Много птицы очевидно от истощения, или от погоды гибнет в водах Северного океана. И у самоедов была даже старинная сказка в которой говорилось: „белая пена от прибоя океанских волн—это пух белых куропаток, погибших в бурю в волнах океана!".

III.

Охотничьи собаки.

Если в районе тундр собака имеет огромное значение в хозяйственной жизни оленевода, как „пастух", охраняющий и собирающий оленей, в жизни притундрового промышленника, как перевозочная сила, то в лесном промысле от собаки зависит, можно сказать, в трех четвертях результат промысла на зверя, особенно на белку, частью горностая, куницу, т. е. такого зверя, которого главным образом добывают ружьем.

Собак Ижмо-Печорского района принято в общей массе относить к породе "лаек". Но если поставить в ряд разных „лысок", „серок", „лапок", „белек" и прочих друзей и помощников промышленника, то увидишь необычайное разнообразие как по окраске и длине шерсти, так и по формам. Увидишь собак одномастных—с сероволчьей или белой окраской с гладкой шерстью, стройных, с острой мордой, стоячими ушами, круто завернутым хвостом, увидишь рядом пестрых, всевозможных мастей, очень высоких или низкорослых, иногда криволапых, с широкой тупой мордой, длинношерстых (с шерстью нависшей на глаза) лохматых (как оленегонные самоедские собаки), с хвостом серпообразным с небольшим выгибом, с висячими ушами. Типичная промысловая зырянская лайка (как ее рисуют на картинках или показывают на собачьих выставках) количественно встречается все реже, уступая место разному пероводу, который получается в результате свободной-уличной случки даже породистой самки-лайки с самыми разнопородными кырами (кобелями). И необходимо теперь же, пока еще есть возможность подобрать породистых производителей, устроить или государственный или коллективный питомник „чистопородной лайки",

Охотничьи способности лаек наследственно передавались и передаются всем разномастным „псам", но конечно по своим качествам промысловые собаки далеко неодинаковы. Если почти каждая собака лает птицу, то далеко не каждая будет хорошо искать и лаять зверя, очень немногие пойдут на медведя и будут его держать. В „поиске", в „лае" имеется боль-

шая разница. Хорошая собака идет с широким поиском. Охотник ее почти не видит. Изредка она сама выбегает посмотреть хозяина. При промысле птицы она бесцельно не будет гоняться за куропатками и лаять на рябчиков, которые все равно не выдерживают ее лая и перелетают. Она лает только „крупную" птицу. Когда идет промысел на зверя—зверь для нее основа, на птицу внимание почти не обращает. Зверя не пропустит. Если после хорошей собаки пройти по тем же местам в тот же день, то белки найдешь немного, она уже „собрана"—хорошая собака не пройдет мимо белки. Лает она „правильно", на то дерево, где белка или другой зверь, лает упорно, не отступая и в том случае если охотник долго не стреляет, не видя в густой вершине притаившегося зверя. Попавшего ей в зубы зверя или птицу не рвет, а только „закусывает". За зайцем не гонит. Вот те основные требования, которые предъявляет охотник к хорошей лайке. Дополнением ее основных качеств считается, если она ищет и хорошо берет выдру, встретив, или идя по следу за россомахой поднимет ее на дерево и держит до прихода охотника[1]), не боится медведя, идет на него и „держит" его. Собаки с этими „дополнительными" качествами, встречаются не часто, и известны не только охотникам своей волости, но и в окрестных деревнях иногда на сотни верст. Охотники их ценят. Купить такую собаку дешево нельзя, а иногда не купишь ни за какие деньги, а только по дружбе хозяин такой собаки дает от нее щенят, из которых некоторым передаются „по наследству" качества родителей.

Приучают молодую собаку в лесу обыкновенно с хорошей уже бывавшей год, два на промысле, но бывает нередко и так что молодая „хорошей крови" лайка одна сама идет сразу, не требуя никакого примера и в первый же сезон выявляет блестящие охотничьи способности. Иногда молодую собаку охотник учит „по следу". Найдя след, например, горностая, он доводит собаку до места где зверь ушел в землю, помогает собаке его выжить из норы. Когда собака его поймает или поднимет на дерево и лает, то охотник убив зверя, дает собаке его понюхать и куснуть, а потом награждает ее тяпушем (куском) хлеба или чем нибудь съедобным, что есть у промышленника с собой.

От дурных привычек на охоте лаек отучают иногда довольно болезненным способом. Так например, если собака во время промысла, подняв зайца, гонит за ним и не возвращается не смотря на крики и брань хозяина, то охотник старается зайца убить, и поймав собаку, бьет ее мертвым зайцем. Если это „учение" не помогает и собака не исправляется и в следующий раз опять уходит за зайцем, то ей с помощью иголки или шила продергивают сквозь оба уха толстую суровую нитку, концы нитки звязывают узлом и собаку пускают в место где много зайцев. Как только по привычке бросится гнать зайца она зацепляется за куст или ветки завязкой продернутой сквозь уши и, или останавливается от боли, или рвет ухо после чего обыкновенно отвыкает от дурной привычки.

Вернувшись домой по окончанию промыслов, лайка становится верным сторожем хозяйства охотника.

---

[1]) Случается, что россомахе, поднятой собакой на дерево, удается до прихода охотника избавиться от своей преследовательницы,—россомаха выпускает струю страшно зловонной жидкости, запаха которой собака не выдерживает и отступает от дерева где сидит зверь. Пользуясь чем россомахе удается скрыться.

Примечание автора.

В самый суровый мороз она спит на улице или где-нибудь под крыльцом дома.

Во время промысла каждый промышленник ежедневно кормит собаку— дает ей беличье мясо, кости после своего ужина, и варит суп из муки и потрохов птиц, но эти „праздничные дни" промысловаго времени кончаются для собак по возвращении в деревню домой. В большинстве случаев охотник в домашней жизни придерживается взгляда „что собака животное умное и живя в деревне должна сама себя пропитывать". Регулярное кормление прекращается и лайка питается когда придется и чем случится.

Цены на собак средние 10—15 рублей, иногда 20—25 руб. В исключительных случаях доходит до 40—50 руб. при чем тогда меняют собаку на какую-нибудь скотину—корову, нетель жеребенка или на какую-нибудь вещь, иногда с доплатой деньгами с той или другой стороны.

IV.

Охотничье снаряжение и одежда промышленника

Охотничье снаряжение промышленника — ружье с припасами топор, нож, капканы, лыжи и норты.

Ружья бывают самых разнообразных систем — от допотопной „кремневки" до заграничных и русских централок. Огромное большинство имеет одноствольные шомполки или малоколиберные централки системы „Крынки" или Бердана". При чем „Берданки" покупаемые, из за сравнительной с другими ружьями дешевизны, не пользуются симпатией охотников, потому-что в сильные морозы затворы часто действуют плохо и ружья дают осечки. „Крынки" пользующиеся большим спросом вследствие дешивизны (в довоенное время продавались по 8—12 руб.) простоты, прочности и без'отказности в действии затвора, почему то за последние годы совершенно не завозятся торговыми организациями. На ружья со стороны промышленников пред'является ежегодно большой спрос, но торговые организации удовлетворить его не умеют или не могут. Завозятся обыкновенно или ружья негодные промышленнику вследствие дороговизны (50—150 руб.) и больших калибров или дешевые (по 18—25 руб.), но очень низкого качества. Бывали факты что охотники, купившие завезенные интегралсоюзом шомполки по 22 рубля и ушедшие с ними в лес, предварительно хорошо не попробовав, не вернулись из-за ружей обратно домой только потому,—что в промысловых избушках были раньше оставлены старыя шомполки или кремневки. „Новокупки" висели на стенах так как при выстрелах ни одна дробина не попадала в цель. А один, упорно пристреливавший свое ружье, наконец выяснил что для того чтобы убить белку надо целить не в нее а на аршин в сторону—так он и охотился! Вообще надо сказать, что со стороны торговых организаций в подборе ружей, припасов, капканов наблюдается из года в год самая беззастенчивая небрежность.

Года два тому назад Уездное Товарищество Охотников (теперь интегрированное с Потребкооперацией) при посредстве Всекохотсоюза завезло партию одноствольных малокалиберных централок разных систем и недорогой цены (от 20—25 руб). Ружья оказались все хорошаго качества, внимательно подобранные Всекохотсоюзом. В течение короткаго срока вся партия около 50 штук была на расхват раскуплена охотниками. Очень удачны были ружья с затвором системы „Пибоди". Это был единственный случай когда со стороны охотников не слышалось жалоб на непригодность или плохое качество „новокупок".

Кроме ружья, снаряжение охотника—нож и топор, нож носят на поясном ремне (тасме) с правой стороны „чтобы всегда был под рукой". Ножи выковывают местные кузнецы, (из старых подпилков, обломков пил, кос и других кусков стали), прямые односторонние отточенные, длиной от 4—5 вершков, носят их в деревянных ножнах, обтянутых кожей.

Топоры для охотников нужны облегченные небольшого размера, но так как торг. организации таких топоров не завозят то по необходимости промышленники вынуждены пользоваться тяжелыми - плотничьими или дровакольными топорами. Охотник носит топор на спине, продевая топорище в петлю, нашитую на лузане на высоте плеч.

Большое значение в охотничьем снаряжении имеют капканы. Кроме десятков деревянных ловушек (пастей, кулемок, чирканов), которые устраиваются на месте промысла из деревянного материала, имеющагося под рукей, кроме разных силков, петель и т. п., каждый почти хороший охотник имеет железные капканы разных размеров и форм. Если лесные промышленники железных капканов имеют сравнительно не много 5—20 штук (главное на выдр и лисиц) то тундровой охотник весь почти свой промысел связывает с наличием у него капканов, которых имеет иногда 50 штук и больше.

Главное достоинство капкана—это крепость пружин, точная их пригонка и правильная форма самого капкана, который должен быть сделан применительно к тому зверю, какого хотят ловить. Для выдр, например, у которых ноги короткие и „скользкие", дуги, зажимающие должны быть низкие с очень малым изгибом или даже плоские—пружины особенно крепкие. На других зверей пружины могут быть послабее, дуги выше, полукруглой формы, капкан круглый, а не удлененный, как для выдры. На песца идет капкан с одной пружиной, на горностая легкий фабричный капканчик, На россомаху — тяжелый двухпружинный с зубом. Капканы или заводят торг-организации или делают по заказу местные кузницы (или у них есть материал для пружин). При этом надо отметить тот факт, что у торговых организапий с капканами из года в год случаются недоразумения, особенно с капканами на более крупного зверя — выдру, лисиц, песцов — то негодны пружины, то хороши пружины но негодна форма, то пружины плохо пригнаны и не зажимают плотно захватывающих дуг и т. д. И почти всегда промышленник, купив капкан (по сравнительно дорогой цене 5-6 руб. штука) несет его „переделывать" к местному кузнецу или сам исправляет его домашними средствами. И в то самое время, когда охотники всегда испытывают „ капканий голод", на складах торгрганизаций или в лавках лежит часто без движения иногда сотни непригодной дорогой завали.

Во время зимнего промысла охотники употребляют лыжи и норты. Лыжи работают или сами или покупают у местных кустарей мастеров-лыж. Лыжи делают обыкновенно из елового дерева, снизу подклейвают оленьим или телячьим „камасом" (шкура с нижней части ноги животного) шерстью наружу. На пару лыж уходит „4½ зверя" телячьих камасов т. е. шкурки с 16½ ног. За последние годы вследствие поднявшейся цены на оленьи камаса пара хороших лыж обходится около 10-12 рублей. В сырое время охотник надевает „лямпы" т. е. те же лыжи, только без подклейки снизу камасами. Лямпы почти всегда делает сам промышленник, в продаже оне стоят 1—1 руб. 50 коп. пара.

Для перевозки „груза" во время промысла в вӧр-керку или чум в лесу, для вывоза промысла из тех мест, куда нельзя проехать на лошади,

охотники употребляют „норты“—длинные узкие сани, имеющие между полозьями растояние в ширину хода лыж. На „нортах“—(обыкновенно вдвоем) везут до 5 пудов груза. Впереди идет охотник на лыжах, на лямке тащит „норты“, идущие полозами по лыжнице, сзади второй помогает, толкая норты, упираясь в них палкой. В промысле тундровом оседлые жители, употребляя „норты“ не редко запрягают в них по несколько штук собак.

Одежда охотника, в осенний сезон, составляет пиджак на вате, или бараньем меху или суконная „парка“—длинная суконная рубашка (вершка на 2 выше колен) без всяких пуговиц и застежек, надеваемая через голову. Парка имеет капюшон, который в плохую погоду поднимают на голову. Шапка со спускающимися ушами или суконная на ватной подкладке или ношеная старая пыжиковая (из шкурки молодого оленя). Лузан, надеваемый сверх пиджака или парки, а зимой сверх малицы, представляет ничем незаменимую гениально приспособленную для промысла одежду. Лузан шьется из грубого сукна или нетолстого брезента, рукавов он не имеет, застежек или пуговец в лузане тоже нет. Для того, чтобы сшить лузан берут кусок сукна шириной четверти три, такой длины (по росту человека) чтобы он был четверти на полтары спереди и сзади ниже пояса, в середине этого куска сукна прорезают дыру, в которую можно просунуть голову, к краю этой дыры пришивается капюшон, который в случае дождя надевается на голову, а обыкновенно откидывается на спину; ширина лузана по ширине плеч, при чем на плечах пришивают „напуск“ вершка на два, свисающий на руку, чтобы при дожде вода не стекала на плечи пиджака. Спереди и сзади с внутренней стороны подшивают подкладку обыкновенно из прочного мешка, которая доходит спереди до середины груди, а сзади до середины спины, подкладку к сукну лузана пристрачивают по нижним краям и с боков, на верху же оставляют не пришитой, таким образом внутри лузана образуют два мешка, один спереди, другой сзади, спереди внизу пришивается пара завязок длиной аршина по полтора каждая. И лазун готов. Промышленник лузан надевает, просунув голову в отверстие, капюшон откидывает на спину, в мешки лузана накладывает необходимые для него предметы или продовольствие (а во время охоты промысел) приподнимает спереди нижний край лузана до пояса и подпоясывается пришитыми к краям лузана завязками. Распределяя правильно груз в мешках лузана спереди и сзади, охотник не занимает грузом рук, не связывает своих движений и свободно несет груз из разных придметов или промысел. При этом с нагрузкой $1^1/_2$-2, пуда а иногда и больше охотник проходит в день 20-30 верст не по хорошей дороге, а по лесным и болотным тропам. Без лузана этого не сделаешь.

В зимний промысел верхнюю одежду охотника составляет старая малица—„няр-малица“ т. е. такая, у которой от носки в течении нескольких лет уже вытерлась шерсть. Малицу шьют из оленьих шкур, мехом внутрь.

Большое вниминие промышленник обращает на обувь. Промысел в лесу, ходьба по болотам и „яреям“ требует хорошей не промокаемой обуви. В период осенняго промысла охотник обувает иногда кожанные „бахилы“ сапоги на подшивной подошве без твердого задника, но большей частью носят „голяны“—обувь, в которой к кожанному голенищу пришиваются головки, сшитые из шкур, снятых с ног рогатого скота или оленей или из шкуры морского зверя (нерпы, серки). На подошву ставят обыкновенно шкуру со лба или с груди быка или коровы. Головки голян шьют оленьими или скотскими жилами шерстью наружу, перед тем как пришить их к го-

ленищам их держат суток двое в смольной воде, (которая получается при выгонке смолы). В голяны кладется толстая стелька из соломы, надеваются голяны на толстые шерстяные чулки. Обувью во время зимнего промысла надевают „тобоки" и „липты". Тобока головки и голенища шьют из шкур сног оленей шерстью наружу (но не смолят) подошвой ставят оленьи лбы или делают подошвы „из щеток„—(нижняя часть шкуры с ног около самых копыт оленя).

Тобоки надеваются на „липты" (чулки сшитые из шкур молодых оленей шерстью внутрь). Если во время зимнего промысла охотник на несколько суток уходит из вӧр-керки и ночует в лесном „чуму", то для спанья употребляют „совик". Совики шьются по такому же фасону как и суконная „парка"—из шкур взрослых оленей, мехом наружу. Надевается совик сверх малицы. В такой одежде спят промышленники нередко при 30—40 градусах мороза.

V.

Жизнь промышленников во время лесных промыслов.

С середины августа идут охотники в лесные избушки—„вӧр-керки". Редко идут охотники-одиночки. Обыкновенно два, три, четыре товарища отправляются вместе—одной артелью. Почти каждый промышленник имеет „вӧр-керку" или в ней пай. У некоторых есть по две—три вӧр-керки или пай в них. Лесные избушки раскинуты на 15—20—70—80 километров от селений.

„На готово"—т. е. вполне пригодно для жилья три—четыре человека строят вӧр-керку за 2—3 дня. Лесная избушка делается в квадрате 3×3 или $3^1/_2 \times 3^1/_2$ метра вышиной в рост среднего человека. Пол и потолок настилают из „накатника" толщиной в 14—16 сантиметров, крышу делают из расколотых и топором обтесанных кусков расколотых пополам отрезков бревен, дверь сколачивают из грубо обтесанных плах, стекло для оконных рам (размером в квадрате сантиметров 24—25) приносят из дома. Бревна сруба кладутся на мох, собираемый вблизи постройки. Печку делают из камней („каменку"), которые приносят из ближайшего ручья или речки. Выводной трубы нет, вӧр-керка топится „по черному". При начале топки открывают „трубу"—(дыру прорезанную в стене под потолком), и открывают дверь. Когда огонь разгорится, дым несколько вытянет, дверь закрывают, оставляя открытой только „трубу", а по окончании топки, когда головни прогорят, закрывают „трубу" или деревянной задвижкой или просто затыкая тряпкой с сеном или мохом. Чтобы при топке печи дым не стелился по комнате очень низко, каменку кладут на кладку из отрезков бревен, укрепленных от пола на высоте около метра; во избежание пожара сверху подстила под каменку насыпают земли или песку. Для спанья около печки устраивают нары, по стенкам—против нар углом к печке делается скамейка, в углу—стол. Перед „челом" каменки вешало для чайника и котла [1]).

Вот вид того жилья, где проводят ежегодно по нескольку месяцев охотники, вот где живет и старый и малый промышленник, добывая ценную экспортную пушнину.

Примеч. [1]) Освещением вӧр-керки служит или керосиновая лампочка „коптилка" без стекла или жир птиц и сало зверей, которое жгут в открытой коробке положив туда фитиль или кусок сукна.

Если запас продовольствия (сухари, мука, соль, крупа был заранее завезен в вŏр-керку еще с весны), то промышленник идет из дома „налегке“, неся с собой только чай—сахар, табак, керосин, охотничьи припасы. Если-же продовольствие завезено не было, то его везут или на лодке или на лошади. Лошадь запрягают в „утицы“—легкие оленьи сани. При переходах через вязкие болотистые места лошадь выпрягают чтобы ей было легче „выбиться“, а утицу с грузом перетаскивают силой людей. После доставки груза в вŏр-керку, провожающий уезжает на лошади обратно в деревню.

Придя в вŏр-керку, устроившись, промышленники приступают к настораживанию пастей на птицу, ставят силки, а если вблизи речка где есть рыба, то бьют забор и ставят „гымгу“ на рыбу и капканы на выдровых тропах.

Начинается промысел птицы, а у некоторых в тот же период лов рыбы гымгами, ставными сетями, иногда и небольшим неводом. Путики,—где поставлены пасти и силки, обходят и осматривают по 2—3 раза в неделю. Пойманную и стреленную птицу приносят в избушку, сразу же потрошат и складывают или развешивают в амбарчике, а если осень теплая, то засаливают в заранее приготовленной посуде (деревянные баклашки вмещающие до 80 килогр. мяса).

Промысел птицы домой—в деревню вывозят по зимней дороге около конца декабря.

Едят охотники в день два раза. Утром чай с сухарями (и если есть с маслом), иногда варят птицу, и вечером—по возвращении на ночлег—ужин и чай, вечером же варят еду и для собак. Если недостаток чая, то промышленники пьют настой, из собранной на березах „пакулы“, по вкусу довольно похожий на чай. Из ближайших избушек—верст за тридцать—сорок—за время осеннего промысла охотники раза два—три „к праздникам“ сбегают домой повидать семью, узнать новости, помыться в бане, отнести домой на варева семье или для продажи птицы. (В лузане приносят по 25—35 кнлогр. дичи) Из дальних избушек промышленники приходят только в конце декабря. (После осеннего промысла птицы и зверя) и возвращаются в вŏр-керки в конце января.

Если во время зимних промыслов охотники уходят на промысел из вŏр-керки суток на 5—10, а иногда и больше, то запас продовольствия и теплую одежду совики—охотники тащат на „нортах“, а для ночлега в лесу устраивают „чум“—шалаш из деревьев, поставленных конусом заваленых сверху ветками елки и снегом. Тогда из вŏр керки жизнь переносится в чум. Заболеет промышленник—он „отлеживается“ в вŏр керке, а если дело плохо—дают товарищи весть домой откуда приедут за больным или вывезут его товарищи на нортах. По возвращению домой промысел подсчитывают и делят между участниками на равные паи.

VI.

Об‘единения промышленников. Состояние охотничьего хозяйства и необходимые мероприятия в его развитие.

Если на организацию работы и правильную постановку сельско-хозяйственных коллективов у нас обращено большое внимание, если оказывается всяческое содействие в их развитии, то на проведение коллективизации среди охотничьей массы пока не делается ничего. Встречаются только

об'единения охотников (по 3—4 человека) без всяких уставов, об'единения почти случайные, в бытовые мелкие артели на время промысла. Сговорятся соседи по вŏр керкам, (или пригласят охотников—двух не имеющих почему либо своей вŏр-керки),—забирают по равному количеству продовольствия, идут в вŏр-керки, промышляют, едят сообща из одного котла, делят по ровну результаты промысла и по окончании промысла расходятся. На будущий сезон иногда вновь соединяется прежняя группа, а иногда члены ее расходятся и подбираются новые товарищи.

До начала 1928 года значительное количество охотников около 900 человек (по району) входили членами в свои волостные охотничьи организации (которые назывались „волостными коллективами"), а последние об'единялись в Уездное Товарищество Охотников. Эта организация в 1927 году тесно связалась со Всекохотсоюзом, получала от него указания и начинала вести работу по правильной постановке охотничьего хозяйства в районе.

В 1928 году было проведено интегрирование кооперации. Т-во охотников слилось с богатым средствами Союзом Потреб. Обществ. Организованный Союз Интегральных Кооперативов остался в системе потребкооперации по прежнему, как был Крайсоюз, состоит членом Центросоюза Потреб. Об-в, от которого и получает направление во всей своей работе. Основная линия работы Интегралсоюза—это торговля и правильная, широкая ея постановка. Вопросы охотничьего хозяйства отошли на задний план. Торговые организации не задаются вопросом о сохранении и развитии пушных богатств края. Охотник только слышит требование заготовителей—дать возможно большее количество пушнины. Заготовитель охотно берет песца—кормежку хотя знает, что запрещается добыча щенят песцов из нор, берет норку и выдру весеннего и летнего лова, говоря, что шкуры этих зверей круглый год одинакового качества и сортировщик не может отличить когда добыт зверь.[1]) Подшивая „к делу" мало соответствующие условиям жизни нашего района проекты Сев.-Бюро Центросоюза о формах коллективизации охотников, Интегралсоюз в то же время сам не изучает этого вопроса, не разрабатывает планы, не дает указаний низовой сети. Интегралсоюз с интересом слушает рассказы о нападениях стай волков на оленей, с удовольствием, об устройстве загонов на песцов (предвидя большую заготовку!) но никогда не подходит к вопросу организации борьбы с хищниками или к вопросу правильной постановки охотничьего хозяйства. Это должно быть изжито.

Охота в нашем районе является одной из важнейших отраслей хозяйства. Этим промыслом занято в среднем 20% взрослого мужского населения—а в некоторых деревнях почти все 100%. Нашей кооперации надо тесно связаться со Всекохотсоюзом и вместе с работниками Земли и Леса разработать и проводить в жизнь вопросы правильной постановки охотничьего хозяйства и наметить виды и содействовать созданию и развитию коллективов среди промышленников нашего района.

1) В 1930 году в порядке соревнования между Торготделом Интегралсоюза и Ижемским филиалом Обкомигосторга должны быть завезены хорошего качества, не высокой цены малокалиберные дробовые централки и

---

[1]) Примечание. В порядке распоряжения соответствующих органов власти должна быть запрещена скупка шкур песцов кормежек и шкур лисиц-кормежек. Разрешать можно покупку таких шкур только от госпитомников или от правильно поставленных звероводческих коллективов.

вполне пригодные, хорошей работы, разных типов капканы (на выдру, песца, волка, лисицу) и образцовые по нескольку штук на каждую волость для медведей и россомах.

2) В порядке соревнования с соседними Интегральными Союзами, Уземуправлениями и Леспромхозами—Инструкторский и Промысловый отделы нашего Союза Интегральных кооперативов, наше УЗУ и Леспромхоз должны в 1930 году:

а) разработать план коллективизации охотников и содействовать проведению организации коллективов на местах, охватив не менее 25% всего количества промышленников;

б) организовать съезд представителей охотничьих коллективов;

в) в каждой волости провести ряд лекций и бесед по вопросам охотничьего хозяйства и промыслах;

г) изыскать средства и организовать в районе два образцовых заказника—один на пушных зверей, другой—на лесную и водоплавающую дичь;

д) устроить питомник породистых лаек—финансировав для этой цели один из охотничьих коллективов;

е) организовать и финансировать четыре коллектива для истребления волков—два в районе Большеземельской тундры и два—в западных предгориях Урала.

Если в 1930 году наш Ижмо-Печорский район в вопросах организации охотничьего хозяйства и промысла проведет в жизнь вышеуказанные—минимальные задания, тогда только он может смело сказать, что в деле строительства охотничьего хозяйства Республики он идет в ногу со всей страной, участвует в осуществлении ея пятилетнего плана.

Н. А. Богословский.

Селение Устьсысола до преобразования его в город.

(По поводу столятидесятилетия г. Сыктывкара).

В наступающем 1930 году исполняется 150 летний юбилей существования Сыктывкара, как города. Это 150 летие города Сыктывкара (по прежнему Устьсысольска) совпадает со знаменательной эрой в истории города, именно, со временем, когда по пятилетнему плану он должен из небольшого города превратиться в значительный центр индустрии Коми области.

Это обстоятельство невольно привлекает внимание лиц, интересующихся нашим Коми краем, к прошлой судьбе города Сыктывкара, поскольку г. Сыктывкар является административным, политическим и культурным центром Коми Автономной области.

Вот почему является в поле своевременным и даже интересным направить исследование в прошлое гор. Сыктывкара, выяснить по мере возможности и сил, что представляло из себя то селение, из которого возник гор. Сыктывкар, как оно постепенно развивалось, расширялось, а также как и при каких обстоятельствах произошло преобразование селения в город Устьсысольск, который в настояшее время и в официальном отношении получил название гор. С ы к т ы в к а р, каковым именем этот г о р о д р а н е е н а з ы в а л с я т о л ь к о н а к о м и я з ы к е.

Главным источником для изучения прошлой истории г. С ы к т ы в к а р а являются писцовые и переписные книги.[1])

К сожалению, этих писцовых книг (хотя бы в виде переписанных или перепечатанных, а затем сверенных полных копий с них) в Сыктывкаре не имеется; в нашем распоряжении только имеется переписная книга Яренского уезда 1646 года подробно называемая „Письма и меры Петра Граевского да Под‘ячего Феофана Протопопова 154 (1646) году“, при котором, в виде добавления, приложен „наказ писцу Осипу Хлопову да Под‘ячему Михаилу Максимову о переписи Яренского уезда 1628 г. для взимания податей“.

Как эта „переписная книга“, так и „наказ“ представляют из себя переписанные на пишущей машинке копии с тех документов, изданных в 1926 г. Ал. Ал. Колычевым в виде особой книги под названием: „Материалы по истории севера России, том. II, Москва“ Книга имеет небольшое предисловие Ал. Ал. Колычева и заключает в себе 202 листа.[2])

Эта оговорка делается нами в тех видах, чтобы поставить в известность, что при своих ссылках на писцовые книги (1600 и 1608 годов), мы имеем в виду не самые подлинные писцовые книги (или хотя бы заверенные точные копии с них), а только те выдержки из них, которые сделаны Е. Кичиным в его статье „Об основании Устьсысольска“, помещенной в Вологод.

---

[1]) Писцовыми книгами, как известно, назывались в старину особые тетради или книги, составлявшиеся командированными государственной властью по разным местам чиновниками—писцами, и содержавшие описание предметов налогового обложения (тягла) главным образом, земли в селениях и в городах.

„Переписные“ же книги содержат в себе подробное перечисление посадских и, вообще, всех тяглых дворов с обозначением поименно проживавших в них лиц мужского пола (из женщин перечисляются в них, в виде исключения, только хозяйки двора).

[2]) Эта книга имеется в архивной библиотеке при Коми обл. музее.

губ. ведомостях за 1853 г. в № 47, а в отношении переписной книги 1646 года,—что мы пользовались не самой подлинной книгой, а только той копией ея, которая издана в 1926 г. Ал. Ал. Колычевым и ошибочно названа, по видимому, им „писцовой книгой“.[1])

Первые исторические сведения об Устьсысольском селении.

Первые исторические сведения, которыми мы располагаем об Устьсысольском селении, относятся к 1600 году.

Устьсысольское селение по писцевой книге 1600 года описывается в таком виде (приводим точную выписку из № 47—1853 г. Вологод. губ. ведомостей).

„Погост на устье Сысолы реки, а на погосте церков страстотерпца Георгия. Около погоста дворы врозньь сотского и средних крестьян шести человек, а у них пашни 22 1/2 четверти, сена 250 копен.

Да к погосту же три деревни, двенадцать починков, слобода да две пустоши, да починков пустых три, из них крестьян средних 7 человек, а молодых 41 человек, пахотные средние земли в трех полях 73 четверти, сена 1320 копен, да на погосте дворы попа, дьячка, пономаря и проскурницы, у них церковные пашни 6 четвертей, сена 60 копен“...

Из этого описания видно, что в 1600 году (то есть 330 лет тому назад) на месте нынешнего Сыктывкара находилось небольшое селение-погост Устьсысола—с приписанными к нему деревнями, починками и пустошами. Селение Устьсысола—взятое само по себе (без деревень)—было весьма незначительно, мало и, повидимому, имело довольно жалкий вид: небольшая деревянная церковь, окруженная деревенским кладбищем (следы которого и теперь еще виднеются на Соборной горе), с торчащими обычно-полуразрушенными деревянными крестами. Около них ютились черыре дома духовенства, дом мелкого представителя власти на месте—„сотското“—и шесть домов крестьян. Дома стояли „в рознь“, как попало, без правильных улиц. Легко, конечно, представить себе какую унылую картину имело это селение, напр., зимой, когда небольшие деревянные домишки (размер которых и теперь можно установить по срубам и бревнам, оставшимся в земле на Соборной площади) были занесены сугробами снега.

Малочисленное население Устьсысолы жило, главным образом, крестьянским сельскохозяйственным трудом, обрабатывая пашни и луга, занимаясь, конечно, при этом еще и охотой. У каждого домохозяина был свой земельный участок с необходимым количеством сенокосных угодий.

Из следующей писцовой книги видно, что это селение росло медленно.

Так, писцовая книга 1608 года содержит почти такое же описание погоста Устьсысолы, именно: „погост на устье реки Сысолы, на погосте церковных причетников 4 двора, у них пашни на ячные 6 четвертей, сена 60 копен, да у погоста дворы в рознь и в них крестьян средних 3, молодших 6 человек, у них пашни, сена и 40 слопцов, да к погосту 3

[1]) На необходимость делать различие между „писцовыми“ и „переписными“ книгами указывают историки Ключевский, Дмитриев и др., а также об этом говорится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона; см. под словом „книги писцовые“.

Примечание автора.

деревни, тринадцать починков, слобода, да три пустоши. Из них крестьян средних 6 человек, молодших 53 человек, у них пашни пахотные средние земли 54 четверти, сена 1090 копен, слопцов 280" и т. д.

Из этого видно, что если количество населения Устьсысольского погоста увеличилось к 1608 г. против 1600 года, то благосостояние его спало, что заметно из уменьшившегося количества обрабатываемой земли и копен сена. Указание на „слопцы" (род звероловных ловушек) определенно, свидетельствует, что население Устьсысолы занималось, кроме земледелия, еще и охотой.

Не имея под рукой подлинных писцовых книг 1600 и 1608 годов а распологая только теми выдержками из этих книг, которые приведены в „Вологод. губ. ведомостях" (№ 47-1853 года) в настоящем случае мы воздерживаемся делать какие-либо более подробные выводы из сопоставления данных этих двух писцовых книг.

Тем не менее, эти данные писцовых книг позволяют нам изобразить начальную картину возникновения Устьсысольского селения, превратившегося в 1780 году в город Устьсысольск (теперь Сыктывкар).

Эта картина соответствует той исторической схеме, по которой по описанию историка В. О. Ключевского, возникали вообще большинство селений в тот период времени в Русском Государстве.[1]) Именно, Устьсысольское селение в это время, как заключавшее в себе церковь в шестью крестьянскими жилыми дворами и с четырьмя дворами церковного причта, а потому называвшиеся погостом, тянуло к себе, как к своему церковному и хозяйственно-административному центру, там и сям разбросанные починки, деревни и пустоши. Поселения, возникавшие здесь среди росшего, еще без сомнения, мало тронутого леса, носили названия починков, состоявших из одного крестьянского двора. Когда починок через естественный прирост населения разростался и обживался, тогда рядом с первоначальным двором, возникали второй, третий двор, и починок превращался в деревню. Деревня могла превращаться в пустошь, когда в ней не оставалось жителей и жилых дворов, вследствие того, что жители их вымирали, или вследствие того, что жители, не имея достаточных сил и средств, а также особых побуждений к интенсивной разработке девственных площадей земли, и использовав их лишь только в некоторой степени путем своих подсек и пашен и сняв с них достаточный урожай, забрасывали их, а если и продолжали обрабатывать их, то только наездом или находом из другой местности. Другие же деревни, напротив, разрастались, соединялись в одно селение с другими деревнями, находившимися по близости или рядом, или постепенно входили в состав Сысольского селения, образуя одно общее целое.

Но все же нахождение в Сысольском селении „сотского" и церкви, хотя бы небольшой и деревянной, говорит о том, что это селение существовало уже сравнительно за долго до 1600 года. В самом деле, ведь селение не сразу же после своего возникновения обзаводилось „сотским" и церковью. Некоторое время оно обходилось, несомненно без сотского и имело, наверно, по существовавшему в то отдаленное от нас время обыкновению деревянную часовенку, а было время, когда, может быть, не было и часовни.

Однако, не смотря на наши попытки найти какие либо исторические указания, что было на месте погоста Устьсысолы до 1600 года, никаких исторических сведений добыть нам не удалось.

[1]) В. О. Ключевский Курс русской истории, часть II, стр. 357.

Во всяком случае, до этого времени (первой четверти 17 века) Устьсысольское селение не играло никакой административно-хозяйственной роли в жизни Коми края. Этот вывод мы можим сделать на том основании, что в исторических документах Устьсысольское селение до того времени не упоминается, не смотря на то, что в 15 и 16 веках один тогдашний летний путь из Вычегодской Перми в Камскую (Великую) Пермь шел от Соли-Вычегодской по Вычегде до устья реки Сысолы, затем по р. Сысоле до волока (а зимний до с. Ужги), а оттуда по Каме шел на Соликамок. В эти века, по видимому, весьма видное значение имело селение Вотча (по р. Сысоле), так как в исторических документах означается, что гонцы, посыльшики и целовальники непосредственно из этого селения в „Еренский городок на Выми" (т. е. в Яренск), являвшийся уже более крупным административным центром (нежели с. Вотча), отвозили „казну (налоги и разные сборы).

Без сомнения, селение Устьсысола в этих исторических документах было бы упомянуто, если бы оно представляло из себя более или менее значительную величину, раз летний путь в эти века как раз проходил через него.

Устьсысольское селение по переписной книге 1646 года.

Более подробно мы можем остановиться на данных переписной книги— „письма и меры Петра Граевского да под'ячего Феофана Протопопова 154 1646 года)".

Данные этой "переписной книги" в отличие от прежних „писцовых книг"), заключающиеся в подробном поименованном перечислении хозяев двора, но без указания количества земли, числящейся за ними, весьма интересны, так как проливают некоторый свет на прошлое г. Сыктывкара, указывают на поселенцев того места, где он ныне стоит, а потому заслуживают того, чтобы на них остановиться больше [1]).

Данные об Устьсысольском селении, содержащиеся в этой переписной книге, будут следующие (печатается в виде точной выдержки из книги в тех видах, чтобы показать с какими прозвищами, фамилиями и именами проживали в это время в нем жители).

„Погост—на Усть реки Сысолы, н на погосте церковь живоначальные троицы да церковь Георгия страстотерпца христова, а в церквах образы и книги и свечи, и ризы сосуды церковные, и колокола, а все церковные строение мирское. А на погосте на церковной земле церковных причетников: (в) поп Яким Григорьев сын: (в) церковный дьячек Евсейка Стефанов сын с сыном с Митькою, а Митька 4 лет: у него-же живет бобыль Стефан Никитин сын: (в) пономарь Васька Дмитриев сын с сыном Степкою, а Стенка 8 лет: (в) просвирница Ксиница, да на погосте крестьянских дворов; (в) Степанко Давыдов сын Суханов с братом с Левкою да с сыном с Самоилком, а Самуилке 4 лет: (в) Марко Федоров сын с детьми с Митькою да с Якункою: (в) Федка Гаврилов сын: у него живет бобыль Агапитко Филипов

1) Материал этой переписной книги 1646 года А. М. Мартюшев использовал уже для своих статей; „Население Коми области 300 лет тому назад" „Коми му № 1-2 1927 г.) и «Движение населения Коми области за 300 лет» (Коми му № 10-11—1927 года). Однако, он не останавливался на данных этой книги специально в отношении Устьсысольского селения; в силу поставленных им задач при написании этих статей, он только вскользь, между прочим, коснулся и Сысольского селения.

сын: (в) Бориско да Нифетко Антипины дети прозвище Постниковы: (в) бобыль Федка Пиминов сын Попов прозвище Трепка с братом с Стенкою Харитоновым сыном прозвище с Бажинком: (в) Поликарпко Савельев сын прозвище Первушка с братом с Ивашком, у Поликарпко сын Перфирко 4 лет; Филька Стефанов сын с сыном с Микифорком: (в) Киприянко Федоров сын с сыном с Тимошкою: прозвище Малыжка, да пустых дворов: дом пустой Павла Фомина сына, а он живет в Еренском городке на посаде: дом пустой Калинки Федорова сына прозвище Бесова; а он сшел в Сибирь во 148 году, жены и детей не осталось; дом пустой Игнашки Яковлева сына, а он умер во 145 году, жены и детей не осталось; дом пустой Ульянка Федорова сына, а он умер во 145 году; дом пустой Стенки Филиппова сына, а он сшел к Вятке во 153 году с женою и с сыном Перфиренком, дом пустой Стенки Костентинова сына, а он умер во 148-м году. Да к тому же погосту деревень [1]).

Здесь остановимся, не будем обременять себя дальнейшей выпиской содержания этой книги, заключающего далее утомительное перечисление деревень с поименованным, а местами и фамильным указанием проживающих в дворах людей (мужского пола). Взамен этого, в одной общей сводной таблице перечислим эти деревни, починки и пустоши, с указанием количества жилых и пустых дворов, в том порядке, в каком они приведены в этой переписной книге. Тогда получится, что (выбрасывая две пустые, необитаемые деревни—„деревню Пуста, что был починок Каменный, Федотовский тоже на реке Сысоле", и деревню „что был починок Емодский" и „пустошь что был починок —вдовы Афимьицы Ондреевские жены"), список жилых поселений будет следующий, при чем оставляем точное наименование их, как дано им в переписной книге Петра Граевского: (См. список селений на стр. 81).

Итого, во всем погосте Устьсысола с приписанными к нему 24 деревнями в 1646 г., то есть почти 300 лет тому назад, проживало всего лишь 149 лиц крестьянского населения (мужского полу); прибавляя к нему 6 лиц из проживавшего здесь духовенства, получаем 155 человек. Если предположим, что столько же имелось женщин с малолетними детьми, то численность населения этого Устьсысольского селения, примерно, равнялась не много более, чем 300 жителям, проживавшим притом, как в самом погосте, так и в деревнях.

Список этих деревень представляет из себя интерес, между прочим, и в том отношении, что означенные в нем названия селений, как это видно, не сходятся с ныне существующими названиями их. Невольно возникает вопрос: что тут такое? Изменились ли эти старинные названия деревень и др. селений к настоящему времени, или те же селения, которые перечисляются в этом списке, исчезли с лица земли, или же писцы, составляя эту переписную книгу, исковеркали, исказили названия их? Эти вопросы

---

[1]) Под буквой „в" следует читать владение, условный знак, сделанный А. А. Кольчевым (издателем переписной книги) в видах сокращения ея размеров.

Примечание автора

Название селений, деревень, починков и пустошей	Число жилых дворов тяглых—крестьянских	Число живущих в них лиц мужского пола	Число пустых дворов	Из числа их	
				Вымерших	Оставшихся пустыми вследствие ухода в Сибирь и в другие места жителей
Погост Устьсысола	7	19	6	3	3
1) Деревня, что был починок Ереминский	1	1	3	3	—
2) Дер., что был починок Ивановской на реке на Сысоле	1	2	3	2	1
3) Дер., что был починок Федоровской	3	4	2	1	1
4) Дер., что был починок Каменистой	3	4	1	1	—
5) Дер., что был починок Ивашки Вежева на реке на Сысоле	6	12	—	—	—
6) Дер. Петровская с почин. Фроловским на реке на Сысоле	10	19	7	4	3
7) Дер., что был починок Боровинки на реке на Сысоле	4	7	1	1	—
8) Дер., что был починок Гудниковский, что был на реке Пуре	1	1	—	—	—
9) Дер., что был починок Ильинской	2	4	1	1	—
10) Дер., что был починок Слободка Шульгина на речке Чуве	2	4	3	3	—
11) Дер., что был починок Пезмен над озером Пезменом	3	8	3	—	3
12) Дер. Малга над курьею	7	26	—	—	—
13) Дер. Ивановская на Сысоле реке	1	4	—	—	—
14) Дер. Артемевская, что на Сысоле реке	3	4	2	—	2
15) Дер. Мосеевская на Сысоле реке	2	2	—	—	—
16) Дер. Темниковская на устье реки Сысолы	1	1	1	—	1
17) Дер. Алексеевская на реке на Сысоле	1	3	1	1	—
18) Дер. Потаповская на реке на Сысоле	1	2	1	1	—
19) Дер., что был починок Ивашки Вежева на реке на Сысоле	4	5	—	—	—
20) Дер. Пономаревская	1	1	1	1	—
21) Дер., что был починок Ильинской на р. на Сысоле	2	4	—	—	—
22) Дер. Иня, что на р. Ине	1	5	—	—	—
23) Дер. Кортовская, что на Устькурьи	1	4	—	—	—
24) Дер. Наволок на старой реке Вычегде	3	5	—	—	—
ВСЕГО	70	149	36	22	14

тем более уместны, что когда внимательно всматриваешься в этот список деревень, починков и пустошей, то бросается в глаза, что некоторые деревни носят тождественные (одинаковые) названия. Так, две деревни носят название „что был починок Ивашки Вежева на Сысоле реке“, и две деревни носят название „деревня, что был починок Ильинской“, причем в одном случае не указано, где был этот починок Ильинской, а в другом случае прямо определено его географическое положение, именно „на реке на Сысоле“.

Допускать возможность того, что в данном случае произошла простая ошибка со стороны лиц, производивших составление переписной книги, которые, как будто бы включили одну и ту же деревню по два раза,— нельзя, так как и количество дворов и количество жителей в одноименных деревнях указано ими различное. В отношении одной деревни Ильинской указано число жилых крестьянских домов 2, число живущих в них лиц (муж. пола) 4, и один пустой двор, а в другой Ильинской деревне пустых дворов уже не указано, при чем в первой деревне Ильинской в числе жителей значится: „Федька Семенов сын, у него живет бобыль Семенка Минин сын, Викулко Леонтьев сын с сыном с Самоилком, и дом пустой Федьки Васильева сына, и он умер во 145 году, жены и детей не осталось“. В другой деревне Ильинской, относительно которой указано, что был „починок на р. Сысоле“, в числе жителей значатся уже другие лица, именно: „Митька да Ондрюшка Дмитриевы дети, (по прозвищу Холоповы), Кондрашка да Елисейко Михайловы дети“.

Эту последнюю деревню, „что был починок Ильинской на р. Сысоле“— представляется возможны расшифровать таким образом. Описывая дворы и число жителей погоста „Иб Большой на р. Сысоле“, эта переписная книга содержит, между прочим, такое указание: „на погосте дом пустой Дмитрейко Андронникова сына, прозвище Холопова, а он умер во 147 году, а дети ево Дмитрейко да Ондрюшка живут Еренского уезда погоста Устьсысолы в деревне Кочпоне“. В деревне „что был починок Ильинской на р. Сысоле“, как мы видим выше, действительно Дмитрейко (Митька) да Ондрюшка Дмитриевы дети, по прозвищу Холоповы, значились в числе жителей, составляя собой половину населения его (2 из числа 4 лиц муж. пола). Следовательно, без всякого сомнения можно утвердительно сказать, что под деревней Ильинской следует разуметь то селение, которое носит название „Кочпон“.

Отсюда можно полагать, что эти одноименные деревни под названием „что был починок Ильинской“, состоящие обе то всего из 4 дворов, находились недалеко друг от друга, и в последствии с увеличением дворов и населения образовались одно поселение „Кочпон“.

Тоже самое можно сказать и в отношении двух других одноименных деревень с названием „дер. что был починок Ивашки Вежева на реке на Сысоле“. Здесь уже в отношении обоих деревень дается указание на топографическое положение их: „на р. на Сысоле“. В отношении одной деревни с этим названием в переписной книге содержится указание, что в ней в числе 12 жителей (мужского пола) были Вавилко да Васка Осиповы дети, а в другой деревне с таким же названием (в числе других 4 лиц мужского пола) проживал Осипко Васильев, который являлся, можно полагать, отцом Вавилки да Васки Осиповых. Последние, оставив двор отца, поселились, как обычно это происходит и теперь, а тем более происходило тогда при обилии пустых земель, неподалеку от своего родного двора, который, воз-

можно, отделялся от новых дворов только небольшим лесом. Впоследствии, с увеличением населения, с уничтожением леса путем превращения его под поля и усадьбы, обе эти деревни с именем, „что был починок Ивашки Вежева“ образовали уже одно селение.

Указание, данное в переписной книге на географическое положение этих двух одноименных деревень, именно „на Сысоле реке“, позволяет полагать, что эти деревни слились впоследствии в одно селение, которое стало называться Кируль. Топография местности под селением Кируль и теперь еще указывает на то, что в прошлое время река Сысола, делая излучину, подходила к самому селению.

Фамилия Вежевых и теперь еще является очень распространенной среди жителей селения Кируль.

Это характерное название деревни, „что был починок Ивашки Вежева“, а также и другие не менее характерные: „деревня, что был починок Слободка Шульгина на речке Чуве (не на речке ли Човью? Н. Б.), или „пустошь, что был починок вдовы Афимицы Ондреевские жены“—свидетельствуют о том, что переписчики вносили в книгу деревни и починки, главным образом, по имени первого засельщика, поселенца местности, а не под тем зырянским названием, которое существовало в отношении местности и которое, как показывает вышеуказанный пример с Кочпоном, было известно и переписчикам. Этим, повидимому, и объясняется, что из числа 24 деревень, приписанных к погосту Устьсысола, четырнадцать деревень носят название, происходящее от русского мужского имени. Если составители переписной книги оставили зырянское название некоторых деревень, то эти названия или явились искаженными до неузнаваемости, или впоследствии изменившимися и на Коми (зырянском) языке, и только по указанию на географическое положенне их и по фамилиям, обитавших в них лиц, можно догадываться о какой, именно, деревне идет речь,—например, деревня „Темниковская“, „Малга“ и пр. Ясно, что под Темниковской дер. следует разуметь Тентюковскую, так как она только и могла быть на „Устье реки Сысолы“. Деревня „Малга“ над курьею, по нашему, есть ничто иное как искаженное название Маджа; об этом указывают фамилии лиц, перечисленных в переписной книге, обитавших в этой деревне. Упоминаемые в этой книге Коюшевы и теперь там проживают. Удивляться тому, что Маджа, находящаяся на почтительном расстоянии от г. Сыктывкара, в то время была отнесена к погосту Устьсысола—не приходится, так как еще сравнительно недавно, лет 30 тому назад, Озелы, Слобода, Визябож и др. окружающее наш город селения, были приписаны к Устьсысольскому приходу.

Спрашивается куда же девались все эти 24 деревни и починки, входившие в состав погоста Устьсысола?

Расшифровка того. что следует разуметь под названнем „починков Ильинских“, девевни „Темниковской“ и пр. дает ответ на этот вопрос,—именно, некоторые починки и деревни отошли от Устьсысольского селения, образовав отдельные деревни (например Кочпон, под которым надо понимать, как мы видели уже, Ильинские починки, деревня Чит, которая тогда называлась, по нашему мнению, Ивановской с их жильцами Сидоровыми и др., упоминаемыми еще в этой переписной книге). Часть же других деревень и починков вошла в состав города. Не будем забывать того, что каждая деревня тогда была весьма незначительна (в среднем состояла из 2—3 домов). На том сравнительно большом пространстве, которое зани-

мает ныне город (считая начало его Нижний конец, а концом—Кируль) свободно могли уместиться эти деревни. Некоторые из этих деревень—например „деревня Наволок на старой реке Вычегде“, починок „Гудниковский на речке Пуре“ и другие, можно думать, или совершенно исчезли, превратившись сначала в деревню „с пустым двором“, а затем в пустошь. Некоторые же из этих деревень, изменив свое название, вошли в состав окружающих ныне город Сыктывкар поселений—Слобода, Сейт, Визябож и так далее. Относительно некоторых других деревень, например „Слободка Шульгина на р. Чуве“ (надпоминающую по звукосочетанию речку Човью), Пезмен над озером Пезмен и т д., возникает интересный вопрос: не были ли эти назваиия деревень действительно ранее существовавщими, но впоследствии изменившимися в названия на Коми языке „Човью“, „Пезмог“ и т. д.? Это можно бы было установить путем точной проверки, как они занесены в подлинную переписную книгу 1646 года; книгу осмотрть в подлинном виде мы лишены возможности, в виду отсутствия ея в Сыктывкаре.

Эти писцовые книги 1600 и 1608 годов и переписная книга 1646 года далее позволяют нам иметь представление и о социальном составе населения погоста Устьсысолы. Являясь чисто крестьянским (за исключением, конечно, членов причта), занимавшимся земледелием и охотой, оно уже делилось по экономическому благосостоянию на „средних“ и „молодших“ крестьян, при чем количество средних крестьян уменьшалось за счет увеличения молодших (или „охудалых“). Так, в 1600 г. в погосте Устьсысола проживали только средние крестьяне в количестве 6 человек, а в деревнях, приписанных к нему, средних крестьян было 7 и молодших 41 человек, по писцевой книге 1608 г. на погосте Устьсысола средних крестьян насчитывается уже только 3, за то молодших увеличилось до 6 человек; в деревнях же средних крестьян стало 6, а число молодших дошло уже до 53 человек.

По переписной же книге 1646 года в погосте Устьсысолы и в приписанных к нему деревнях выявляется уже наличность бобылей, под которыми, по словам историка Ключевского, в те времена значились, как лица пахавшие весьма незначительные земельные участки, так и лица совсем безпашенные, владевшие только усадьбами. Здесь же мы видим, что кроме них, имелись еще бобыли, не имевшие совершенно своего двора, усадьбы, и которые скитались по чужим дворам.

Таким образом, это указывает на то, что население Устьсысольского селения уже стало распадаться на бедных и экономически сильных, „животами прожиточных“ крестьян.

Последние выдвигая на выборные должности—на должности сотских, целовальников посыльщиков, земских судеек—угодных им лиц, мало-по-малу захватывают выборное мирское управление в свои руки, отстраняя от общественных дел неимущих.

Затем, при рассмотрении составленного нами списка деревень и починков, входивших в состав погоста Устьсысола, не может не броситься в глаза сравнительно большое количество пустых дворов. Это количество пустых дворов в самом погосте Устьсысолы почти равнялось количеству жилых дворов (на 6 пустых дворов приходится 7 жилых дворов), а во всех селениях, отнесенных к погосту Устьсысола, число пустых дворов было больше половины жилых домов (на 70 жилых домов приходилось 36 пустых дворов, что равняется 51%), из них весьма значительно количество

дворов (41) стояло пустыми, вследствие того, что владельцы их „сошли в Сибирь“, или „сошли безвестно куда“; нами упоминаемый „Наказ писцу Осипу Хлопову да под'ячему Михаилу Максимову о переписи Яренского уезда для взимания податей“, данный им еще в 1628 году, констатирует, как факт, что Яренского уезда (а погост Устьсысола относился тогда к Яренскому уезду и управлялся воеводой),—„многие посадские и уездные люди от войны и от разорения (в силу тяжести налогового обложения Н. Б.)... и от хлебного недороду — охудали... и пометав свои участки разбрелись безвестно“.

При этом надо иметь ввиду, что в то время погост Устьсысола в административном отношении был подчинен „Яренскому городку, что на Выми“ (теперешнему Яренску). Отсюда, из Яренска, исходило управление нашим краем (в том числе и погостом Устьсысола), каковое управление сосредоточивалось в руках воевод — особых представителей московского правительства, назначаемых в большинстве случаев из числа близких к московскому царю лиц (из князей, стольников, окольничьих, бояр и т. д.).

По установившемуся с давних пор обыкновению воеводы содержались на средства управляемого им края. Это порождало вымогательства и злоупотребления со стороны воевод и разных подьячих, находившихся при них, так что все выбранные мирские власти, как то: сотские, целовальники, мирские посыльщики, земские судейки и пр. просто превращались в органы, при помощи которых обиралось население, то в виде налогов и сборов, то в виде корма (кошта), поступавшего уже прямо на воеводский двор. Так как все население края и по всем делам (исключая разве только церковных дел) было подчинено воеводе, то и население погоста Устьсысола, не находившееся в каком либо привиллегированном положении сравнительно с населением других селений, надо думать, переносило те же самые обиды и раззорение от них. Сохранилось много челобитных, в которых население Коми края жаловалась на самоуправство, злоупотребления воевод, на вымогательсто ими разных средств на содержание воеводского двора. *) Злоупотребления эти иногда переходили всякие границы и население, не видя перед собой исхода из тяжелого положения, просто убегало со своих мест, шло в Сибирь или удалялось на новые места, чтобы укрыться там от воеводских порядков. Этим, совместно с другими причинами—тяжестью налогов и сборов и пр. объясняется обилие пустых дворов, наблюдавшееся в то время (в 17 в.), как вообще в Коме Крае, так и в погосте Устьсысола. Другие жители, объединяясь инстиктивно, отвечали на насилие насилием, — поступали в шайки бродячего люда и нападали на представителей местной власти (разных служащих), а также на торговцев и купцов. История рода купцов Сухановых (проживавших в Устьсысольске) знает несколько случаев, когда этим бродячим, раззоренным людом (называвшимися в официальных документах „ворами и разбойниками“) производилась жестокая расправа с ними. Напр. в родословной Сухановых значатся убитыми Давид, позднее Иван и др. Эта расправа над купцами Сухановыми со стороны обездоленого и раззоренного люда заставила род Сухановых всегда пребывать в страхе „от наезду разбойников“ и Сухановы „были этому

*) Например, сохранилась челобитная крестьян Коквицкой, Оквадской и Устьвымской волостей 1689 г. содержание которой приведено полностью в № 11—Вологод. Губ. Вед. 74 года,—кроме того, выдержки из многих челобитных приведены в книге Проф. М. Богославского „Земское самоуправление на русском севере в XVII в“ том II.

Примечание автора.

страху так подвержены", что, по словам путешественика-ученого Лепехина побывавшего в Устьсысольске даже много позднее (в 1771 г.) и его „приезд" наделал одному из Сухановых „много сует" и он Лепехин „с трудом мог добиться, чтобы допушену быть перед лице сего зырянина".

Разумеется, этот бездомный вольный люд шел и по линии наименьшего сопротивления, нападая подчас на большой дороге на проезжающих. История Коми Края знает и эти случаи, о которых в настоящей статье нет надобности особенно распространяться.

Но как ни тяжело жилось, однако, население Устьсысольского селения, в силу естественного прироста и в силу переселения в него населения из других мест (очем говорит разнообразие фамилий жителей его) постепенно увеличивалось. Этому содействовало счастливое расположение Устьсысольского селения при слиянии двух больших рек — Вычегды и Сысолы, имевших большое значение в экономической жизни и того времени. Водные пути, при тогдашнем бездорожьи в летний период времени служили единственным каналом, по которому двигалось население и шел товарообмен. Из грамоты, выданной московским правительством 27 июня 1688 г. известным магнатам севера Строгановым *) видно, что „рыбу всякую, и икру и мед и рухлядь (меха зверей) и иные всякие запасы и товары... летом в судах, и в каюках и в струзех, а зимним путем на санях через Сысолу, мимо Пылядинских ям"... они доставляли в Сольвычегодск из своих Пермских и Сибирских вотчин. Происходило ли это товарное движение через притоки р. Вычегды, где впоследствии был открыт Екатерининский канал, или через верховья реки Сысолы (имеются указания о том, что летний водный путь с Камы шел на Сольвычегодск и вообще на север и этим водным путем, прерываясь только небольшим волоком)—Устьсысольское селение стояло в середине этого пути. Это обстоятельство не могло не вносить известного оживления в жизнь Устьсысольского селения. Тем более, что экономические особенности Коми Края того времени (большинство населения занималось еще охотой и рыболовством) вызывали у населения необходимость в обмене продуктами своего хозяйства и промыслов. Этим объясняется, что еще в глубокую старину на севере наблюдался широкий товарообмен, с торжками, с ярмарками. Но если в прежнее время местом скопления для обмена и центром торговли являлись—Устьвым (в 14 веке), Сольвычегодск с ея известной „соболиной ярмаркой" (в 15 и 16 веках), то к началу 18 столетия этот центр товарообменных операций перемещается уже в Устьсысольское селение. Оно начинает выправляться, обстраиваться, и своими (правда, еще только деревянными) постройками выделяться из числа других селений Коми Края, так что становится к концу 18 столетия крупным селением. Побывавший в 1771 г. в погосте Устьсысола „академик и медицины доктор" Иван Лепехин имел уже основание назвать его в своих записках „славной Зырянской селидьбой" и заметить, что; дома в нем отменнее перед другими селами „и что село сие (т. е. Устьсысола) повстене у всех зырян (находится) в особливом почтении *).

---

*) Эта грамота приведена полностью А. Дмитриевым в его сборнике „Пермская старина", выпуск 6, на стр. 145—147.

*) См. „Путешествие Ивана Лепехина, академика и медицины доктора по разным провинциям Российского Государства в 1771 г," Санктпетербург (стр. 272—273), в главе „Село Устьсысола". Лепехин зырян называет „зирянами". Книга имеется в архивной библиотеке при Обл. Коми музее.

Примечание автора.

Погост Устьсысола становится важным экономическим пунктом и административным-волостным—центром, куда начинают уже стекаться не одни только продавцы продуктов своего промысла, но и лица, ищущие и нуждающиеся в разрещении своих хозяйственных дел.

Скопление населения свою очередь опять влияло на оживление товарообмена.

Этот товарообмен породил особый разряд лиц—скупщиков и перепродавцев, которые обманывая и обирая население, сконцентрировали к началу 18 столетия в своих руках большие капиталы и стали крупными купцами, торговцами.

Мы видим, что Сухановы, которые по переписной книге 1646 года проживали в Устьсысольском селении просто, как крестьяне среднего достатка, к началу 18 столетия делаются уже крупными торговцами, купцами. Из известной челобитной Елисея Суханова 1739 года видно, что род Сухановых к этому времени имел в своих руках большой капитал и вел торговые сношения с общегосударственным и даже внешним рынком. Свою жизнь Сухановы обставили необычною для такого захолустья, каким тогда являлся погост Устьсысола, роскошью. В их доме имелась серебрянная и золотая посуда, жемчужные ожерелья, „заморские вина“ парчевая одежда и пр. Торговые склады их были наполнены не только пушниной, но и др. дорогими товарами, напр. „бобровой струей“ и пр.

Чтоже в это время представляло из себя Устьсысольское селение и какие „учреждения и предприятия“ в нем существовали.

Из грамоты 1735 г. „посадным людям... Сухановым“ на постройку в Устьсысольском селении каменной Покровской церкви (взамен „обветшалой деревянной“) видно, что в приходе этой церкви было уже больше 900 душ муж. пола.[1]) Никаких исторических документов, которые бы указывали на какие либо важные события в жизни населения Устьсысольского селения этого времени, не имеется, за исключением разве упомянутой выше челобитной Елисея Суханова, свидетельствующей о том, что в 1739 г. было произведено на дом купцов Сухановых в Устьсысольском селении нападение со стороны неизвестных лиц, которых челобитная называет „ворами и разбойниками“, сопровождавшееся убийствами (одного из купцов Суханоых—Ивана Афанасьевича, бурмистра кружечного двора—Ивана Чукомина, служащих Устьсысольской таможни) и сожжением дома Сухановых, при чем во время пожара сгорели дочери брата Ивана Суханова—Петра—Любовь и Александра Сухановы,—работница их—Евфимия Клементьева, и проживавший для обучения детей Сухановых грамоте—Семен Остапов; а сам Петр Афанасьевич Суханов был избит до полусмерти, при этом нападении было отчасти расхищено имущество их, а отчасти сгорело в огне; одновременно с этим было расхищено и имущество на пивоваренном и винокуренном заводах Сухановых при речке Човью, а сами заводы были сожжены.[2])

---

[1]) В состав прихода, кроме погоста Устьсысолы, без сомнения, входили ближайшие деревни и починки, которых грамота 1735 г. не перечисляет, почему, к сожалению, и не представляется делать какие либо выводы из этого документа о росте самого погоста Устьсысола.

[2]) Об этом происшествии в настоящей статье мы считаем излишним подробно распространяться, так как ему нами была уделена особая статья под названием „О былых разбойниках в Коми области и об атамане их Суханове, по прозванию „Шипича“ в выпуске I „Записок Общества Изучения Коми Края“, 1928 г. стр. 29.

Примечание автора.

Повидимому, население Устьсысолы, занятое крестьянским трудом, эксплоатируемые при том купцами Сухановыми, проводило ту же монотонную трудовую жизнь, испытывало те же нужды, недостатки и лишения, платило те же подати и сборы, как и прочее население Коми Края.

Школ и вообще каких либо учебных заведений, хотя бы самого низшего типа, не существовало. Даже простая грамотность встречалась крайне редко. Она не простиралась далее уменья кое-как читать церковно-славянскую грамоту. Чтению и письму натаскивали отдельных лиц дьячки, пономари и вообще члены причта в своих религиозных целях. Медицинской помощи не было, разумеется, никакой. Население было беззащитно против свирепствовавших эпидемий. Упомянутый уже нами „академик и медицины доктор" Иван Лепехин, побывавший в 1771 году в нашем погосте Устьсысола, как раз застал эпидемию кровяного поноса (в с. Слобода) в таком размере, что, по его словам „все малолетние дети вымерли, а наконец очередь дошла и до пожилых людей". С грустью намечает он, что „бедственное их (т. е. жителей) состояние тем более было, что они ни откуда скорой помощи получить не могли, ибо не только в селах и деревнях нет лекарей, да и в самых городах с Диогеновым фонарем их не сыщешь [3])"

Единственной утехой населения служила водка, а главным местом развлечения являлся государственный кабак, носивший в то время название „Кружечного двора". Особые приставленные к продаже вина выборные населением лица—целовали крест и евангелие в том, что продавать водку населению они будут со „всеусердным рвением" и честностью. От обычая целовать перед поступлением в эту должность крест они и получили название целовальников, каковое название сохранилось за сидельцами винных лавок в некоторых местах даже до сего времени.

Особо-уполномоченные люди „излюбленные головы" или особые государственные чиновники, называемые громким именем „бурмистр", заведывали этим кружечным двором".

Кроме кружечного двора, в Устьсысольском селении, как на бойком торговом месте, правительство содержало еще „таможню". Этим именем называлось учреждение, ведавшее сбором пошлин с привозимых и провозимых (транзитных) товаров. Но сборы в таможни этим не ограничивались. Хлеб, сено, дрова, пользование местами, переправами, торговыми площадями, извощики, сплавные суда, даже проруби и горшечная глина и пр.— все было обложено сборами. Правда, это внутреннее таможенное учреждение существовало в Устьсысольском селении только до 1754 г., когда оно повсеместно, как стеснявшее торговлю, было отменено; отались одни только портовые и пограничные таможни.

Из „предприятий", как это видно из указанной челобитной Елисея Суханова, существовали в Устьсысольском селении винокуренный завод, пивоварня и мукомольная мельница (при речки Човью), принадлежащие купцам Сухановым. С этих заводов купцы Сухановы поставляли вино на Устьсысольский и Яренский кружечные дворы.

Понято, что эти „предприятия" еще больше обогащали купцов Сухановых. И неудивительно, что население подпало под их экономическую зависимость. Эта эксплоатация Сухановыми мирного населения повела к тому,

---

[3]) Путешествие Ивана Лепехина, академика и медицины доктора по разным провинциям Российского государства в 1771 году,—стр. 274.

что с течением времени все лучшие земли, пашни, луга (пожни) от мирного населения перешли в их руки (купцов Сухановых).

Это подтверждается, между прочим, одним интересным историческим документом. Этот документ—рукописная книга в 2 томах большого формата, носящая очень многословное название: „Ведомости к генеральному плану Вологодского наместничества Яренского (т. I) и Устьсысольского (т. II) уездов размежованным землям, означающие сколько каждая дача имеет расстояние от города верст, дворов, мужска и женска полов, удобной и не удобной земли со изъясненеем собранных в силу межевой инструкции экономических примечаниев".Книга (т. II) составлена (год не указан) губернским землемером Павловым вскоре же после упразднения воевод и преобразования Устьсысольского селения в уездный город Вол. губ., что видно из того, что описывая город Яренск, автор книги говорит, что в воеводском дворе помещаются новые учреждения, а в отношении Устьсысольска—что по новости города в нем нет (еще) гостинного двора.[1]) Вместе с тем эти „Экономические примечания", вместе сохранившимся старинным планом города Устьсысольска, который утвержден (или как тогда выражались „конфирмован") императрицей Екатериной второй надписью „быть по сему Генваря 16 дня 1783 г. в Санктпетербурге", дают возможность изобразить, что из себя представляло село Устьсысола в момент преобразования его в 1780 году в уездный город Вологодского наместничества, тем более, что на плане „в пунктирных линиях" обозначены и старыя строения. (см. рис. стр 97.) В пояснение к плану на нем в отношении этих старых строений сказано, что „у которых обывателей нынешние строения не придут в линию, оставить до такого времени, когда сами собой обветшают, повалятся и другим каким случаем уничтожатся или хозяева сами добровольно и прежде того перестроить по плану пожелают, дабы обыватели не претерпели убытка от сломки дворов еще к житию годных" и т. д.[2].)

Итак, пользуясь „Экономическими примечаниями" и указанным планом, сделаем попытку описать, что из себя представляло село Устьсысола в момент его превращения в город Устьсысольск, в настоящее время переименованный в г. Сыктывкар.

Погост Устьсысола ко времени превращения его в город

Из „Экономических примечаниев" выясняется, что во время преобразования погоста Устьсысолы в город, на городской селидебной земле проживало 831 человек муж. пола „из мещан" и 848 жен. пола из мещан, 26 человек купеческого звания муж. пола и 22 жен. пола того же купече-

---

[1]) Эта книга „Ведомости к генеральному плану... со из'яснением экономических примечаний„ (в 2 томах,—в первом 204 листа, во втором—лист.) хранятся в Обл. Межевом Архиве при Коми Обл. Земельном Управлении. Эти „Ведомости с экономическими примечаниями" в своей настоящей статье мы будем кратко называть „Эконом. приме чаниями".

[2]) Если план гор. Устьсысольска был утвержден в 1783 г. (т. е, три года только спустя после образования г. Устьсысольска), то составление плана последовало несомненно раньше, так как при тогдашних способах передвижения и связи и общей медленности в движении дел требовалось не мало времени, чтобы план был утвержден в „Санктпетербурге". Этот план хранится в Межевом Архиве при Областном Земельном Управлении. Кроме подлинного плана имеется точная копия с него, хранящаяся там же, которой и пользовался автор.

Примечание автора.

ского звания,—следовательно, всего во вновь образованном городе проживало 1727 человек обоего пола (не считая лиц духовного звания и незначительного числа служащих—чиновников).

Городской „селидебной" земли значилось 546 десятин 2217 саженей (597,53 гектара).

Вокруг вновь образованного города (по „Экономическим примечаниям") с Северной, Южной и с Западной стороны имелся небольшой земляной вал с сухим рвом. На указанном нами плане действительно обозначена с Северной, Южной и с Западной стороны линия, в отношении которой дано объясненне: „вал или ров по ограничению". Отсюда можно думать, что земляной вал с сухим рвом был просто межевым знаком, указывающим черту города, хотя не исключается возможность строить предпсоложение, что действительно когда то селение Устьсысола было обнесено с северной стороны сухим рвом, постепенно под влиянием сначала дождевой, а потом ключевсй и ручьевой воды расширявшемся и углублявшемся. По крайней мере, весьма правильные очертания рва, имеющегося около так назыв. Слободки „Парижа" (т. е. с Северной стороны города) дают повод думать относительно искусственного происхождения этого рва. „Экономические примечания", как будто бы, подтверждают эту мысль.[1]) Правда, на плане означено, что через этот ров имелся уже мост, но мост может быть устроен и через сухой ров.

В городе имелись еще только две церкви—Покровская и Троицкая—с одной колокольней (иначе говоря, только собор на берегу Сысолы).

Государственных и общественных, а также и частных каменных зданий в нем еще совсем не было. Это видно и из „Экономических примечаниев" и из плана.[2]) Деревянных же домов насчитывалось: один лучший „оберофицерский дом", девять купеческих, триста три дома мещанских и одиннадцать „прочих домов". Кроме них, имелись два деревянные хлебные и один соляной „магазейны", а для хранения государств. „казны" и вина—два земляных подвала; конечно, был и „казенный питейный дом".

Следы этих двух земляных подвалов и теперь еще имеются в местности „Париж" и, повидимому, сохранилось даже одно из деревянных строений. которое называлось „хлебный магазейн". Это строение, сделанное из толстого, здорового, возможно, из лиственного („корабельного") лесу, туго поддается влиянию дождей и, не смотря на преклонный свой возраст, упорно оказывает сопротивление разрушительному влиянию времени.

Осмотром плана устанавливается, что строения прилегали в некоторых местах даже ближе, чем теперешняя Береговая улица к берегу, и группировались вблизи той местности, где стоит собор, окружая его с трех сторон.

---

[1]) Это предположение соответствует характеру того времени, которое описывается. Если купцы Сухановы имели, по преданию, подземные ходы, в которых могли бы укрываться от опасных для них лиц и скрывать там часть своих богатств, то государствен. власть, державшая здесь, в местечке, которое назыв. теперь „Парижем", „казну", разные „магазейны" и наверно, оружие, могло укрепить эту местность, окружив его „сухим рвом" и другими способами.

[2]) Этим опровергается утверждение П. П. Ползунова в выпущенной им в 1912 г. книге „История Устьсысольского городского училища" о том, что здание, где помещалось это городское училище в его время (в 1912 г.) и где теперь помещается Коми областной Музей „насчитывает за собой свыше 160 лет". Выходит, что это здание и теперь еще не „насчитывает за собой" так много времени. Оно построено уже после образования города, которому в этом году только стало 150 лет.

Примечания автора.

Остров „Ошвич" на плане изображен выступающим своей северозападной стороной—мысом против собора, а не против пристани, как теперь; из этого можно видеть, что река Сысола, обрывая берега Ошвича и отодвигая его (с уменьшением размеров) к югу, в то же время заметно оборвала и часть земли от города, а вместе с нею и ту полосу земли, на которой, как это видно из плана, стояли строения Устьсысольского селения. Остатки бревен, кирпичи, камни, уголь и пр. предметы, выступающие на поверхность при обрыве берега на нынешней Береговой улице (вблизи Спасательной станции) наглядно удостоверяют это.

Отсюда можно сделать тот вывод, что р. Сысола в этой своей части постепенно удаляется на юг, в сторону Кируля и Войт, к тому бывшему руслу ея, где она в давно минувшие времена и протекала (о чем свидетельствуют очертания местности под Кирулем и у так называемой „Золотой Горы (Войт). Словом происходит причудливая игра природы. *)

Отмечая, что в городе были уже „магазейн" для хранения вина и один казенный дом (попросту говоря, кабак), „Экономические примечания" указывает и на то, что в городе „училищ, аптек, больниц, богаделен" не имеется, а „равно гостинного двора по новости города нет", за то имелось „одиннацать торговых лавок", в которых продаются „привозные товары из немецких и московских фабрик, как то разных цветов сукна, пуговицы, гарус, китайка разных сортов и доброт, тафты, фанзы, ленты, платки шелковые и бумажные, колоты, коломенские стамеды, кумачи, чулки нитяные, колпаки бумажные, бумага пряденная, Архангельское полотно, башмаки женские и мужские сапоги, посуда оловянная, медная глинянная и деревянная и некоторые менеральные вещи—сахар, китайский чай и прочие мелкие для купечества, мещанства и уездных жителей приличные товары, также и с'естные продукты и продают по сходственным неравным ценам".

Уже существовали две ярмарки—первая в январе с 1 по 10 числа, а вторая—с 26 ноября по 1 декабря, на которые приезжали купцы из города В.-Устюга, Яренска, Сольвычегодска и Лальска, „у здешних купцов и крестьян они покупали меховую рухлядь, медвежьи и волчьи шкуры, лисиц, бобров, россомах, выдр, соболей, куниц, норок, горностаев, белок и прочих случающих в торгу зверей и привозную с реки Печоры соленую бочками семгу, сигов, щук, язей и кедровые орехи". Некоторые купцы „хлеб по покупке отправляют барками к Архангельскому порту", а для покупки товаров от езжали временами в города: Устюг, Сольвычегодск, Мекарьев и в Яренский уезд—в с. Турью, на имеющуюся там 13 января ярмарку, а „больше ездят по уездам закупать разных зверей, также к кочующим в горах около Сибирского камня (т. е. к Уралу—Н. Б.) Ясатным остякам, самоедам, манцам, у коих выменивают на свои товары меховую рухлядь, оленьи кожи, лапы, разное по их манеру сшитое платье, замшу, и мамонтовую кость,

*) Кстати сказать, эта игра природы может оставить г. Сыктывкар без реки, при лухе, так как одновременно с этим приблизительно с версту от Сыктывкара, выше по р. Сысоле, происходит обратное явление, именно р. Сысола, обрывая берег, упорно удаляется к северу, прорываясь на соединение с Вычегдой. Лет 30 тому назад пространство земли, отделявшее р. Вычегду от р. Сысолы в этом месте равнялось, примерно, 180 саженям, а теперь это пространство равняется уже только, примерно, 50 саженям. Если не будут приняты меры, то соединение Сысолы с Вычегдой в этом месте будет неизбежно, и г. Сыктывкар скоро останется у залива, подобно Кирулю.

Примечание автора.

от чего получают не малую прибыль **) и по привозе продают приежающим для того нарочно в марте месяце Московским и Устюжским купцам".

Таким образом, в это время происходила уже в довольно широких размерах торговля, главным предметом которых являлась „меховая рухлядь" (меха) и шкуры зверей, при чем таких, которых в нашем краю теперь, как говорят, „и в помине нет", например, бобров и соболей. Об'ектом торговой эксплоатации служили „остяки, самоеды и манцы" и, конечно, местное население, неграмотное, темное, каковая торговля давала купцам „не малую прибыль" (говоря языком автора „Экономич. примеч." прибавим мы от себя, а выражаясь прямо—огромные барыши).

Заслуживает внимание то обстоятельство, что кроме меховых товаров, из Устьсысольска в то время сплавлялся в Архангельск „барками" хлеб. Повидимому местное население, располагая значичельными земельными участками, на своих хороших подсеках получало хороший урожай хлебов. Кроме того, хлеб мог быть и другого происхождения, именно, привозной из Соли Камского и Кайгородского уездов через Койгородок по реке Сысоле.

По словам автора „Экономич. примеч.", с Нювчимского завода „вешними водами Санкт-Петербурскими купцами и заводчиками Грибаровыми (владельцами Нювчимского завода) в Архангельский порт барками сплавлялось железо и чугун, а с Кажимских заводов мимо Устьсысолы „водяною коммуникациею к Архангельскому порту" владельцы этих заводов—Иван Курочкин и Александр Юринский—сплавляли на построенных в заводской пристани судах железо и лес. Отсюда видно, что „судовой ход" (выражаясь языком „Экономич. примечание" в) по реке Сысоле был для того времени довольно значителен, что подтверждается и заметкой Лепехина о том, что по р. Сысоле „ходят не малые караваны с железом, отпускаемые с заводов, в вершинах речки Сысолы находящихся, а из Соликамского и Койгородского уездов отпускается по ней и хлеб. ***).

Устьсысольские селение, в силу своего удачного расположения при слиянии двух рек—Вычегды и Сысолы—много выигривал от этого,—в отношении увеличения своего населения, в смысле развития торговли, оживления, особенно в весеннее время и т. д.

А что делало в это время местное население, коренные жители г. Устьсысольска? В „Экономических примеч." об этом сказано очень простодушно „мещане довольствуются от хлебопашества и скотоводства и имеющую за ним землю запахивают сами и сеют рожь, овес, ячмень, коноплю, лен и несколько пшеницы, женщины упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, шерсть, ткут полотно, посконные холсты, разные сукна, вяжут колпаки, чулки, перчатки нитяные, шерстяные, плетут кружева для собственного своего употребления, а за остатком и на продажу... „Цеховых мастеров, серебреников, медников, часовщиков, слесарей, кузнецов, портных, сапожников, башмачников, столярей, и там подобных", говорит „Эконом. примеч.", не имеется, кроме партикулярных людей, приезжающих из разных жительств на время, когда является работа. Не было также никаких заводов, кроме мукомольной мельницы, принадлежащей купцам Сухановым на р. Човью, и небольшого кирпичного завода, на котором выделывалось не больше трех тысяч кирпичей, да и то „когда бывает церковное стро-

**) „Манцы" китайцы Уссурийского Края и вообще Восточ. Сибири (см. Энциклоп словарь Брогкауза и Эфрона).

***) См, Путешествие Ивана Лепехина, стр. 265.

ение...*) Разные свои избытки и промыслы (зверей, гусей, уток, тетеревей, лебедей, журавлей, рябков, сырую рыбу, мясо, рожь, ячмень, хмель, масло, кожи сыромятные и бараньи) население продавало или обменивало на товары у местных купцов.“

Так говорит о жизни местного населения автор „Экономич. примечаниев.“

Путешествовавший с научной целью по разным „провинциям государства Российского“ академик медицины доктор Иван Лепехин, побывавший, как уже сказано нами выше, в 1771 году и в селение Устьсысола (превратившемся через девять лет после этого в город Устьсысольск) более подробно и глубоко вскрывает то экономическое положение, в котором находилось тогда местное население. Он, называя иронически проживавших здесь купцов Сухановых „зырянскими князьками“, говорит, что „каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина и все его стяжание почти надлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают все их житье, бытье, богачество“. Выражаясь современным языком, это значит, что купцы Сухановы держали в полной экономической каблае, зависимости, все местное население, путем предоставления им ссуд, задатков, а потом вымогали с них весь заработок их и об‘екты их промыслов. После этого не удивительно, что произошло то явление которое он (Лепехин) констатирует: „есть ли где увидишь лучшие нивы и ближайших селениях к Устьсысоле и спросишь, кому они принадлежат? — отвечают: Сухановым; есть ли где пасутся стада, — стада надлежат Сухановым“.

И даже он—Лепехин,—этот представитель тогдашнего официального мира, академик и медицины доктор, которого отнюдь нельзя заподозрить в каком либо необ‘ективном и в пристрастном описании всего замечаемого и наблюдаемого им, делает заключение о том, что „сколь вредны вообще и сколь тягостны для крестьянства такие посторонние помещики и не по своим местам живущие промышленники, *) всяк удобно видит.“

Таково было положение местного населения ко времени открытия гор. Устьсысольска, по наблюдению ученого Лепехина. Просматривая „Экономич. примечания“, вполне можно убедиться в том, что действительно в то время почти все лучшие пожни, луга, пашни и разные угодья, окружавшие Устьсысольское селение, составляли „владение“ Устьсысольских купцов: Афанасия Елисеева, Степана Григорьева, Михаила и Ивана Петровых Сухановых,—словом, „Экономические примечания“ в той части, где перечисляются земельные владения, в полне подтверждают утверждение Лепехина о том, что все „лучшие нивы“ в с. Устьсысола в его время принадлежали купцам Сухановым.

Вот в общих чертах картина тех социальных отношений, которые существовали в селении Устьсысола ко времени превращения его по указу Екатерины II в уездный город Вологодского наместничества (или губернии).

---

*) Винокуренный и пивоваренный заводы, принадлежащие Сухановым, и сожженные во время нападения в 1739 г. неизвестными лицами, как можно видеть из факта неуказания на существование их автором „Экономич. примеч.“, повидимому, после этого „разоренья“ уже не создавались вновь.

*) Сухановым принадлежало тогда и производство по выработке точил на Печере. Подробно обо всем этом см. книгу «Путешествия Ивана Лепехина академика и медицины доктора по разным провинциям Российского Государства в 1771 г. «Стр. 272-273 в главе» Село Устьсысола».

Примечание автора.

Как и когда произошло преобразование селения Устьсысола в город.

Еще Петр I своим указом от 18 декабря 1708 года распределил все города русского государства по 8 округам (губерниям), „чтобы всякий знал, откуда определенное число (доходов) получить мог". Эти губернии были Московская, Ингерманландская (потом назв. Ст. Петербургской), Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская, Сибирская; в 1711 к ним прибавилась еще 9-я—Воронежская губерния.[5])

По этому делению на губернии Яренский уезд (в состав которого входило Устьсысольское селение (было отнесено к Архангелогородской губернии.

В 1718 г. Архангелогородская губерния была разделена на 4 провинции: Архангелогородская, Вологодская, Галицкая и Устюжская. Селение Устьсысола с Яренском вошло в состав Устюжской провинции.

Екатерина II при своем указе от 12 ноября 1775 г. ввела в жизнь, ранее выработанные „учреждения для управления губерний всероссийския империи". В этом указе проведение в жизнь „Учреждений о губедниях" она мотивирует тем, что по великой обширности некоторых губерний, оные не достаточно снабдены, как правительствами, так и надобными для управления людьми... Происходящее от того неустройство весьма ощутительно, с одной стороны, медленность, упущения и волокита суть естественные следствия такого не удобного и недостаточного положения..., с другой стороны, от медленности производства возрастают своевольство и ябеда обще со многими пороками, ибо возмездия за преступления и пороки производится не с таковою поспешностью, как бы надлежало для укрощения и в страх продерзостным"... и т. д. Из чего видно, что мотивом в ведению в жизнь „Учреждения о губерниях" Екатерина II выставляла искоренение медленности, волокиты в воеводском управлении („страстного производства" и „своевольство"), ябедничества и опущений по службе. На самом же деле, увеличение числа новых губерний (до 50) по этому „Учреждению о губерниях" было продиктовано желанием дворянских депутатов, участвовавших в комиссии 1767 года, увеличить число крупных должностей в государстве и необходимостью (с дворянской точки зрения) усилить административную власть на местах. В виду Пугачевского восстания просто „надо было спасать крепостнические устои дворянского общества, сильно потрясенные движением в Поволжье на Яике, и на Урале и подвергавшиеся опасности дальнейших потрясений.[6])

„Учреждения о губерниях" вводились в жизнь постепенно.

При указе от „29 января 1780 года" был опубликован „примерный стат" Вологодского наместничества, состоящего из трех областей или провинций; первый Вологодский из пяти уездов: Вологодского, Тотемского, Вельского, Грязовецкого, Кадниковского: второй Велико-Устюжской из семи уездов: Велико Устюжского, Сольвычегодского, Яренского, Лальского, Никольского, Красноборского и Устьсысольского и третий Архангельский из семи же уездов: Архангельского, Шенкурского, Мезенского, Кольского,

---

[5]) В. О. Ключевский. Курс Русской Истории, том. IV, стр. 198.

[6]) Н. Рожков „Русская История в сравнительно-историческом освещении", том VII, стр. 103-102.

Онежского, Пинежского и еще одного „где по удобности назначит генерал-губернатор“ 7)

Уже потом 31 декабря 1796 г., по новым штатам из Вологодской и Велико-Устюжских областей (губерний) была образована одна Вологодская губ., из 10 уездов, в том числе и Устьсысольского, а уезды—Лальский и Красноборский были уничтожены, а бывшие города Лальск и Красноборск были обращены в посады и были приписаны—Лальск к Устюжскому уезду, а Красноборск—к Сольвычегодскому, при чем по этим новым штатам в России оставлено было 41 губерния и 1 область. Лоемская, Спаспорубская, Об'ячевская, Ношульская и Летская волости на первых порах вошли в состав Лальского уезда, а после закрытия этого уезда были причислены к Устьсысольскому уезду. 8)

В основу деления государства по губерниям по „Учреждению о губерниях“ было положено количество населения от 300 до 400 тысяч, а в основу деления на уезды легло количество населения, равнявшееся от 20 до 30 тысяч. Кроме того, уезд делился еще на станы.

Таким образом, селение Устьсысолы было преобразовано в город по указу Екатерины II от 29 января 1780 года (считая по старому стилю).

Открытие губернии и уездных городов сопровождалось крупной шумихой, помпой. Еще задолго до открытия их „высочайшим указом“ было предложено всем уездным властям исполнять все требования Ярославского генерал-губернатора—Мельгунова, а для безпрепятственного следования его—Мельгунова—для осмотра городов в целях „учреждения новых правительств“ было приказано исправить большие дороги, мосты и даже верстовые столбы.

Открытие в Вологде наместничества происходило с обыкновенными „при открытиях обрядами“ именно „угощаемо было дворянство, также и купечество обеденными столами и.. п. даваемы было в разное время балы, концерты, маскарады и комедии.“

„Разные угощения были делаемы“ и по областным (провинциальным) городам; кроме того, в открываемых городах „богослужение совершали по два дня местные протоиереи, в присутствии назначенных от генерал-губернатора чиновников“. 9)

В Устьсысольске официальное празднование открытия города происходило 10 сентября 1780 года в одном из домов купцов Сухановых (находившемся в близи того места, на Береговой улице, где теперь стоит дом Косолаповой). На открытии присутствовал особый командированный из г. Вологды чиновник Жеребцов. Были на торжество приглашены чиновничество, купечество и духовенство, но не видно были ли приглашены представители трудового люда. 10)

Трудовой люд относился к факту превращения селения в город, разумеется, безучастно, равнодушно, ибо инстинктом угадывал, что на смену одних классовых дворянских учреждений, в другом виде и под другими названиями, опять являются те же классовые дворянские учреждения.

---

7) См. книгу „Екатерины вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи,“ где имеется также указ от 29 января 1780 г. и примерный „стат“ Вологодского Наместничества. Книга имеется в архивной библиотеке при Коми Обл. Музее.

8) См. книги „Материалы по истории г. Лальска“ Пономарева.

9) См. Вологод. Еп. Ведом. № 8-1867 г.

10) См. Вологод губ. Ведомости № 47-1853 г

Конечно, было бы интересно вскрыть сущность новых учреждений, которые с 1780 г. появились в Устьсысольске, как в уездном городе,—разных „магистраторов“, нижней расправы и т. д. и показать, как и в чем они проявляли себя в жизни, но все это выходит из пределов нашей статьи. Ждем этого от тех лиц, которые, располагая архивным материалом, могли бы полнее и лучше выполнить эту задачу.

Выкопировка генерального плана гор. Устьсысольска утвержденного в 1783 г.

Пунктиром показаны границы существовавшего селения Усть-Сысолы. Выкопировка взята на район от р. Сысолы до современной улицы Ленина.

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный редактор *А. Ф. Богданов.*

Редакционная коллегия: *Н. А. Соснин. Д. А. Батиев. А. М. Мартюшев.*

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	18 сверху	распределения	распадения
13	3 „	отрывными	отрывистыми
—	20 „	освещены	освясщены
15	2 „	держащими	дрожащими
—	15 „	воздука о связи	воздуха о связки
19	3 „	паљшöр	пељшöр
—	19 „	орфография	орфографич.
36	31 „	kiryrgia	kirurgia
70	29 „	или	если
76	14 „	в поле	вполне
76	33 „	с тех	с этих
77	28 „	сотското	сотского
78	21 „	в шестью	с шестью
78	23 „	называвшиеся	называвшееся
79	15 снизу	церковные	церковное
79	11 „	с сыном Степкою	с сыном Стенкою
80	2 „	болыл	бобыль
80	6 „	или те же селения	или же те селения

ЦЕНА 1 РУБ.